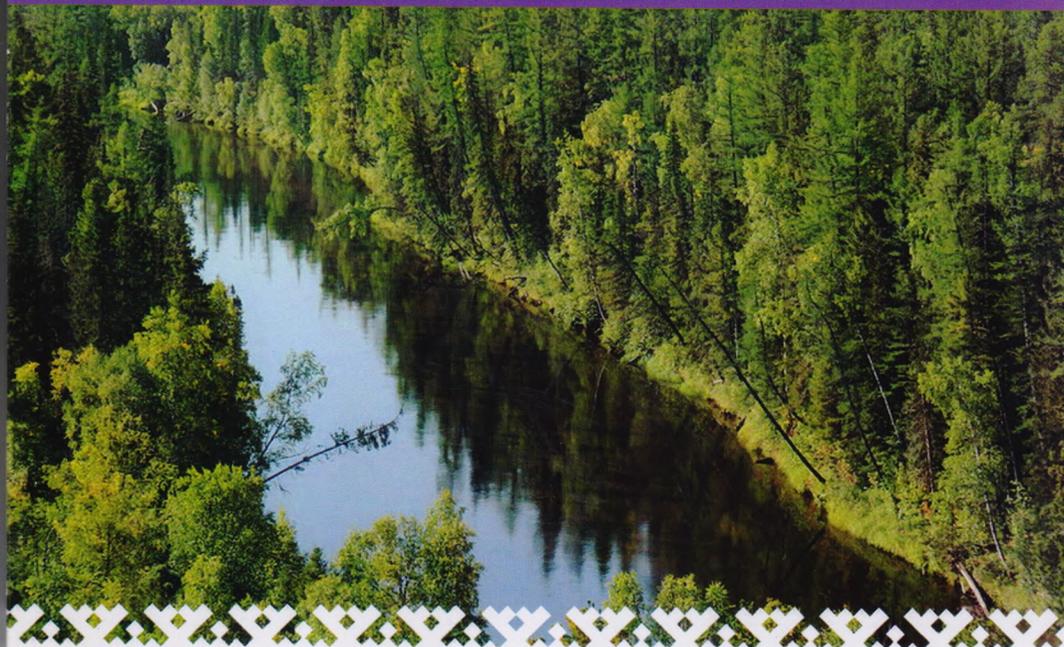

МАНСИЙСКАЯ литература

ХРЕСТОМАТИЯ

1 ЧАСТЬ

11

Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

Мансийская литература

Хрестоматия
для учащихся 11 классов

Часть 1

Тюмень
2017

УДК 821. 511. 143
ББК 83.3 Манс
М 23

Редактор к.филол.н. С.С. Динисламова

Рецензенты: д. филол.н., доцент Е.В. Косинцева, к.ист.н. В.С. Иванова

Мансийская литература: хрестоматия для учащихся 11 кл. общеобразовательных учреждений. В 2 частях. Часть 1. / авт-сост. С. А. Герасимова. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2017. – 374 с.

Данная хрестоматия составлена на основе учебно-методического пособия «Мансийская литература в школе» для 10-11 классов, автор С.С. Динисламова (2015 г.). В хрестоматию вошли произведения мансийских поэтов и прозаиков А.С. Тарханова, И.Н. Шесталова, А.М. Коньковой, С.С. Динисламовой, М. Казанцева, и произведения русских авторов (М.М. Плотникова, И.И. Авдеева), внесших значительный вклад в историю мансийской литературы. Произведения рекомендованы для изучения в 11 классе общеобразовательных учреждений. Главная цель хрестоматии – обогатить читательский опыт учеников.

Книга предназначена как для организации занятий по мансийской литературе, так и для самостоятельного чтения.

УДК 821. 511. 143
ББК 83.3 Манс

ISBN 978-5-6040368-0-8

*Рекомендовано к изданию учебно-методической комиссией
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

© Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2017
© Герасимова С.А., 2017
© ООО «ФОРМАТ», изготовление, 2017

Плотников Михаил Михайлович

ШУНГУР

Тайга... Уже давно черной птицей в ночной темноте летала над тайгой невидимая смерть. Старый Шунгур слышал, как свистели её большие крылья, как кричала и щелкала зубами она.

Пайль (селение) разбежался... Наступили кошмарные дни; беззащитные вогулы, спасаясь от невидимого врага, покинули юрты и разбежались в разные концы огромной тайги. Так из пауля в пауль перебегали в паническом страхе люди, разносили с собой заразу и страшную смерть и умирали, хотя без стонов и жалоб, но с ужасом в помутившихся глазах.

Покинутый семьёй и родными, больной Шугур уже несколько долгих дней лежал и ждал конца

Все равно умрет ойка (старик), – порешили родственники. Куда тащить бессильного ойку, когда тайга хоронит молодых. Пусть лучше умрет в своей юрте. И оставив ему немного сушеной юколы и пооть (котел) воды, двинулись в сердце тайги – к Большим горам, искать спасение от невидимого врага, а Шунгур остался умирать в покинутом пауле.

Шунгуру не раз казалось, что среди глубокой ночи, когда только поют свои унылые песни седые сосны да лохматые ели, как кто-то подходил к дверям его юрты, стучал ногами о землю и хрипло шептал:

– Минэй, Шунгур. Минэй, Шунруг. (Пойдем, Шунгур)

Тогда Шунгур ложился вниз лицом и с замиранием ждал: вот-вот скрипнет дверь, влетит смерть и поднимет свой ржавый от крови соарб (топор) над седой головой старого Шунгура.

Нет, она уходила а Шунгур, затаив дыхание, лежал в темном углу и прислушивался к её удаляющимся шагам.

«Умереть бы. Почему она ушла?» – думал он, но старый ужас неизбежного конца схватывал душу старого вогула, и на морщинистом лбу выступал холодный пот.

Шунгуру не хотелось умирать, ему хотелось пожить хотя бы только до весны и в последний раз взглянуть на пробуждающуюся тайгу, но он хорошо знал, что нет спасения, нет и слабой надежды – впереди стояла смерть.

Ему вспомнилось: давно, ещё мальчишкой он заблудился в горах. Напрасно старался найти он выход, напрасно метался в разные стороны, – везде его встречали горы, поросшие елями. Он начал молить о помощи, а это повторяло его слова, передразнивало несколько раз и уносило куда-то далеко, далеко.

Это Мейка, злой Мейка дразнит человека и смеется над бессилием человека

Обессиленный напрасными поисками выхода, мальчик приготовился умереть, и слезы отчаяния полились из его глаз; кругом, – казалось ему, – кто-то говорил и смеялся.

Сжалились боги: не дали умереть в тайге маленькому Шунгуру и вывели его из заколдованного круга гор. Хотя нашел и вывел не бог, а его же отец, но Шунгур не сомневался, что это было сделано по воле добрых богов, довольных даянием шепотки шерсти из рукавицы. Так и сейчас искал узкого выхода покинутый старик.

– Почему меня покинули, – плакал он. – Зачем бросили умирать одного. Разве я не заработал за все. Забыли старого Шунгура.

И из-под покрасневших век старика катились одна за другой бессильные горячие слёзы.

Но когда... это давно было... Когда молодой Шунгур бил шубного отца (медведя), кхонна (оленья), много кхонна, белки, лисы черношерстки, соболя и других зверей, тогда Шунгура надо было, Тогда его любили и, как амба (собака), глядели в глаза.

А разве даром жил теперь страый Шунгур. Разве не ловил недавно толстобрюхих налимов, усатого осетра. Не силил глухаря, тетерю.

Так жаловался и плакал Шунгур, пока не засыпал в своем углу.

Никто не слышал его жалоб, и даже волки не выли у дверей его юрты. Ни один вздох, ни один стон не вылетел на волю, – это была маленькая, очень маленькая тюрьма без каменных стен и железных решеток.

Шунгур видел сон...

Солнце начало всходить. Оно наполнило тайгу каким-то розовато-золотистым светом и заиграло радугой на покрытой росой траве. Золотистая пыль столбами поднялась до самых верхушек сосен и светло-желтыми пятнами легла на траву.

Костер потух, и только утренни ветерок заставлял перебегать красивыми змейками по рыхлому налету седого пепла ещё не потухшие огоньки.

Молодой Шунгур сидел и караулил кхонна. Затрещал валежник и из-под навеса густых ветвей выглянула фигура большого кхонна. Это был не простой кхонн, которых Шнгур перебил столько, сколько длинных иголок на верхушке молодой сосенки, а кхонна с золотыми рогами

Шунгур натянул лук и готовился пустить стрелу, но кхонна исчез, и только треск сухого валежника говорил, что олень учуял врага пустился в бегство.

Шунгур выщипнул пучок шерсти из своей одежды в жертву богам и пустил по ветру...

Когда тайга жила другой жизнью, когда тайга думала, что она – целый мир, а дальше, за тайгой, живут боги, тогда у всех кхонна были золотые рога.

Но, вдруг, из-за гор появились чужие люди.

Заплакала тайга, застонали сосны, а кхонна с золотыми рогами бежали в царство злого Мейка, последнего бога, жившего еще на земле.

Мейка живет в ссоре с богами и хумом (человеком). Он не забыл, как великий шаман Ропса продал за железный нож се сокровища и даже чудесные глаза самого бога.

Днем эти газа были зелеными, как тайга, а ночью горели огнем и были похожи на алую кровь еще трепещущей жертвы.

Мейка захотел убить жадного Ропсу, но великий Торым спрятал его под землей.

Тише и тише бежит усталый кхонна...

Вот она уже совсем близко... Шунгур натягивает упругий лук и вкладывает стрелу, но... кхонна снова исчез.

Запечалился Шунгур.

Вдруг захрустели ветки, закачались верхушки сосен и в чаще загремел голос страшного Мейка:

– Кто смел бежать за моим кхонна. Какая старая баба натянула лук. Довольно в вас. Вы и так продали мои лучшие глаза и вставили никуда негодные камни. А, теперь осмелились гоняться за моими кхонна... Я не знаю вас. Вы старые бабы с толстопузым Торымом.

Шунгур проснулся. Он долго не мог прийти в себя и, только увидев знакомые стены юрочки, удостоверился, что был сон.

Несчастный, забытый всеми старик хотел жить и, возможно, что только жажда жизни поддерживала угасающий дух Шунгура.

Шунгур не боялся смерти, он хотел бы смело встретить её лицом к лицу, как страшного зверя и побороться.

Смерть для него была зверем, и он не мог иначе представить её себе.

Шунгуру казалось, что смерть – большая птица с громадными голыми крыльями, как у исполинской летучей мыши, с медвежьей мордой и длинными черными когтями.

Иногда его охватывала смутная надежда: вот, приедет сын, родные, наступит зима, он снова будет ставить самолёвы и вытаскивать из-под льда жирных больших налимов.

В такие минуты старый вогул был счастлив.

Он знал, твердо знал, что не может этого быть, но все-таки хотел верить и верил так же, как и сомневался.

Когда в тайгу спустилась тэлы (зима) и запел холодный сиверко, возвратился сын и родные Шунгура, но они не нашли его в юрте.

Он ушел туда, откуда никто не приходит.

Чаще и чаще слышались шаги и шепот смерти становился более грозным и настойчивым.

Холодный ветер зашумел над тайгой, осенний дождь без конца моросил из грязно-серых туч, которые заволокли небо и повисли

над тайгой. Птицы снялись с родных лесов и болот и стаями потянулись к югу, посылая последнее благословение родным гнёздам.

Шунгур умирал

Он примирился, не жаловался и притих.

Вот она... вот летит, – шептал он.

Двери юрты с шумом распахнулись и в закопченных косяках вырисовывалась группа сосен, освещенных грустным осенним солнцем.

– Это ветер... не она, – успокоился Шунгур. – А что это зеленеет? Это сосны... тайга.

Что-то проснулось и забилося, как попавшая в силки птица, в сердце таежника – вогула.

Пойду, пойду, – твердил он, не отрываясь от зеленого кусочка тайги.

– Пойду... пойду.

Он выбрался из юрты и уполз в тайгу, которая его кормила, которая, быть может, любила и не раз наказывала робкого маньси (вогула).

Шунгур родился и умер в тайге.

Ту же вечную сказу шептала она и чуть слышно стонала о веселом солнце.

Кругом его боязливо бродили волки, ни не тронули Шунгура до тех пор, пока последний вздох не вылете из слабой груди старика.

Пронеслась болезнь, стихли стоны, беглецы возвратились в свои паулы, и жизнь потекла своим чередом.

Люди забыли страшные сны, а жертвы забылись.

– Видно ушел и замерз, а то и волки съели, – говорили про Шунгура.

Только маленькая внучка Эйпь продолжала верить, что старый ойка не умер, а живёт где-то далеко и ловит налимов.

Это было давно, но до наших дней живут страшные сказки о смехе тайги.

БОЖЬИ ОЛЕНИ

I

Сабанарь пришёл в пауль (селение). Никто не знал – откуда приходил, куда уходил он, но все привыкли ждать, что с приходом Сабанара прилетит какая-нибудь новость. Переходя из пауля в пауль, Сабанар знал, что творится в тайге.

– Ну, я был в гостях у Мейка¹, – проговорил он, выпивая остаток чая из черного закопченного котелка. – Парень очень сердится на вас. Но со мной был милостив. Я даже раз хлопнул его по спине ладошей, – продолжал Сабанар, а слушатели хранили молчание. Многим была не приятна грубая манера говорить слишком непочтительно о богах, но Сабанар нисколько не смущался. Даже сам наибольший шаман и знахарь Гузы не раз думал, что Сабанар знает особое слово и живет в ладу с богами. – Вот так мы чай² пили с ним. Плохой чайн у Мейка, обеднел бог, теперь больше занимается воровством с сали-уй³».

Сабанар замолчал, вытер губы рукавом своей длинной рубахи и полез в карман за трубкой.

– Заходил по пути к Гузы. Старый плут все жалуется на плохое время. Затвердил одно люль⁴, да люль. Я не знаю, что вы ему верите, – я не могу лучше его говорить неправду.

Слушатели невольно улыбнулись, а самый бедный вогул Кирилл, известный под именем Киры, строго заметил:

– Пора бы перестать так говорить. Надо уметь, чтобы быть шаманом. Гузы – большой шаман.

– Знаю ... слышал... Немало ты стаскал ему добра», – заметил Сабанар. – Если бы все лежало у тебя в амбарчике или юрте, то ты не нанимался бы в работники, не был бы речным вогулом, а завел бы сали⁵, лесного сали ушел бы с ними в тайгу, в ямал-маа⁶ ушел.

¹ Мейк – злое божество вогульской мифологии.

² Чайн – чай

³ Сали-уй – волк, точный перевод: сали – олень, уй – зверь; т.е. олений зверь (враг).

⁴ Люль – плохо.

⁵ Сали – олени.

⁶ Ямал-маа – тундра, дословно – холодная земля.

Сабанар замолчал. Кирилл почувствовал, что Сабанар прав, тот Сабанар, которого все считают «дурачком», говорит правду. Кирилл признал верность его слов, но боялся сознаваться.

В тайге слишком много богов, их более, чем вогулов, и наверно скоро настанет время, когда не будет поклонников, но останется много кумиров. Боги живут всюду, они превратились в гагар, филинов, мохнатых шубных отцов (медведей), хитрых бобров и собак. Где же бедному вогулу умиловать всю эту многочисленную братию, ждущую своего процента с каждой охоты.

– Вот что, Кира, – начал Сабанар, – я видел у горы шубного отца, большого шубного отца, он оставил большой след у водооя. Скажи Вану, а он скажет русу (русскому), мы его убьём. У тебя будут деньги и винка, ты напьёшься пьян и развалишься, как дохлая собака, или как чирок на песке. Тебе будет весело, и ты будешь думать: мне принадлежат все божьи олени тайги».

Кирилл обиделся бы на такие слова, если бы их сказал не Сабанар. На Сабанара никто не обижался, а, кроме того, все знали его колоссальную силу.

Вогулы улыбнулись, им понравились острые слова.

– Я думал ты хозяин божьих оленей, – пробормотал Кирилл.

– Нет. Мейка мне думает подарить своих сали с золотыми рогами, а когда его Торум⁷ убьёт или сам Мейк лопнет от злости, я буду вместо Мейка. Тогда вы меня будете почитать и бояться.

Сабанар громко захохотал. Вогулы не любят смеха и не умеют смеяться громко.

– Ну, я пошёл... Ты не забудь, Кира, сказать Вану и русу, я к утру приду.

Сабанар неуклюже, как большой медведь, поднялся и заковылял по тропинке к увалу. Вогулы ещё несколько минут потолковали о странностях Сабанара и тоже разбрелись по чумам⁸.

Кирилл долго не мог уснуть, что с ним редко случалось. Он думал о божьих оленях.

⁷ Торм – верховное существо вогульской мифологии, управляющее всеми богами, оно постоянно ведёт борьбу со злым богом Мейк, владельцем оленей с золотыми рогами.

⁸ Чум – шалаш, обыкновенно, крытый берестой, конусообразной формы.

Часто домашние олени целыми стадами уходят с дикими в тайгу, там они дичают и живут на воле. Таких оленей называют божьими, т.е. никому не принадлежащими, и бедный речной вогул мечтает, как о чуде, заручить десятка полтора таких оленей, к тому же, они скоро забывают волю и привыкают к чумам.

Много ходит рассказов о бедных вогулах, которые в один день сделались богачами. Эти рассказы походят на детские сказки, но всё же в них есть доля истины, детской истины, заложенной в душу простого, наивного манси¹.

Даже сам Саввка, владелец трижды кит-сат² головы сали, когда-то был небогатым хозяином. Верно, он был много богаче Кириллы, который имеет только дырявый, берестяной чум, заморенную лайку, ещё более заморенную жену и старое кремневое ружьё; но если бы к стаду Саввки не пристали божьи олени, то Саввка никогда не был бы таким богатым. У него не было бы большого приплода, волки чаще бы тревожили его стадо, где он стоит чумом, и болезнь не проходила мимо его пастбищ. Божьи олени принесли Саввке счастье, – почему они не могут принести его и бедному Кире?

Кирилл от волнения поднялся и начал в темноте разыскивать свою трубку.

В берестяной чум доносился шум леса; печальные крики филина, похожий то на плачь маленького ребёнка, то на жуткий хохот лесного духа, дико резали тишину ночи, а отдельный треск барабана, монотонно выбивающий неясную дробь – раздражал и вместе с тем пугал суеверного вогула. Кирилл боялся этих звуков, они не предвещали ничего доброго. Он знал: тайга шумит и в тихие ночи, филин много лет живёт на большой сосне у попы-я и каждую ночь кричит, щёлкает и плачет. Если же ночью гремит барабан, то значит старый шаман Гузы разговаривает с шайтанами и пытается будущее.

Наконец, трубка найдена, Кирилл закуривает и снова думает об оленях. Ему кажется много хорошего. Вот он поймал целое стадо

олений – тридцать голов. У него самые быстрые, ездовые олени и сам Саввка не раз предлагает ему менять, но Кирилл не соглашается. Теперь он живёт в хорошей бревенчатой юрточке, с белым, сплетенным из прутьев, покрытых глиной комельком, где у него варится налимья уха, чай и оленьё мясо. У него полный запас репы, муки... Стены юрочки завешены рыболовными снастями, а в углу под полочкой с шайтанами и барабаном, стоит новая, длинная винтовка.

Кирилл проснулся. Огнем из трубки он прожёт рубаху и штаны, кроме того, сломал трубку. Он был не доволен и в душе бранил глупые выдумки.

Кирилл вновь превратился в бедняка Кира, покорно склонившего голову перед всем на свете.

II

Утром меня разбудил Иван. Ласковые лучи солнца золотистыми стрелами проникали сквозь отверстия чума и легкими, дрожащими пятнами ложились на полу. Воздух был насыщен смолистым запахом хвойного леса и прохладой летнего утра.

– Будет спать. Давай вставай! Кир пришёл. Сказывает, Сабанар пришел и видел шубного отца, – повествовал Иван, немилосердно дымя огромной трубкой.

– Ладно. Иди вари чай, – проговорил я и начал быстро одеваться.

Перед чумом был разведен костёр. Чай уже был согрет и разлит в большие чашки. В стороне сидел Кира, закрывая руками прожжённые дыры на штанах, о чем-то беседа с Иваном.

Скоро явился и Сабанар. Я давно не видел вогульского отрицателя, я любил слушать его рассказы, и мне часто казалось, что в Сабанаре живут два разных человека. Он смеялся над вогулами, смеялся открыто и жестоко, бранил их лентями, но вместе с этим любил их и глубоко переживал все беды и несчастья родного народа. Он не верил в богов тайги, он даже говорил непочтительно о Великом Торме, как о лентяе, дармоеде, забывшем вогулов, но, вместе с тем, в душе он был язычником, хорошо знавшем легенды, сказания и песни. Он умел находить поэтические места и передавать их с чуткостью поэта. Богом Сабанара

¹ Манси – вогулы.

² Кит-сат – двести.

была тайга, великая таинственная тайга с реками, озерами и шатром высоких небес.

– Долго спишь ты, – проговорил Сабанар. – Пайся (здравствуй). Мне Гузы целую ночь не дал спать – всё шумел барабаном, звал шайтана, да тот, видимо, оглох, так и не пришёл.

– Когда-нибудь Гузы тебе отплатит, – бросил ещё с вечера недовольный Кирилл.

– Дождется он, – поддержал Иван.

Сабанар усмехнулся.

– Гузы плут, большой плут, но Гузы не охотник, а шаман. Шаман же походит на старую бабу, она только и знает, что ворчать, да ругаться. Давайте-ка лучше пить чаян (чай), – добавил Сабанар и придвинул к себе чашку.

– Где был, Сабанар? – спросил я.

– Где был? – переговорил он. – Да везде был. Не люблю я сидеть на одном месте. Все богов ищу, много видел шайтанов, двух пнул ногой, они полетели и даже не пикнули.

Кирилл и Иван бросили пить чай, их поразило безверие Сабанара. Пнуть, наказать домашнего шайтана, если он плохо служит, у вогулов в порядке вещей, но пнуть шайтана в тайге не решится ни один вогул. Такие шайтаны священы и неприкосновенны.

Сабанар несколько не смутился и продолжал:

– У Спора был, люблю я Спору. Один он правильный вогул. Люблю его песни и завидую ему. Вот кому шаманить надо.

– Где видел Спору? – вмешался в разговор Иван.

– У больших гор. Он там живёт в оставленном пауле, все налимов ловит.

– Ну, далеко твой шубный отец? – спросил я.

– День пути попы-я, не у первой, а у третьей, мимо мертвого пауля. Если сейчас пойдём, к ночи будем там, нет не к ночи, а перед утром... В самую пору.

– Ладно. Так надо собираться. Ну, Иван, направляй ружья и пойдём.

Иван лениво поднялся и направился в чум. Кирилл, перевернув вверх дном на траву чашку, снова убрался в сторону.

Через час мы сидели вчетвером в лодке и плыли по спокойной, но быстрой реке. Исполинские ели, задумчивые кедры и низкорослые тальники, как непроницаемые, зеленые стены, огородили мутную полоску воды; они то поднимались по склонам увалов, то спускались и смотрелись в её воды. Удивленные кулики с меланхоличны криком срывались с коряги, с полузатопленных деревьев и перелетали на другое место, – подальше и оттуда провожали нас осторожным свистом.

Начались камыши. Несколько испуганных гагар неуклюже поднялись и как-то боком, несуразно полетели, чуть не задевая ногами воду. Кирилл и Иван при виде их издали тревожный крик.

– Гагары испугались. А если бы увидели бобра – выпрыгнули бы в воду, – сострил Сабанар, имея в виду то обстоятельство, что вогулы совершенно не умеют плавать.

Река сделала крутой поворот. Лес порадовал, а высокие камыши ушли далеко от берегов и чуть не достигли самой середины реки.

– Вон попы-я, – проговорил Сабанар, указывая на устье небольшой таёжной речки. Собственно река называлась Синь-я, но т.к. в самом устье, в нескольких саженях от берега стоит священная сосна, то и река приняла название попы-я, даваемое вогулами в знак того, что где-нибудь по этой реке имеется важный шайтан. Шайтан на Синь-я давно исчез, спрятанный своими поклонниками в более укромное местечко и, может быть, забытый ими там; но сосна, где он стоял, сохраняла священное значение. Исполинская сосна, с половину сломанной верхушкой и с сухими сучьями, похожими на громадные лапы сказочного чудовища, была увешана цветными тряпками, оленьими, лосиными рогами и шкурами зверей.

– Емас, ос емас! (Хорошо, ещё раз хорошо), – пробормотал Сабарин и несколькими сильными ударами весело пригнал лодку к берегу, к самой сосне. Он не говоря ни слова, схватил свою винтовку, выскочил из лодки и подбежал к сосне. Мы не понимали, что он думает делать.

– А...а...а, – закричали пронзительно вогулы, одновременно грянул выстрел.

Крик вогулов отвлек мое внимание от Сабанара и я не заметил в кого он выстрелил.

«Наверное для пушного эффекта всадил пулю в священную сосну», – решил я, но оказалось другое.

Много лет назад на священной сосне поселился филин. Вогулы в появлении филина усмотрели возвращение исчезнувшего шайтана. Они старались его не тревожить, приносить мясо и птиц. Филин жил, да блаженствовал, а по ночам угощал своих поклонников не музыкальными концертами, заставляя их коситься в темные углы чуманов.

Сабанар спокойно добил прикладом птицу и возвратился в лодку. Я не менее вогулов, был возмущен его поступком.

– Мешал тебе филин, – укоризненно заметил я.

– Очень мешал, – спокойно ответил Сабанар. – В прошлом году я спал под сосной, а он всю ночь бросался шишками и мешал мне спать.

Я рассмеялся.

– Потом, вредная он птица, мало ему натаскивают еды, он ещё уток грабит. Сидит утка ночью на гнезде, а он её в голову.

Я согласился с доводами Сабанара, но в вытянутых физиономиях вогулов проглядывался большой испуг.

– Новый прилетит, а то я на место его сяду, только побольше таскайте еды, – утешал их Сабанар.

Мы поплыли дальше под жаркими лучами солнца.

– Это что за юрта? – спросил я. На высоком берегу показалось небольшое деревянное строение, непохожее на вогульские юрты и на зырянские зимовки.

– Это... это..., – тянул Сабанар, – Икона там – наконец проговорил он, подыскивая нужное слово.

Строение оказалось часовенкой, не знаю, почему в этих дебрях выросла забытая часовенка с крутой крышей и с маленькими потемневшим, деревянным крестом. Может быть, суровый проповедник много лет назад проник сюда и собственными руками заложил её, как камень новой веры. Но прошли года, а может быть две-три сотни, проповедника не стало, а дело его рук все ещё стоит на берегу мутной реки и немногим расскажешь о том, что было и чего не стало. Я перекрестился, за мной в перегонки перекрестились вогулы.

– Раз батя ездил здесь, карасей ехал ловить, по пути сбор делал, – начал Сабанар, – думал он народ собрать и службу сделать, да Николы не было.

Я понял, что в часовенке не оказалось иконы, их наверное растащили вогулы, плохо усвоившие знание икон, и спрятали в своих юртах вместе с шайтанами.

Разве этот необозримый лес, эти воды и бирюзовый свод небес – не Великий Храм Великому Богу.

Разве не призываете здесь все к молитвам – думал я, а лодка бежала мимо таинственных берегов таежной реки.

III

Ночь тихо накрыла лес, воды и камыши своим темным покрывалом, усеянными далекими, мигающими огоньками-звездами; принесла с собой новые звуки, странные и таинственные, как лицо тайги; их чуткое ухо не могло уловить в дневном шуме, но ночью они проснулись и заходили в темноте, заставляя ближе подвигаться к костру и с тревогой коситься туда, откуда они раздавались. Бесчисленное количество комаров на разные голоса тянули свои разнообразные песни и немилосердно жалили лицо, руки; забирались в рукава и за ворот и там неприятно щекотали тело.

Мы прибыли на третью попы-я.

– Ну настоящие купцы, – иронизировал Сабанар, энергично отбиваясь от комариных атак. – И столько же их в тайге, сколько купцов.

Сабанар часто сравнивал купцов, то с комарами, то с шайтанами.

– Шайтан берет с вогула, но зла не делает, вогул сам зло выдумывает и сваливает на шайтана; купец хуже шайтана: он берет до тех пор, пока ничего не останется, но вогул не видит его зла. До смерти ему будет говорить: «Пайся, ойка рума» (Здравствуй, старый друг)!

Сабанар был глубоко прав; где появился таежный купец, а он проникает всюду, с нартой, нагруженной плохой водкой, разбавленной денатурированным спиртом, там вместе с ним приходит

пьянство, болезни, исчезает честность и детская простота дикарей сменяется тупыми недоверием.

Несмотря на комаров, усталые и измученные дневным путешествием, мы заснули, предварительно вымазав руки и лицо дегтем, смешанным с каким-то вогульским снадобьем с резким, неприятным запахом.

Утром проснулись рано. Наш костер потух, над кучей седого, рыхлого пепла; речной ветерок шумел в прибрежных кустах, обдавая нас сыростью и холодом.

– Ассерма (холодно), – пробормотал Сабанар. – Эй, Кира, – закричал он, расталкивая спящего Кирилла, – Ундэн. Маянэ чаян пэ-тэнгу (Вставай, давай чай вари).

Кирилл неохотно поднялся, взял котелок и побрякивая медными монетами, вплетенными в его две черные косы, перевязанные красным шнуром с медной цепочкой, побрел к реке потирая по ходу кулаком глаза.

Чай и солнце быстро согрели нас. Мы сложили лишние припасы и провизию в лодку и отправились во владения шубного ойки (медведя). Сабанар вел нас самым попы-я через коряги, валежники и густые кусты черемухи с массой зеленых, неспелых ягод.

– Поворожить бы, – несмело начал Иван, по обыкновению вогульских охотников.

– Поворожи. – Милостиво разрешил Сабанар. – Вот дойдём до Мань-пауля.

Лес начал редеть, местами виднелись высокие пни срубленных деревьев, грубо вырезанные изображения духов, священные знаки и кости животных. На широкой поляне, поросшим низкорослым ельником вперемешку с березами, выглянуло полтора десятка юрточек, почти столько же высоких амбарчиков.

Я ждал, вот почуют наше присутствие собаки, выбегут навстречу и зальются звонким лаем. Но в пауле было мертво и тихо, несколько рябчиков сорвались с куста черемухи и сейчас же расселись по деревьям, вытягивая шеи и посматривая на нас, не то со страхом, не то с удивлением.

Вогулы уехали на рыбалку, решил я.

– Вот и Мань-пайль, – проговорил Сабанар. – Теперь никто здесь не живет. Болезнь пришла, померло много. Олень падал, рыба и зверь ушел, Каждый год помирали. Давно это было.

Я впервые встретился с зачумленным паулем, потом мне встречали и другие. Из года в год, часто большой пауль посещает эпидемия и появление её вогулы приписывают несчастью места или гневу богов. Суеверные и пугливые манси (вогулы) в каждой случайности, в каждом новом звуке отыскивают особое таинственное значение и в безотчетном страхе бросают насиженные места, переселяясь куда-нибудь подальше от заколдованного пауля. Мне приходилось целые недели жить в таких паулях и особенного ничего не случалось ни со мной, ни с моими проводниками-вогулами.

Иван остановился и занялся ворожкой. Он вытащил свой охотничий ножик, уравновесил его на острие и ждал, куда он повернет носком.

– Туда, – мотнул он головой, поднимая воткнувшийся в землю ножик.

По лицу Сабанара можно было заметить, что он особого значения ворожке не придает.

– Кир и Иван идите туда, – он показал направление. – Мы пойдем сюды – прямо. Шубный отец ходит возле болота к реке. У мыска мы сойдёмся, там ждите нас.

Иван и Кирилл остались курить, а я с Сабанаром пошел дальше, покидая неприветливый Мань-пауль.

IV

Сабанар молчал. Он неуклюже, по медвежьему шагал впереди меня, но с большой легкостью перебирался через валежник и на расстоянии трёх саженей нельзя было слышать его шагов.

– Сабанар, почему эта река называется попы-я? Я не слышал, чтобы здесь поблизости стоял шайтан.

– Здесь есть шайтан. Знатный шайтан. Хорошо он спрятан. Зимой к нему ездят. Вот летом к нему добраться трудно, на болоте стоит.

– Вот что я тебе хочу сказать, – заговорил он другим тоном, – ты слышал когда-нибудь о божьих оленях?

– Слыхал...

– Это другие не Менка сали (олени), у Мейка остались минс (коровы) и последних зыряне утащат.

Озлобление и неприязнь чувствовалась в словах Сабанар. Станным чутьем он понял грядущую опасность, он был частичкой молчаливо-задумчивой тайги. Душа тайги была его душой и каждый звук её родил ответный звук в сердце вогульского отрицателя. Он сознавал, что жизнь вогульского народа – в прошлом; обманутые богами, купцами и хитрыми соседями – зырянами они молчаливо угасают в вечном страхе за будущий день. Но еще более Сабанара страшила культура, он может быть, первый почувствовал невозможность борьбы с ней и с отчаянием в своих песнях призывал кого-то замедлить ход времени.

– Значит, ты знаешь божьих оленей. Их теперь нет, только маленькие дети могут верить старым сказкам. Но их можно сделать, они будут божьими.

Я не мог понять, куда клонит речь Сабанар.

– Давай, садись, я тебе расскажу. Скажи мне: вот под эту сосну, – он ткнул пальцем, – взяли и положили деньги, много денег. Сосне деньги не надо. А в пауле живет бедный вогул, ест тухлую рыбу, а из толченных костей делает болтучину. Вот пошел мимо вогул, взял деньги, купил оленей, стал жить лучше. Хорошо он сделал, на непак (бумага) писать умеешь, должен знать всё. Грешно он сделал?

– По-моему нет, – ответил я, – чем деньгам лежать бесполезно – они сделают добро.

– Емас (хорошо), теперь дальше слушай, торопиться нам не надо, ойка (старик-медведь) где-нибудь лежит. Я тебе скажу, недалеко стоит юрточка шайтана. Эква-пыгрись -ойка. Когда я следил шубного отца, был там; у шайтана много денег, Мы возьмем с тобой половину и купим у зырян сали. Потом возьмем их Кире пригоним, он будет думать, что божьи олени пришли.

Я одобрил намерения Сабанара.

– Ну, так емас!

– Хорошо, – подтвердил я.

– Тогда пойдём, идти туда надо днём, а то на стрелу напорешься или в болото утнет.

Мы взяли направление и скоро достигли лесного болота. Сабанар взял шест и пошел впереди, я, опираясь на ружье, сзади. Почва под ногами колыхалась, как на пружинах, иногда нога тонула и несколько раз даже до колена. Тогда Сабанар протягивал мне шест и вытаскивал меня на буксире. Болото было незаметно и, только пройдя по зыбкому зеленому ковру, можно было догадаться, что путь продолжать далее опасно. Таёжные болота коварны. Мы добрались до страной изгороди, напоминающей мостики рыболовов для ловли язей. Довольно толстые стволы сосен были заложены в два ряда на сучья деревьев, образуя переходы, над ними висели такие же стволы, но по тоньше. Сабанар залез на мостик и, перебирая руками верхние перекладины, пошел, я балансирую, направился за ним. Мостик выписывал замысловатые зигзаги, видимо, его строитель искал прочные сучья для опоры и совершенно не считался с расстоянием. Мостик, сделав совершенно ненужную петлю, кончился, хотя впереди имелось много деревьев. Сабанар осторожно, спустился вниз.

– Теперь тише, – предупредил он.

И мы снова зашагали по зыбкой почве, поминутно останавливаясь и возвращаясь обратно. Мне начинало надоедать рискованное путешествие, а впереди ещё лежал обратный путь. На мои бесчисленные вопросы Сабанар упорно отвечал: «Молях (скоро)».

– Ехтас (пришли), – торжественно заявил Сабанар.

Почва сделалась постепенно твердой, мы входили в густую, кедровую рошу. Многочисленные тамги¹, стрелы, воткнутые в стволы деревьев, напоминали о священности места.

«Где-нибудь поблизости имеются и настороженные стрелы», – косясь по сторонам, думал я.

Вогулы имеют обыкновение кумирных шайтанов прятать в непроходимые дебри и принимать ряд предосторожностей и, только зная тропинку, и то не без риска можно пробиться к шайтану. За последние годы участились грабежи шайтанов, кумирни которых зачастую хранят большие ценности. Нельзя сказать, чтобы это

¹ Тамга – священный знак.

делали вогулы, народ высшей степени честный, и общая молва в таких случаях указывает на зырян или русских бродяг.

Лиственничная четырехугольная юрточка, поставленная на четыре столба, была искусно скрыта зеленью и, только подойдя к самой, можно было её заметить. Вверху виднелась приотворенная маленькая дверь, а выше – на толстых, грубоотесанных косяках дверей висела пара великолепных лосиных рогов.

Сабанар разыскал деревянную лестницу из целого ствола кеда с затесанными ступеньками и начал осторожно подниматься вверх.

– Минэй (иди), – позвал он, высовывая голову из двери.

Как только поравнялся я с дверью, на меня строго взглянули большие глаза шайтана. Безотчетный, суеверный страх холодной струйкой пробежал по всему телу и заставил меня, первое время, не смотреть на истукана.

Грубо отёсанный обрубок дерева с большой остроконечной головой, большими оловянными глазами, длинными, приделанными из другого куска дерева, носом и прямыми непропорциональным ртом – олицетворял собою бога эква-пыгрс-ойка. закутанный в шкурки зверей, в странном треухе, напоминающем наполеоновскую треуголку, и повязанный красным шелковым платком, как от зубной боли, шайтан сидел на подставке, а кругом его валялись глиняные, деревянные и каменные чашки с остатками еды, кренделями и золой. По стенам юрточки на деревянных гвоздях висели связки медных пуговиц военного образца, шкурки бобров, соболей, куниц, росомах и других зверей. Все это имело большую ценность, особенно шкурки бобров, бесследно исчезнувших из этого края, и редко теперь счастливому охотнику где-нибудь в непроходимых дебрях Ямнеля удастся добыть пару шкурок умных зверьков.

Я Сабанару посоветовал шайтана вытащить из юрты, т.к. истлевшие шкурки поднимали пыль.

– Нет, не ладно, – решительно заявил он, – скажут, что мы воровали. Погоди, тонган (стой)»!

Он проворно залез за пазуху к шайтану и выволок шелковый платок, с завязанными углами.

– Ищи, – бросил он мне.

Сабанар вытаскивал платки, кошельки из кожи или простого истлевшей шкурки, в них были завернуты деньги, большей частью серебряные, медные, редко попадались и золотые. Я развертывал и складывал деньги в чашку.

– Теперь будет, – решил Сабанар, он собрал опорожненные платки и снова засунул за пазуху шайтана.

Приведя капище в надлежащий порядок, мы двинулись в обратный путь и только поздним вечером достигли мыска попы-я, где нас ожидали Иван и Кирилл с убитым медведем. Медведя убил Кирилл из дрянной винтовки, небольшого калибра, в которую, кроме пули, воткнул стальной шомпол.

Все были довольны, а Сабанар даже старался затянуть песню о божьих оленях, пришедших в загородку бедного вогула. Сабанар пел плохо, он не имел ни голоса, ни слуха.

V

Сабанар исчез из пауля. Он обещал известить меня, когда он возвратится с купленными у зырян оленями. Я несколько раз заходил к Кириллу и заводил разговор о божьих оленях. Кирилл обыкновенно рассказывал бесчисленные истории, но сам в эти рассказы не верил.

– Видел один вогул, – начинал он рассказ, – в Ямал-маа (тундре) большое стадо, очень большое стадо и у стада амба (собаки), как полагается. Удивился вогул, думает про себя: «Чумом здесь никто не стоит, народу нет, откуда же взялись олени?» Начал он ближе подходить к ним. Все олени и собаки вдруг в оводов обратились, зашумят, поднимутся. Испугался вогул, не знает, что делать... Потом приходил, рассказывал... Да и другие тоже видели...

После долгих ожиданий явился Сабанар.

– Ну, – таинственно начал он, – купил. Теперь остается пригнать к чуму Кириллы и стреножить, а то разбегутся.

Я согласился...

Чум Кириллы стоял на берегу Мань-и, на небольшой поляне, среди молодого березняка. Как раз у чума река делала поворот, и это место изобиловало рыбой, которую большей частью ловила

жена Кирилла, а сам Кир шатался по гостям или ставил ловушки на птицу.

Он не был лентяем больше, чем остальные вогулы, но постоянная нужда и полуголодное существование, родили в нем апатию ко всему на свете. Временами он нанимался в работники к богатому оленеводу Саввке, чтобы поесть оленины и попить крови.

– Сегодня ночью пригону, – заявил Сабанар.

Я с нетерпением ждал утра. Той же ночью ко мне явился Сабанар с вестью, что олени, при помощи зырян-погонщиков, стреножены и лежат в загородке около чума Кир. Я представлял и гадал об удивлении Кирилла, старался несколько раз завязать по этому поводу беседу с Сабанаром, но тот торжественно заявил, что Кира и божьи олени ему порядком надоели и он хочет спать.

Утром я отправился к Кириллу. Он далеко заметил меня, радостно выбежал навстречу.

– Пайся ойка рума. Ен чум (Здравствуй, старый друг. Заходи в чум), – суетился он, стараясь на первое время не выдать своей радости.

Оленей уже не было около чума, они, видимо, были угнаны в другое, более надежное место.

Не успел я зайти в чум, как Кира и его жена наперебой начали рассказывать о великом событии. Их обоих не было дома, они оба уезжали смотреть шлеги (корчатки) на Мань-ю, а там Кира и его жена заночевали у знакомого рыбака. Вернувшись домой, они увидели стреноженных оленей. Они удивились и никак не могли объяснить их присутствие и только потом Кирилл вспомнил, что недавно во сне он видел больших собак, очень больших собак, похожих на лошадей. Собаки бегали около его чума, убегали в лес и возвращались обратно с маленькими телятами в зубах. Кире было жаль телят, из них могли бы выйти добрые олени, но отбирать их он не решался. Потом случилось что-то странное: телята, прямо на глазах, стали расти и превращаться в оленей, а собаки, напротив – уменьшаться и в конце концов сделались простыми оленьими амба (собаками).

Я не удивился рассказу Кирилы, мне не раз приходилось слушать такие истории и видеть странные вещи. Однажды я собрался

к одному знакомому вогулу в гости. Когда я, отмерив добрых верст 50, пришел в его юрту, то встретил уже приготовленное угощение: хозяева заявили мне, что ждут меня уже второй день. Я удивился и стал допытываться, по каким признакам могли они судить о моем приходе. Хозяин подумал, подумал и объявил: «Сон видел, так думал, вот, вот ты должен прийти». Больших объяснений у его не мог добиться. Русские жители тех краев скоро заражаются суеверием и нередко прибегают к совету шаманов.

Кирилл теперь мечтал стать оленеводом.

– Теперь у меня будет мясо, – не без гордости заявил он, – теперь не буду таскаться к Саввке, поесть мяса. Свое будет!

Бедные вогулы часто ходят к богатым лишь для того, чтобы поесть мяса и попить теплой оленьей крови. По-детски простодушные манси (вогулы) считают всякое богатство достоянием общим и крайне удивляются, если с ними не делятся. По их мнению, богатый должен давать и ничего не требовать обратно. Без сомнения, такой взгляд является пережитком старого и в настоящее время такая «благотворительность» среди вогулов наблюдается редко.

Во время нашей беседы пришел Сабанар.

– Ну, Кир, пришли к тебе божьи олени, – начал он, – ты винку пить брось, а то опять будешь сидеть чумом на Мань-я.

Кирилл молчал, он прекрасно понимал, что значит «сидеть чумом на Мань-я», т.е. обратиться вновь в речного вогула; «стоять же чумом на Мань-я» – это другое дело, – значит быть оленеводом.

– Глупый он, – обратился ко мне Сабанар. – Вот посмотри, пропьёт он божьих оленей.

Я не знал – соглашаться мне с Сабанаром или восставать за Кира.

Долго по тайге ходили рассказы о божьих оленях, пришедших к чуму Кирилла, а сам Кира снял свой чум и ушел на Северный Урал.

Спустя три года, мне пришла весточка о Кирилле: «Олени у него не перевелись, – гласила она, – но много их никогда не будет, т.к. Кира любит хорошо и плотно покушать, а ещё более – выпить».

ЯНГАЛ-МАО

(Поэма)

Вступление

«Вы видали на полянах
Позабывшие могилы?
Вы видали кости кхонна¹,
Кости белые оленей,
На ковре зеленом тундры?..
Так вогулы умирают,
Как олени в год голодный», -
Начал песню старый Кукса
Под удары барабана,
А ему на гусе² вторил
Ваза – юноша прекрасный.
«В зимний край³ уходят звери,
Птицы тоже улетают,
Рыбы стало много меньше
В мутных водах наших яя⁴...
Обмелела наша Ас'я⁵,
Сиком⁶ нашего народа,
И обской радетель – ойка⁷,
Царь всех рыб больших и малых,
Уж забыт и похоронен...
Вы скажите, кто здесь помнит
Про березовую Рачу⁸,

¹ Кхонна – олень.

² Гус – музыкальный инструмент, имеющий форму птицы (лебедя), под который обыкновенно вогулы поют свои песни, а также пляшут.

³ В зимний край – к берегам Ледовитого океана.

⁴ Яя – реки; я – река.

⁵ Ас'я – вогульское название реки Оби.

⁶ Сиком – мать, кормилица.

⁷ Ойка – старик, в данном случае известный идол народа Сибири, «Обской старик», покровитель рыб.

⁸ Рача – золотая баба, кумирня которой, как рассказывают, находилась на березовом берегу. По преданию, Рача при каждом приближении русских бросилась в Обь, по другим вариантам – таинственно исчезла из кумирни.

Что с горы упала в воду
И не далась в руки русским.
Все проходит, умирает
И родится в новом свете
В царстве вечного Торыма⁹,
Нынче пьян вогул от орха¹⁰,
Маньси¹¹ жертвы не приносит,
И разгневанные боги
Мстят ему и тесной ии¹²,
Умерщвляют его душу,
Убивают его кхонна,
Опустелые паулы¹³
Заметают снегом белым...
Мы уйдем, покинем Маа¹⁴,
Чтобы больше не родиться,
И на быстрых конях – таут¹⁵
Не скользить по снежной тундре
За охсыром и за нюкса¹⁶.
Мы уйдем, покинем тундры,
Наших рек мы не увидим,
Наши хабы¹⁷, как могилы,
На песках сгниют тоскливо;
Наши нарты¹⁸ без оленей
Зарастут травой зеленой,
И в паулах опустелых
Будут жить одни лишь танкыр¹⁹...»

⁹ Торым – верховное божество вогульской мифологии.

¹⁰ Орх – водка.

¹¹ Маньси – вогулы; буквальный перевод – малый род.

¹² Ии – ночь, темнота.

¹³ Паул – селение.

¹⁴ Маа – земля.

¹⁵ Таут – лыжи.

¹⁶ Охсыр – лисица; нюкса – соболь.

¹⁷ Хабы – дололенные из целого ствола дерева лодки.

¹⁸ Нарта – сани без оглобелей, употребляемые для запряжки оленей.

¹⁹ Танкыр – мыши.

Замолчал вдруг старый Кукса,
Не играет больше Ваза,
Все задумалось; угрюмо
Смотрит тундра вековая;
Черной птицей, птицей смерти
Пролетела эта песня
И запала в сердце маньси,
В сердце робкое вогула,
Как великое проклятье
Дней прошедших, дней грядущих;
А в логу, над темной падью¹
Слышно было, как смеялся
Кто-то громко и протяжно
Над грядущею бедою
Позабытого народа...
Улыбнулся старый Кукса,
Он блеснул глазами грозно,
Громким голосом воскликнул:
«Не печальтесь, не горюйте!
Знаю песню я иную,
Песню радости великой!
Пусть откроет каждый сердце,
Пусть откроет каждый душу
И прислушается к песне...
Все в прошедшем, все в грядущем,
Все проходит, умирает
И рождается в новом свете –
В Царстве вечного Торыма».

И умолкнул старый Кукса,
Что-то долго вспоминая,
И над логом – в темной пади
Слышно было: кто-то плакал,

Плакал громко и протяжно
Над грядущею бедою
Позабытого народа.
Лес шумел и дятел где-то
Стучал мерно своим клювом;
Над рекой в седом тумане
Вещим голосом гагара
Уто-то громко прокричала.
Все молчало, ожидало
Песни новой, песни счастья,
Песни радости великой
Для вогульского народа.
Долго медлил старый Кукса,
Не решаясь молвить слово,
Терпеливо выжидая
Срока лучшего для песни,
И тихонько струн касаясь,
Ваза, юноша прекрасный,
Был задумчив и печален,
Как осенний день без солнца.

«Эта песня и загадка, –
Наконец промолвил Кукса, –
Кто откроет смысл великий,
Полный вещего значенья,
Кто исполнит слово в слово
Все слова загадки-песни,
Тот спасет народ забытый,
Тот укажет путь широкий,
Как река весной в разливе,
И в последний час прощальный
Он без скорби и страданий
Вознесется выше леса,
Выше гор, покрытых снегом,
В Царство дальнее Торыма.

¹ Падь – лог.

В незапамятные годы,
Старики так говорили,
Что маньси к морям холодным,
В край суровый, непогодный,
В царство Мейка¹, бога злого,
Прибтели из стран далеких,
Где сияет вечно солнце,
Где лишь ласковая Туе²
Целый год царит бессмертно...
Прибтели и путь забыли,
Путь обратный в царство Котлег³.

В красном зареве заката
Опускалась ночь на землю,
Тени робкие бежали
От стволов сосен и кедров,
От берез, осин сторожких;
Малость времени умчалось,
Ночь закрыла солнце тканью,
Тканью легкою, дрожащей,
На которой месяц юный
Вместе с звездами был выткан, –
Месяц золотом, а звезды
Серебром и красной медью.

Ночь пришла, пойдите в юрту,
Здесь не время оставаться,
Может дух подслушать песню
И разбить желанья наши», –
Так промолвил ойка Кукса,
А в логу, над темной падью

¹ Мейк – злобное божество мифологии вогулов.

² Туе – весна. По мнению ученых, финские племена, к которым относятся и вогулы, вышли во времена глубокой древности из Средней Азии, хотя это до настоящего времени точно и не установлено.

³ Котлег – солнце.

Слышно было: кто-то плакал,
Кто-то радостно смеялся
И в ладоши громко хлопал,
Как плашмя веслом о воду.

Песня первая ПЕРВАЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

Тесным кругом – у чувала
Собрались вогулы слушать
Сказку Куксы – песню Куксы
О счастливом избавленьи
Позабытого народа.
Долго думал ойка Кукса,
На огонь глядя в чувале,
И потом он начал песню
Тихим голосом, печальным:

«Кто не знает сёмем⁴ Мейка,
Кто не слышал, как он плачет,
Плачет тихо, плачет громко,
По тайге скитаясь тайно,
И охотников уводит
От тропинок проторенных
В лес дремучий иль болото,
Где гагары⁵ гнезда свили,
Где горят огни в тумане, –
Там он губит их навеки.
Часто птицей он огромной
Прилетает к дыму чумов⁶,
Посылает смерть и горе;
И напрасно наши ампы⁷
Скачут, бегают проворно,

⁴ Сёмён – злой.

⁵ Гагары у вогулов считается священной птицей.

⁶ Чум – шалаш, палатка конусообразной формы, из бересты, шкур.

⁷ Ампа – собака.

Как бы зверя настигая,
Не достигнут ампы Мейка:
Высоко над темным лесом
Птицей смерти пронесется
И исчезнут в синей дали,
Как стрела из лука Вачи¹,
Бог коварный ойка Мейка.
Чаще Мейка прилетает –
Больше падает оленей,
Крепче спят вогулы ночью,
Меньше дремлют волки-шейши²,
Хвост поджавши, убегают
С визгом тихим, еле слышным,
Ближе к чуму лайки в страхе.

Миновало это время;
Как весенний снег на солнце,
Испарились годы счастья,
Тихой радости покоя,
Их нарушил старый Гузы
Алчной жаждою к наживе
В год прихода русских в Маа.

Там – на берегу далеком,
В чаще леса векового
Было капище большое
У сосны, у пупы-яя³.
В этом капище богатом,
В тканях, золотом расшитых,
На зеленом возвышеньи
Жил великий торум⁴ Мейка.

¹ *Вача* – легендарный стрелок.

² *Шейшь* – волк.

³ *Пупы-я* – священная река, т.е. река, вблизи которой находится капище какого-либо идола.

⁴ *Торум* – бог, здесь в смысле божок.

В гордом сердце бога Мейка,
В те года, что миновали,
Не горела жажда мщенья,
Жажда битвы непосильной
С богом Торымом Великим;
И в ладу он жил с народом,
Как отец великий Маа,
Был ко всем сердечно ласков,
Справедлив и прям душою.

В год тяжелый, год несчастный
Из-за гор, покрытых снегом,
Словно внешние потоки,
Войско русских приближалось.
Храбро выступили маньси –
Против ружей со стрелами,
Против крепкого железа –
С деревянными шестами,
Бились долго, бились крепко
За свободу дымных чумов,
А шаманы ворожили,
Звали духов на подмогу.

Шаг за шагом отступали
Русских хитрые дружины,
И вогулы уж запели
Песню громкую победы;
Но шаман – предатель Гузы
Был подкуплен воеводой
За расписанные ткани,
За ружье и пару колец, –
Он тихонько от народа
Вынул очи бога Мейка.
В тех очах зеленых днями,
Как тайга в своем народе, –
Отражалась радость жизни,

Радость светлого рожденья;
А когда сходило солнце
В край далекий, край заморский
И ночная тьма спускалась, –
В тех очах багрово-красных
Отражались смерть и горе,
Блеск кровавого заката
Дня, ушедшего навеки.

Ослепленный ойка Мейка
Не настиг шамана Гузы,
Спрятал Гузу в царстве Теней
Торым-Нума всемогущий...
Но отмстил нам Мейк жестоко,
Как семье, родившей Гузы, –
Он зажег тайгу, паулы,
Указал тропинки русским,
Разорил в тайге кумирни,
Задушил оленей наших
И на бой неравный вызвал
Всех богов с Торымом вместе.

День сменялся тьмою ночи,
Год за годом проходили,
Лист желтел и осыпался,
И на крыльях белоснежных
Прилетала в тайгу Тэли¹
Из янгал-маа² холодной,
Но забыть не может Мейка,
И на быстрых кхонна летом
В тучах черных он летает,
Громяхая крепкой нартой...
«Гром гремит», – тогда мы скажем.

¹ Тэль – зима.

² Янгал-мам – тундра.

Если молния прорежет
Тучу черную, как змейка, –
Это прыгают олени
Быстром беге по стремнинам,
Подгоняемые Мейком,
И рога их золотые
Разрезают тучу блеском...
«Это молния», – мы скажем.
Пусть герой не уstraшитcя,
Пусть он хитростью иль силой
Ночью, в темь, хотя и чутко
Дремлют сторожкие кхонна,
Он похитит головного
Вместе с нартой и упряжкой
И угонит незаметно
От жилища бога Мейка...
Это будет первый подвиг,
Первый шаг к спасенью маньси,
На олене быстроногом,
Нарте, точечной из кости, –
Будя месяц на исходе, –
Можно чум сменять на нарту
И помчаться в царство ойки –
Старика, Отца Медведя³,
К тем большим горам, на север,
Путь держать свой неуклонно
До истоков рек Оксара.
«Спать пора, – промолвил Кукса,
Слышу голос, вам не слышный,
Вижу духа на тропинке,
Он идет подслушать песню,
Он расскажет вору Мейку,
Завтра песню я dokonчу...»

³ Вуяньчх – медведь, по верованиям вогулов, ведет свой род от создателя вселенной Торы-Нуми.

Побледнел и весь затрясся
Старый Кукса и протяжно
Прокричал: «Я вижу духа!»

Песня вторая
ВТОРАЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

И когда склонилось солнце
За зубчатые вершины
Елей хмурых над увалом,
И кровавые осины
Над кровавою рекою
От лучей последних солнца
Что-то тихо зашептали,
И когда над темным лесом,
Высоко под облаками,
Крики стаи журавлиной
Скорбно стоном зазвучали,
Как последнее прощанье,
И когда у пупы-яя,
У сосны шамана Лача
Засыпал костер смолистый,
И сначала тихо-тихо,
А потом все громче, громче
Барабан стучал уныло,
Вызывая духов ночи,
Ойка Кукса песню начал
О Медведе – Шубном Старце.

«В те года, что миновали,
Что не помнит даже Ортик¹,
Бог Обской губы и тундры,
В первый раз в тайге явился

Отец шубный, старец важный,
Наказать людей нечестых,
Рассудить вогулов споры
И зиму сменять на лето².

На горах больших, на запад,
На утесе, в темных кедрах
Чум поставил Шубный Старец;
И туда к нему ходили
Недовольные судьбою
Иль обиженные сильным;
Он судил дела по чести.
Предавал виновных смерти,
Ободрял невинных лаской.

Проходил так год за годом,
И ни разу сердце ойки,
Старца Шубного Медведя,
Не скривилось к лжи коварной,
И ни разу ойка-старец,
Разбирая спор вогулов,
Как неопытный охотник,
Не терял следа и к юрте
Без добычи не вернулся.

Много лет прошло счастливых,
Но ошибся Шубный Старец,
Разбирая дело Ючо...
Кто не знал красотку Ючо?
Как огонь костра в тумане,
Привлекала Ючо сердце
Раз взглянувшего на нээ³,

¹ Ортик – божество Обской губы.

¹ Намек на зимнюю спячку медведей.

² Нээ – женщина.

И потом ночной порою
Не давала спать спокойно
Красота и речь живая
Цвета жизни – эква-Ю-чо.

Много юношей прекрасных,
Ловких, смелых, как шайтаны,
Предлагали вишнэ-Ючо¹
Стать женою их навеки,
Но она смеялась только
И в ответ на речи страсти
Отвечала лишь улыбкой:
«Не хочу я, как другие,
Быть рабой мужчин суровых;
Красота моя в работе,
Как цветок, завянет быстро
От холодного дыханья
Ветра северного тундры».

Двадцать весен миновало,
Но ни разу сердце Ючо
Не откликнулось на ласки,
На любовь и обещанья,
Ючо пела и смеялась
И все так же повторяла:
«Не хочу я быть рабою,
Мне не надо бус янтарных,
Парки² теплой соболиной,
Я цветами украшаюсь,
Мне к лицу меха простые;
Не хочу я быть рабою,
Быть собакой в дымном чуме».

¹ Вишнэ – девица.

² Парка – верхняя меховая одежда.

И томимый страстью жгучей,
Хитрый Лач решил взять силой,
Что хранила вишнэ-Ючо,
Что желал он больше жизни.
Ночью темной он прокрался
В чум красоты вишнэ-Ючо
И, как рысь, напал безумный
Лач с протяжным диким криком,
Торжествуя ночь победы.
Вишнэ-Ючо отбивалась,
В страхе бегала по чуму
И молила нежно Лача:
Чум оставить, и не трогать,
И не делать ей бесчестье...
Но напрасно, Лач смеялся...
И, схватив в объятья Ючо,
Он упал на нары с нею;
Как змея, скользнула Ючо,
К входу кинулась проворно
И, схватив саырб³ тяжелый,
Им рассекла череп Лача.

Разнеслася весть повсюду:
«Вишнэ-Ючо заманила
В чум ночной порою Лача
И во сне его убила».
Все кричали: «Стыдно, стыдно,
Чтобы женщина мужчину
Безнаказанно убила...
Наказать убийцу Лача,
Чтобы помнили все винэ
И страшились наши нээ
Помышлять о страшном деле».

³ Саырб – топор.

И, связав ремнями Ючо,
Отнесли к Отцу Медведю
Для суда и наказания.
«Смерти требуем», – сказали,
Как один, вогулы в гневе,
Старец Шубный поднял лапу:
«Развязать сейчас же Ючо!»
Десять ножигов блеснуло,
Ючо встала перед Старцем...
«Шубный Старец, ойка мудрый,
Я скажу тебе всю правду», –
Начала печально Ючо...
«Смерть!» – вновь крикнули вогулы.
Испугался Шубный Старец,
И хотел махнуть он лапой
В знак согласия с народом...
Хохот дикий прокатился
По вершинам гор великих,
На оленях быстроногих
Мейка грозный вдруг явился.
«Стой!» – он крикнул Старцу грозно...
Все упали на колени,
Зашатались гор вершины,
Заскрипели округ кедры,
И ручьи умолкли разом.
«Старец Шубный – хуже бабы,
Старец спит, как ваши боги,
И дела справляет плохо...
Вы хотите смерти Ючо,
Но скажите мне по сердцу,
Как один, все вместе с ойкой:
Кто ночной порой – в безлунье,
Как олений зверь¹ по следу,

¹ Олений зверь – волк.

Нападет на чум коварно,
Чтоб добро ограбить ваше,
То какое наказание
Тот заслужит по закону?»

«Смерть!» – сказали, как один, все,
Шубный Старец и вогулы.
«Хорошо, – сказал бог людям, –
Вы достойны наказания,
Что судить хотели Ючо,
Не прослушав показанья,
Вы, как дети, в глупой ссоре
Раскричались над невинной
И карать хотели смертью». –
«Мы не слышали, что скажет
Лач, убитый вишнэ-Ючо», –
Старец молвил, глядя в очи
Богу грозному, как буря.
«Я сказал!» – промолвил громко,
И, ногой о землю топнув,
Мейк во гневе трижды крикнул:
«Лач, иди! Скажи им правду,
Пусть они тебе поверят,
Если Мейку нет здесь веры».
Лач явился из могилы,
Поклонился низко в землю
И, к народу обратившись,
Голосом глухим промолвил:
«В этом деле я виновен», –
И исчез, как на восходе
Над рекой туман игривый
Исчезает в блеске солнца.

Тишина вдруг наступила,
Все молчали, ждали слова,
Ждали бед и наказаний

От разгневанного бога.
Мейк в молчаньи сел на нарту,
Посадил с собою Ючо,
Плюнул Старцу прямо в морду,
Тем лишив его рассудка
Разбирать дела людские,
Укатил н запад быстро,
Крикнув голосом веселым:
«Ючо будет мне женою».

Шубный Старец с гор спустился,
Захватив тамгу¹ Торыма,
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма²,
И, женившись здесь на Мюсснэ³,
Вновь ушел в свое жилище,
И забыл он путь обратный
В Царство дальнее Торыма...
Пусть герой не уstraшитcя,
Пусть он хитростью иль силой,
Ночью, в темь, когда так чутко
Дремлют сторожкие ампа,
Он похитит знак Торыма –
Тамгу Мирры-Суснахумма,
Чтоб в его проникнуть царство, –
Это будет подвиг смелый,
Шаг второй к спасенью маньси», –
Так закончил песню Кукса.

¹ Тамга – священный знак, талисман, родовой знак.

² Мирра-Суснахумм – то же, то и Торым, Нум.

³ Мюсснэ – русалка, также дева-дух, существо, подобное русалке.

Песня третья ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

Третья ночь сошла на землю,
Третью песню начал Кукса
Под удары барабана,
Под напев свирели нежной,
Тонко сделанной шунгуром⁴
Из кости большого зверя,
Похороненного в тундре⁵,
И ему на гусе вторил
Ваза, юноша прекрасный,
Музыкант забытых песен...

«Только солнце, путь кончая,
В заревой крови потонет, –
Пел уныло ойка Кукса, –
Над великою рекою,
И повыползет навстречу
Сумрак темный из расселин,
Бог великий в небе темном
Зажигает щедро всюду
Тьмы костров из щеп смолистых,
Чтобы бедные вогулы
Находили путь к паулам.

Духи ночи в это время
Выползают из расселин,
Из воды, древесных дупел,
Из глубоких нор подземных
И крадутся тихо-тихо
К огонькам паулов сонных,
Чтоб тревожить наши души,

⁴ Шунгур – музыкант.

⁵ Мамонт.

Чтоб вселять вражду и злобу
И толкать на преступленья.

Вы видали темной ночью, –
С неба дальнего, как камень,
Светом огненным сияя,
Птица Таукси слетает.
И, глядя на это чудо,
Говорит в уме мы тихо:
«Птица Таукси спустилась,
Кто-то зло замыслил в сердце».

Мы не видим в блеске солнца,
Как в лучах она обратно
Поднимается на небо.
Чтоб поведать Торым-Нуму
О грехах минувшей ночи.
Мы не видим в блеске солнца
Крыльев огненных, как пламя,
Птицы Таукси Великой;
Только чуткие шаманы
Остро видят птицу ночи,
Слышат хлопанье крыльев,
Крики тихие, как песни
Ветра южного в теснине...
В те года, что миновали
Так давно, как сон забытый,
Над рекой великой Ас'я
В кедраче, в немой низине,
Где болото начиналось
Птица Таукси гнездилась
В юрте маленькой из бревен.

Каждый год весной по Ас'я
Много лодок плыло к месту,
Где сидела птица бога,

С драгоценными дарами.
Поравнявшись с Черным Яром,
Лодки тихо приставали,
И, под тяжестью сгибаясь
Ценных жертв и приношений,
Маньси в капище спешили.
Их встречал шаман великий,
Старец, мудрый предсказатель,
Принимал дары смиренно,
И для каждого из многих
Находил он слово ласки,
Слово вещего значенья
Дней грядущих, дней прошедших,
Что он ясно видел взором
В темном Царстве дальних Теней,
Царство духов легкокрылых.

Ночью темной зажигались
Тьмы костров над тихой Ас'я,
И, как бабочки, мелькали
Человеческие тени...
Барабаны непрерывно
Отбивали дробь, и тихо,
Тихо пели песни маньси
В эти ночи над кострами,
А тайга, как рой шмелиный,
Все шумела да шумела.

Весть тревожная стрелою
Пронеслась от чума к чуму;
Взяв колчаны со стрелами,
Маньси бросились навстречу
Чужестранцам с бородами,
И отряды тихо, ночью,
Как неясные виденья
Мертвецов из Царства Теней,

Замелькали меж стволами
По тропинкам проторенным...
Стоном скорбным барабаны
Все молили о победе,
И не раз шаманы громко
Звали в бой с врагом коварным.

В этот год на Черном Яре
Не горели ярко ночью
Тьмы костров, как звезды в небе,
Не горели барабаны,
Голосов не слышно было...
Только совы не деревьях
Громко щелкали гортанью
И кричали: «Горе, горе!
Чужестранцы к нам подходят.
Люди русские уж близко».

Птица мудрая с шаманом
В темном капище у яя
Притаилась, ожидая,
И вела беседу тихо:
«Слушай, – птица говорила, –
Не придет и ночь на землю,
Не зажгутся в небе звезды,
Как придут сюда те люди,
Ты беги, не ожидая,
Молви маньси, что ты видел
Здесь над тихой пупы-яя;
Ты скажи, что, улетаю
В Царство дальнее Торыма, –
Продолжала птица строго, –
Ночью темной, в свете ярком
Я в тайгу спускаться буду,
Чтоб следить за правым делом
И наказывать виновных,

Доносить об этом Нуму,
Охранять большие двери –
Вход широкий в Царство Смерти,
В царство лучших наслаждений,
Не пускать туда бесчестных
И встречать правдивых маньси».

И, взмахнув крылами, птица
Отделилась от сиденья,
В ярком свете, словно пламя,
Понеслась над темным лесом,
А шаман, упав на землю,
Плакал, громко причитая:
«Горе! Горе! Смерть приходит!
Горе! Горе! Нет защиты!
Птица вещая, вернись,
Не бросай нас волку в зубы».
Вдруг услышал ойка мудрый
Голос грозный в небе дальнем:
«Встань, старик! Не надо плакать,
Встань, иди в паулы с вестью,
Расскажи же всем о чуде».

Старый ойка встал покорно,
И нетвердым шагом, тихо
Поплелся к Чихир-паулу,
К чумам, где залетневали
Возле капища вогулы.
Приближаясь, он увидел,
В красном пламени пожара,
Люди русские, как тени,
Окружив паул, стреляли
Зельем бесовским из ружей.
Словно белки от пожара,
В страхе смертном убегали
Одинокие вогулы,

Злым пришельцам оставляя
Жен, детей и все, что было
Ими нажито годами.

Встало солнце на увале,
Где стоял паул не малый,
Догорали головешки,
Пни чернели в кучах пепла,
Груды тел валялись всюду.
Кровь, как спелая брусника,
Заливала землю дедов,
Хабы русских, взяв добычу, –
Женщин, девушек и рухлядь¹
И добра другого много, –
Отправлялись дальше грабить
По простору мутной Ас'я.

Впереди стрелой летела
Весть тревожная до моря,
И, как звери, в темень леса
Дети, женщины и старцы
Уходили, а навстречу
Войско храброе вогулов
Поднималось грозной тучей
Из лесов, низин и топей,
Речек маленьких, урманов,
С рек больших, холодной тундры,
И великой, сильной ратью
Шло навстречу чужестранцам.

В тот же год шаман великий,
Птицы Таукси служитель,
Был казнен с Сумгуте-воже²

¹ Рухлядь – пушнина.

² Сумгут-вож – березовый городок – остякское название г. Березова, Уральской области.

Вместе с многими князьями,
А его душа на крыльях
Птицы Таукси Великой
Улетела в Царство Нума,
Где живет она поныне...

Пусть герой не уstraшится,
На оленях быстроногих,
Захватив тамгу Торыма, –
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма, –
Он по мертвому ущелью,
Где живут умерших тени,
Вихрем гордым пронесется;
А потом у Камня Жизни,
Где таинственная птица
Охраняет дверь большую, –
Вход широкий в Царство Смерти,
В царство лучших наслаждений, –
Из хвоста священной птицы
На бегу, рукой проворной
Вырвет он перо и, дальше
Освещая им ущелье,
В Царство светлое Торыма
Въедет смело и спокойно...
Это будет подвиг смелый,
Третий шаг к спасенью маньси,
Шаг последний для героя», –
Так закончил песню Кукса.

Песня четвертая СОН ВАЗЫ

Туча черная зловеще
Солнце светлое закрыла,
Зашумели гневно кедрь,
Пробежала рябь по речке

Чешую серебристой;
А потом поднялся ветер,
И валы, как струны гуса,
Зазвенели на приплеске;
Кулики с тревожным свистом
Промелькнули над водою.

Змейкой огненной метнулась
В небе темном, в небе грозном,
Как неведомая тамга
На стволе громадной ели,
Лента молнии проворной.
Вслед за ней удар громовый
Стукнул грозно в темной туче,
А потом он, рассыпаясь,
Побежал в небесных кручах...
Крупный дождь упал на землю,
Застучал по стенам чума
Частой дробью барабана...
Где-то голубь скогогукал
И, забравшись в гущу хвои,
Замолчал, слохматив шею.

В чум укрывшись, неподвижно,
В забытьи сидел глубоко
Ваза, юноша прекрасный,
Музыкант забытых песен.
Лайка белая – снежинка,
Вазы верная собака,
У двери сидела тихо,
Лишь ушами шевелила,
Если гром гремел над чумом.
Но не слышал Ваза грома,
Он не видел блеска молний,
Освещавших стены чума,
И не знал, что дождь по крыше

Дробь неясно выбивает,
Как дрожащею рукою
Старый ойка перед смертью,
Тяжело дыша, гадает
О своем конце печальном,
О Конце-Концов великом,
Что зовут все люди Смертью.

Ветер – буй на колеснице
В туче весело проехал,
А потом, надувши щеки,
Начал дуть на тучу с краю.
Туча дрогнула, спустилась
И, послушная дыханью
Ветра нежного с Низины,
Тихо двинулась на север...
Ветер гикнул на оленей
И последовал за тучей,
Как охотник следом зверя.

В забытьи сидел глубоко
Ваза, юноша прекрасный,
Он не слышал взмаха крыльев
Ветра нежного с Низины,
Он не видел солнца в небе
И не знал, что ветер сбросил
Сети с кольев прямо в воду
И запутал о коряги.

В облаках священной меди,
Меди красной, легкоплавкой,
Солнце к западу склонилось
И, последним поцелуем,
Осветило лес янтарный
Золотистой легкой пылью;
На реке, где неподвижно

Лес янтарный отражался
Краски алого заката
Разлились цветами крови.

Малость времени промчалось,
Ночь немая темной птицей,
Круг полета все сужая,
Опустилась на земле;
Краски алого заката
Потемнели, остывая,
Лишь полоски красной меди
Там, где спряталось солнце,
Еще гневно трепетала.

Но погасла и полоска
Красной меди легкоплавкой,
Ночь и тьма покрыли землю;
В небесах зажглися звезды;
Совы редкими тенями
В темноте осенней ночи,
Как отвергнутые души,
Меж деревьями мелькали;
Где-то были тяжко волки,
Где-то плавилась ускуль¹,
Лес шумел, и щелкал филин
На верху сосны шамана.

Ваза встал, и мутным взором,
Взором сна и пробужденья,
Он взглянул на кур² потухший,
Стены выгнутые чума,
Лайку белую – Снежинку,

¹ Ускуль – нельма (речная рыба)

² Кур – печь, очаг.

И, поправив косы сзади,
Снова сел он на скамейку,
А в душе его боролись
Сон пьянящий с пробуждением.
С звонким лаем амп Вазы
Побежала к дверям чума,
Ваза встал, борясь с дремотой,
Потягаясь и зевая,
И пошел, чтоб встретить гостя,
Гостя позднего, ночного.
Дверь неслышно отворилась
И, согнувшись, старый ойка
В чум вошел неторопливо
И промолвил хрипло: «Пайсе,
Пайсе, Ваза, ойка рума³». –
«Пайсе», – молвил тихо Ваза
С удивленьем и со страхом;
Он не знал, откуда ойка
В чум к нему глубокой ночью
Вдруг пришел, и сам, незванный,
Сел на нары у камина.
И сейчас же пламень яркий
Без кремня и без лучины
Запылал, и дым приятный,
И дрожащею рукою
Из-за пазухи он вынул
Стебельки травы сушеной,
Семь лучинок, камень белый,
И все падал музыканту.
Ваза взял, а старец тихо
Прошептал ему на ухо:
«Как похитишь ты оленя
Из упряжки бога Мейка
С нартой, точечной из кости,

³ Здравствуй, здравствуй, Ваза, старый друг!

Ты спеши скорее скрыться,
Если Мейк увидит нарту
И помчится за тобою,
Брось тогда траву на землю:
Ты невидим будешь Мейку.

Все на север, к большим горам
Путь держи свой неуклонно
До истоков рек Охсыра¹.
Там, на берег пологом,
У сосны, разбитой громом,
Ты найдёшь избу большую,
Это будет юрта Старца –
Ойки Шубного Медведя.
В ней у самого порога
В щель, как гвоздь, забита тамга,
Ты возьми ее тихонько.
В ночь да в темь, когда сам старец
Спит в углу с женой своею,
С Мисснэ – девкой водяною,
И садись скорей на нарту...
Если старец вдруг проснется
И в погоню за тобою
Побежит по следу нарту,
Брось на землю семь лучинок:
Лес великий разом станет,
Как стена, он скроет нарту.
И без страха путь свой, Ваза,
Продолжай, как храбрый воин,
Как потомок вольных маньси;
В этом подвиге тяжелом
Ты не бойся страха смерти.
Брось на землю камень белый,

Ты тогда увидишь чудо:
Камень белый, мертвый камень
Станет птицей белоснежной,
Птицей белою сорокой,
Наделенной даром речи,
И потом следи проворно
За полетом белой птицы,
Направляй за ней оленей,
Мчись туда, куда помчится.

Птица вещая сорока
Приведет твоих оленей
На Великую Низину,
Где стоят леса в тумане.
В ясный день, зимой и летом,
И весной, когда с ручьями
Сходит снег и травы шепчут
Свой привет Отцу Торыму
И когда старушка-осень
Плачет горестно слезами
О минувшем царстве Тои².

Птица вещая сорока
Путь укажет в Царство Мертвых,
Приведет тебя к ущелью,
Где живут умерших души,
Там она тебя оставит,
Там начало Царства Мирры,
Царство Торыма и Нума.
Там на белом Камне Жизни
Охраняет дверь большую,
Вход широкий в Царство Мертвых,
Царство лучших наслаждений,
Птица Таукси бессменно.

¹ Охсыр, Охсыр-я – Лисья река.

² Тои – лето.

На бегу, рукой проворной
Из хвоста священной птицы
Вырви ты перо и дальше,
Освещая им ущелье,
В Царство светлое Торыма
Путь держи. Ты близок богу,
И держи ответ свой смело...
Бог велик, ничтожны люди,
Но кто первый из живущих,
Вместе с телом и душою,
Вместе с нартой и упряжкой
Сам войдет – бессильны боги;
Кто бессмертные заслужит,
Тот подобен будет богу».

Лес шумел, на небе дальнем
Белоснежными комками,
Как неведомые стаи
Птиц невиданных, лениво
Облака плыли к востоку.
Робкий луч прокрался в юрту,
Он смотрел из темной щели
И играл на грязных стенах
Низкой юрты музыканта...
Ваза спал, дремала лайка,
Вместе с гусом и колчаном,
Стебельки травы сушеной,
Белый камень, семь лучинок
В свете солнечном лежали...

Песня пятая ЮЧО

В лес печальный, молчаливый
Белоснежной птицей с неба
Тэли грозная спустилась,
Синим льдом сковала реки,

Белым мехом горностая
Затянула землю-маа
И с угрюмым старцем Ветром,
Ветром северным, холодным,
Застучалась в двери чумов...

По утрам над мерзлой Ксентой¹
Дружно струйками тянулся,
Сквозь налет морозной пыли,
Черный дым смолистых сучьев
Из верхушек острых чумов,
Из чувалов юрт, закрытых
Снегом белым с твердым настом.
Только юрта музыканта,
Игрока на гусе Вазы,
На увале, в темных кедрах,
С широко открытой дверью,
Словно в зной июльский летом,
Нетопленая стояла.

Рядом с юртой музыканта
Покривившийся амбарчик
На шести столбах кедровых,
С дверью, запертою плотно
На замок большой с винтами,
Сиротой стоял в сугробах...
Не чернела тропинка к юрте,
Дверь шестом была приперта,
Снята лестница и скорби,
Запустилась мягким снегом;
Было видно, что хозяин
Далеко ушел от юрты...

¹ Ксента – собственное имя реки.

Белки юркие проворно
В хвое кедров молчаливых,
На увале, где жил Ваза,
Днем резвились, словно дети,
Не боясь покой нарушить
Лайки чуткой музыканта.
Ночью в дупла забирались
И, свернувшись в мягких листьях,
Засыпали сном покойным...

Той порой тенями ночи
Волки стаями бродили,
Чуя запах человека,
Дым смолистый юрт и чумов,
Не решаясь кровь отведать,
Кровь горячую оленя.
Пробежав в паул с увала
И садясь у самой двери
Юрты Вазы-музыканта,
Выли жалобно и долго,
А внизу в ответ собаки
Дружно лаяли их песне.

«Где наш Ваза? Что случилось?
Жив ли он? Когда вернется?» –
Часто думали вогулы,
И не раз они шамана,
Куксу, мудрого в гаданьях,
Тайну выведать просили.
Но напрасно, – ух Великий,
Дух Великий, знавший это,
Не давал на то ответа...
Только раз на новый месяц
В юрте старого шамана
Тихой дробью застучали
Разом все три барабана,

Разом все три барабана,
И в углах защелкал кто-то
Им в ответ, и в страхе Кукса
Молвил голосом дрожащим:
«Хос-хот, хос-хот¹, крылья птицы,
Птицы малой и великой,
Трижды, трижды – хурум, хурум,
Сгинь, минуя эту юрту».
Замолчали барабаны,
Разом тихо стало в юрте,
И над ухом у шамана
Кто-то шепотом промолвил:
«Не пытай, старик, – напрасно»...

По полянам, по низинам,
Меж увалов, по болотам,
Мимо юрт, зимовок, чумов,
Лесом мертвых, зимним лесом
Мчался Ваза в царство Мейка
День и ночь, как ветер быстрый,
И когда лишь сон могучий
Закрывал глаза насильно,
Выпрягал своих оленей
И пускал кормиться мохом,
Говорил Снежинке верной:
«Ампа белая, Снежинка,
Стереги моих оленей,
Не давай волкам их трогать;
И, когда тревогу ночи
Победит Предвестник Утра,
Собери оленей к нарте,
Разбуди меня немедля».

¹ Непереводимые шаманские заклинания в роде «чур» и пр.

У костра, под нартой крепкой
Ваза спал в такие ночи
В яме, выложенной мохом,
А во тьме, как жуть ночная,
Волки щелкали зубами,
Выли, плакались на стужу,
И глаза их меж стволами,
Словно свечки в Царстве Теней,
Кругом замкнутым горели...
Дальше, там, за волчьим кругом,
В мраке темной, зимней ночи,
Где стеною лес и небо
Лентой темною сливались,
Звонким голосом дух ночи
Хохотал, в ладоши хлопал
И кричал: «Трусишка Ваза!
День пришел, вставай, засоня».

Ваза спал, лишь ампа-лайка,
Ясно видевшая духа,
Хвост пушистый поднимала
И ворчаньем отвечала
Каждый раз на крики духа.
Но когда Предвестник Утра
Промелькнул над сонным лесом,
Ночь, как темная завеса,
Тихо-тихо задрожала,
Скрылись волки в чаще темной,
Дух замолк и встало солнце.
Так семь долгих полнолуний
На оленях быстроногих
Совершил свой путь великий
Ваза в царство ойки Мейка.
Так семь долгих полнолуний
Он неведомой дорогой
Вместе с лайкою Снежинкой

В царство злого ойки Мейка
Мчался день и ночь на нарте...

Наконец в луну седьмую
Встретил он в лесу зеленом
Нээ-Ючо – цветник жизни,
И спросил ее он в нарты:
«Пайсе, вишнэ, если знаешь
Это чудо, что я вижу,
Не оставь меня ответом,
Я чужой и здесь впервые».
Вишнэ молча улыбнулась
И промолвила чуть слышно:
«Пайсе, пайсе, ойка рума,
Ты напрасно извещаешь,
Что чужой здесь и в первые.
Здесь одна лишь я из смертных».
Ваза выслушал и молвил:
«Так скажи мне, кто хозяин,
Кто владеет этим лесом,
Где цветы, трава и птицы
И леса в листве зеленой
Что-то шепчут приходящим;
И мне кажется, что вечно
Здесь живет, благоухая,
Радость, солнечного Тои.
Посмотри, а там, где нарта
Миг тому назад катилась,
Где следы моих оленей
На снегу чернеют ясно, –
Там зима, холодный ветер,
Небо серое, без солнца,
Грубым пологом накрыло
Лес печальный, молчаливый,
Полный смерти и страданья».

Ючо грустно улыбнулась,
Покачала головою
И промолвила чуть внятно:
«Поверни скорей оленей,
В царство Тэли белокрылой,
А иначе ты погибнешь...
Здесь владенья ойки Мейки;
Никогда никто из смертных
Не ступал ногой на землю
В царстве Мейка безграничном,
Поспеши, иль будет поздно».

«Много раз тебе спасибо
За совет, предупреждение, –
Отвечал ей гордо Ваза, –
Как назвать тебя, не знаю,
Чтоб полнее благодарность
Мог я выразить словами,
Я скажу тебе: ты – котлег,
Ты – цветок на стебле гибком,
Напоенный ароматом,
Пазан-заут¹ в небе темном
Кватын² белый, быстрокрылый
Сказок старых, древних сказок,
Сказок, всеми позабытых...
Мне обратно нет возврата:
Семь я долгих полнолуний
День и ночь спешил, как ветер,
В царство злого ойки Мейки,
И теперь достиг границы».

«Храбрый воин, ты бессилен, –
Так сказала грустно Ючо, –

¹ Пазан-заут – звезда.

² Кватын – лебедь.

Ты погибнешь бесполезно,
Поверни скорей оленей
В царство Тэли белокрылой,
Возвратись, пока не поздно...
Ты меня послушай, Ючо,
Я тебе добра желаю».

Ваза спрыгнул с нарты крепкой,
Помолчал, потом ответил:
«Ючо, Ючо, цветик жизни,
Я пришел сюда по делу,
Чтоб потом умчаться дальше
В царство Шубного Медведя.
Я пришел похитить нарту,
Нарту злого бога Мейки,
Вместе с кхонна и упряжкой...
Я с тобою откровенен, –
Это странно, непонятно,
Но ты выслушай вогула...
Солнце жизни, цветик Ючо,
В первый миг, когда я встретил
Здесь тебя в лесу весеннем,
А кругом ты видишь: Тэли
Белым пологом накрыла
Лес, поля, увалы, реки,
Лишь оставила зеленым
Царство бога ойки Мейка,
Я подумал: это царство
Молодой царицы Туе,
Что идет ко мне навстречу,
Красотой своей сияя.

Ючо, Ючо, цветик жизни, –
Продолжал печально Ваза, –
И теперь, когда я понял:
Ты добра певцу желаешь,

Я скажу тебе: спасибо!
Но напрасно, бесполезно,
Нет теперь пути обратно,
Нет мне радости в грядущем, –
Я погиб, тебя увидев...
Я хотел быть равным богу,
Быть бессмертным, быть могучим,
Гордо реять в темных тучах,
Я хотел спасти вогулов.
Но теперь гагара скорби
Не покинет мое сердце,
Моя радость улетела...
Ючо! Ючо! Цветик жизни!
Я люблю тебя и знаю,
Что любовь к тебе – страданье.
В ней живет моя погибель.
Я пойду навстречу смерти,
Совершу, что я задумал,
А потом – вернусь обратно
Раз ещё, цветок прекрасный,
И на смертный бой последний
Позову владыку Мейка».

«Фу-бу, фу-бу!» – громко крикнул
Большеглазый, темный филин;
На стволе метнулась белка,
Испугавшись крика птицы,
И забила в хвое кедров;
Ветерок волной игривой
Пробежал; в траве зеленой
Стрекотал кузнечик звонкий.
Ветка хрустнула сухая;
Любопытный олененок
На поляну робко вышел
И, увидев нарту Вазы,
Широко расставил ноги,

И за ним из-за деревьев
Показалась олениха...
Ваза ждал ответа Ючо.

«Кто ты, путник? Я не знаю,
Но приятна речь твоя мне, –
Ючо молвила вогулу. –
Кто б ты ни был, путник дальний,
Я в ответ скажу: отныне
Ючо с радостью разделит
Все труды, весь путь тяжелый,
Что тебе на долю выпал.
Я люблю тебя, Случайный,
Помогу тебе похитить
Нарту бога и оленей;
Я спасу тебя от смерти
В этом подвиге опасном,
Но сказать должна я прямо,
Что моя любовь прибавит
Тяготы тебе на плечи,
Храбрый маньси – славный воин».

Ваза гордо усмехнулся:
«Ючо, белая березка,
Нет, певца забытых песен,
Игрока на звонком гусе,
Испугать никто не может.
Мне недавно старый Кукса
Пел над Ксентою, в пауле
Песнь о Ючо, о Медведе,
О безумном, хитром Лаче
И о темном боге Мейке.
И тогда на лапе Старца,
Шубного Отца Медведя,
Я тебя поклялся встретить.
И теперь, когда я, Ваза,

Музыкант, игрок на гусе,
Тебя встретил в царстве Мейка
И когда в ответ услышал:
«Я люблю тебя, Случайный», –
Мне не страшен Мейк коварный;
Я иду прямой дорогой». —
Ваза взял на руки Ючо,
Взглядом долгим, полным страсти,
Посмотрел, и крепко к сердцу
Он прижал ее, целуя.

Песнь шестая ПОХИЩЕНИЕ ОЛЕНЕЙ

Осторожно, темной ночью,
По тропинке к чуму Мейка
Крался Ваза легкой тенью.
У ручья, где камень круглый
Преграждал тропинку к чуму,
Ючо Вазу поджидала.
«Тончин, тончин! Осторожно!» –
Прошептала тихо Ючо, –
Воин Ваза веткой хрустнул,
Подходя к ключу у камня...
И теперь две тени тихо
В мраке темной, жуткой ночи
Дальше двинулись неслышно.

Как светляк июльской ночи,
Впереди рога сверкали
Горделивого оленя
Из упряжки Мейка...
Ветка хрустнула сухая,
И, сопя ноздрями громко,
Кхонна вышел на тропинку,
Постоял одно мгновенье,
И, увидев Вазу с Ючо,

Броситься хотел обратно,
Но со свистом харитэас¹
Обвилась вокруг рог ветвистых;
Прыгнул кхонни, но напрасно, –
Как струна, запела петля
В пальцах сильных музыканта.

Задрожал олень, покорно
Опустился на колени,
Удивляясь человеку
Сильнорукому, как боги.
Три оленя заарканил
Музыкант забытых песен,
Привязав их к толстым кедром,
А потом, обнявши Ючо,
Осторожными шагами
Дальше двинулся тропинкой,
Чтоб похитить нарту бога.

Мейка спал на нарах в юрте;
Из открытой двери громко
Храп его волною гулкой
До тропинки доносился.
Слышно было, как скрипели
Нары толстые из бревен,
Если с боку на бок ойка,
Бормоча слова спросонья,
Перекаtywался грузно...
И в молчаньи темной ночи,
Растянувшись, ампы-лайки
Спали крепко, беспробудно.

Той порою смелый Ваза
Разыскал в траве высокой

¹ Харитэас – петля; дословный перевод – стягивающаяся дыра.

Нарту бога и постромки
И хорей¹ тяжелый Мейка.
И взвалил он все на плечи,
Сам под тяжестью сгибаясь,
Тихо двинулся к оленям
По тропинке проторенной,
Где ждала со страхом в сердце
Вазу маленькая Ючо.
И, свалив на землю ношу,
Он сказал с тяжелым вздохом:
«Ючо, белая березка,
Грустно мне тебя покинуть
На оленях ойки Мейка;
Грустно мне, и я не знаю,
Суждено иль нет вернуться,
Взять тебя, назвать женою».

«О, мой храбрый воин ваза, –
Ючо нежно отвечала
На его слова печали, –
Ты вернешься ко мне богом,
Ты вернешься, победитель,
Совершив обет великий,
И тогда коварный Мейка
Задрожит, тебя увидев.
А теперь взгляни на Ючо,
Улыбнись ей веселее
И скорее этой ночью,
Тьмой пока объята маа,
Мейк пока храпит на нарах, –
В путь далекий отправляйся».

«Ты права», – заметил Ваза,
И сейчас же он проворно

Отвязал и впряг оленей
В нарту белую из кости.
И обняв в тоске великой
Ючо, полную страданья,
Молвил ей, собрав все силы,
Чтоб не дать слезам политься:
«Ючо, Ючо! Цветик жизни,
Ючо, белая березка,
Тяжко мне тебя покинуть,
Тяжко мне, мое страданье
Велико, как это небо.
Об одном тебя прошу я –
Помни Вазу-музыканта».

«Лапой Шубного Медведя
С длинными пятью когтями,
Кедром старым в роще ойки,
Где гнездится пупы филин,
Чернозобою гагарой –
Я клянусь тебе, мой воин²,
Ждать тебя с любовью в сердце;
Если вести донесутся,
Вести черные о смерти, –
Я клянусь Отцом Торьмом,
Что умру, и в Царстве Теней
Отыщу тебя, любимый», –
Так клялась с тоскою в сердце
Ючо клятвой нерушимой.

«Ну, прощай!» – промолвил Ваза.
«Будь хорош!» – ему сказала
Ючо, слезы утирая...

¹ Хорей – длинный шест для управления оленями, заменяющий также бич.
² Клятва Ючо содержит в себе все священные предметы и имена, которыми клянутся вогулы, причем Ючо клянется Медведем, имя которого допускалось произносить в исключительно редких случаях даже мужчинам.

В тишине прошла минута...
Вот хорей с земли поднялся,
Тихо скрипнули полозья,
Дружно дернули олени –
И прошла еще минута:
Вазы не было с упряжкой...
Только след полозьев узких,
Как две змейки, извивался,
Уходил, где тьма висела
Черной трепетной завесой.

Чуть забрежило поутру,
Мейка встал, зевая громко,
Обтянул чулками ноги,
Потискал глазами Ючо
В темной юрте у камина.
Не найдя ее, он вышел
И пошел к ключу у камня
Грузным шагом старца-ойки,
Ойки – старого Медведя.

Там на круглом белом камне,
Вся в слезах, с тревогой в сердце,
Ючо грустная сидела
И молилась о спасеньи
Вазы – храброго вогула –
Всем богам тайги великой.

«Что ты делаешь? – прикрикнул
Гневно Мейк, увидев Ючо. –
Ты о чем грустишь, земная,
Или ты скачаешь с богом?
Отвечай же мне немедля!»
И, ответа не дождавшись,
Мейк схватил ее за руку.
«Отвечай! – он крикнул громче, –

Бойся гнева, гнева мужа;
Не серди меня, земная».
«Грустно мне, – сказала Ючо, –
Сон дурной мне снился ночью,
Я ушла сюда из- юрты,
Чтоб тебя не беспокоить...
И не жми мне руку, ойка, –
Ты – могуч, а я – бессильна...
Стыдно богу мучить женщин,
Обижать напрасным гневом»...

«Ладно, ладно, - молвил ойка,
Выпуская руку Ючо, –
Ты не плачь – бессильны слезы,
Слезы только портят зренье.
Лучше спи, а сны дурные
Не имеют здесь значенья,
Не имеют силы вещей
В царстве Мейка бесконечном»...

«Кто здесь был? – вдруг грянул громом
Мейк, взглянув себе под ноги. –
Чьи следы, кто этой ночью
Смел ходить в моих владеньях?
Я сейчас его поймаю»...
И, как чуткая собака,
Мейк по следу осторожно
Вышел прямо на тропинку,
Где украл оленей Ваза.
Там нашел в траве помятой
Маут¹ кожаный лосиный
И следы борьбы упорной
Между кхонна и вогулом.

¹ Маут – аркан.

Он теперь увидел ясно;
Шаг за шагом, все по следу
Мейк читал, как в книге белой
Русский хом¹ читает были,
Что случилось этой ночью;
Как похитил Ваза кхонна,
Как запряг он их в упряжку,
И куда свой путь направил;
Вместе с следом музыканта
Мейк увидел след неясный,
Женский след, и сразу понял,
Почему спокойно лайки
Спали этой жуткой ночью
И пустили вора в стадо.

«Эмас²! – гневно крикнул ойка, –
Еще солнце не погаснет –
Вор наказан будет смертью».
И сейчас же он оленей
Изловил, запряг их в нарту,
В нарту легкую, как ветер,
И, скрипя зубами в гневе,
Как стрела, помчал в погоню...

Поднимая тучи снега,
Лесом темным, молчаливым,
С диким криком мчался ойка,
Словно ветер в непогоду,
Подгоняя гневной бранью
Тройку дружную оленей;
Нарта прыгнула в ухабах,
Как челнок в валах сердитых,
Шест свистел, и звонко пели

¹ Хом – человек.
² Эмас – хорошо.

Крепкострунные постромки
Из упряжки новой Мейка.

Далеко услышал Ваза,
Что за ним бежит погоня,
Он пустил быстрей оленей
По крутому косогору,
Но стальные олени
Не могли поспорить в беге
С свежей тройкой злого бога.

Ближе слышен дружный топот,
Все яснее голос Мейка
Долетает до вогула.
И прошло одно мгновенье,
Далеко, неясной точкой,
Точкой черною, зловещей
Показалась тройка Мейка.
И прошло еще мгновенье,
Точка выросла в оленей,
Запряженных тройка в нанту,
А на нарте видно было,
Как, шестом махая, ойка
Подгоняет лихо тройку.
«Стой! – насмешливо воскликнул
Ойка Мейка, снимая шапку. –
Подожди, вогул, немного!
От меня, владыки Мейка,
Не угнать тебе оленей.
Лучше сдайся, вор трусливый,
Я тогда убью скорее
И тебя не буду мучить».

Торопливою рукою
Ваза вынул сверток белый,
Сверток белый с талисманом,

И, читая заклинанья,
Развернул рукой дрожащей,
И достал он в страхе сильном
Данный старцем знак спасенья,
Стебельки травы сушеной,
И, не глядя, бросил в Мейка,
А потом погнал оленей
Вниз в равнину с косогора,
Ухватившись за постромки.

Вдруг исчезла нарта Вазы,
Стал невидим ойки Мейке
След полозьев и оленей,
И напрасно он, ругаясь,
Протирал глаза руками, –
Вазы не было уж видно:
Ни вверху, на косогоре,
Ни внизу, где полог белый
Снежной вымершей равнины
Уходил к увалам дальним.

И в раздумьи долго ойка
Вдаль смотрел, оставив нарту,
А потом он крикнул громко
В тишине равнины снежной:
«Это ты, Торым, я знаю,
Знаю я твои проделки,
Но мое запомни слово,
Старый хрыч, обжора толстый,
Я с тобою потягаюсь».

В это время Ваза мчался
В царство Шубного Медведя,
Оглашая лес печальный
Песнью грустною о Ючо,
О злодее – ойке Мейке,

Во тяжелых испытаньях,
Выпавших ему на долю.
А потом он веселее
Пел, что кончит путь великий
И сюда вернется снова,
И возьмет он радость жизни –
Цветик нежный, нээ-Ючо.

Песня седьмая ТАМГА

«Темный лес, о лес великий!
Песню новую пою я,
Я тебе туманной ночью, –
Ночью свет луны тревожной,
Как натянутые нити
Пряжи тонкой, серебристой,
Четкой сетью протянулись
Между небом и землею...
Лес великий, полный тайны», –
Пел в каком-то опьянении
Музыкант забытых песен,
Ваза, воин-победитель.
Это грустно повторило
Тот конец полночной песни,
И затихло тихим звоном
Обрывающейся струнки.
«Лес великий, полный тайны,
Лес спаситель и хранитель,
Помоги похитить тамгу,
Скрой меня от гнева ойки –
Шубного Отца Медведя –
Здесь, в твоём безмерном царстве,
Я тебя прошу, великий
Лес, хранитель наших чумов,
Наших лаек и оленей,
Мне помочь в великом деле», –

Так молился Ваза ночью,
Ночью лунной, серебристой,
Перед подвигом опасным.

День один пути от юрты
Щубного Отца Медведя, –
У истоков рек Охсыра, –
Отделял его оленей.
И верхушки гор высоких,
Гор больших, покрытых снегом,
Были ясно видны глазу
Уж давно порой дневною.
Солнце встало в дымке желтой,
«Быть морозу», – думал Ваза,
И погнал своих оленей
Он по берегу Охсыра,
Мимо кустиков талины,
Белых ласковых березок.

Путь неезженный был труден,
Шел крутым подъемом в гору,
Утомились олени,
Тяжело дышала лайка,
Лайка белая, Снежинка.
Иглы острые мороза,
Подгоняемые ветром,
Обжигали щеки Вазы.

Только солнце в мгле янтарной,
Мгле холодной, золотистой,
Путь склонило свой к закату,
Ваза был у юрты Старца,
Щубного Отца Медведя,
У сосны, разбитой громом.

В частый ельник под увалом
Спрятал он свою упряжку,

Привязал собаку-ампу
К толстой ели за ошейник
Крепкой, крученной веревкой
И в молчании глубоком
Начал ждать захода солнца.

А как ночь сошла на землю,
Ваза встал и молвил тихо:
«Друг мой, верная собака,
Ампа, белая Снежинка,
Жди меня ты до восхода,
Жди меня, не шевелись».
А потом он, наклонившись,
Отвязал ее от ели
И, схватив саыrb тяжелый,
Скорым шагом удалился.

Луна бледная над лесом
Поднялась на темном небе,
Светом робким осветила
Сосну, сломанную бурей,
Юрту зимнюю¹ Медведя
И в наряде серебристом
Кедры стройные у юрты...
Громкий храп Отца Медведя
Сквозь бревенчатые стены
Юрты зимней, с дверью толстой,
Плотно пригнутой к запору,
Достигал до слуха Вазы
И пугал трусливых зайцев
В тальниках у Охсыр-яя.
Ваза быстрыми шагами

¹ У вогулов юрты бывают двух родов: зимняя и летняя.

Подошел к закрытой двери,
И за кожаную петлю
Дернул он, в порог упершись
Крепко сильными руками.
С тихим скрипом отворилась
Дверь тяжелая на петлях;
Белый пар ворвался в юрту;
Чуть светивший сальник тусклый
Закоптил и разгорелся.
Ойка Шубный с Мюсснэ толстой
Спал на нарах и не слышал,
Как рукою осторожной
Ваза взял тамгу Торыма,
И в молчаньи темной ночи
Он его покинул юрту.
Но забыл одно лишь Ваза –
Дверь тяжелую на петлях
За собой прикрыть забыл он...
И, когда шаги затихли
Вазы, храброго вогула,
Ветер хитрый из Низины
Громко хлопнул этой дверью...

Старец Шубный пробудился,
Растолкал жену в потемках,
Вздуд огонь, направил сальник
И, почуяв запах хома,
Вышел с оханьем из юрты:
В мгле морозной лунной ночи
На снегу следы вогула
Четко старцу были видны.

«Кто был здесь?» – воскликнул старец
И, вернувшись снова в юрту,
Захватил свою дубинку
Из ствола березы с корнем.

По следам двойным он быстро
Пробежал на четвереньках
В частый ельник под увалом,
Где оставил Ваза нарту.
Ветер хитрый из Низины
Путь указывал Медведю,
Путь прямой в сугробах снега.
И когда на нарту Ваза
Сел и дернули олени –
Лайка белая, Снежинка,
Громким лаем разразилась,
Запах Шубного почуя.
А по ельнику, как буря,
Прокатил рев Медведя...
Ветер хитрый из Низины,
Поднимая тучи снега,
Заметал дорогу Вазе,
Бил в лицо колючим снегом
И слепил глаза оленей.

Долго мчались олени,
Подгоняемые Вазой,
Вниз, к реке, по косоугору,
По сугробам, мимо рытвин,
И, когда к реке спустились,
Вдруг упали на колени,
Частой дрожью задрожали,
Заколдованные духом
Пупы-яя, Охсыр-яя,
Другом Шубного Медведя...
Шест тяжелый с громким свистом,
Крепко сжатый музыкантом,
Бил без устали оленей, –
Но не трогались олени,
Заколдованные духом...
Ближе слышалось ворчанье,

Шаг тяжелый ойки-старца –
И тревожное мгновенье,
Промелькнув, умчалось в вечность, –
Сам Вуяньчх был за плечами...

«Стой, воришка! – крикнул ойка, –
Знаю я твои проделки.
Не успел ты этой ночью
С перепугу ложь промолвить:
«Не украл я ойки тамгу,
В том мои виновны руки».
Знаю я, моих вы братьев
Бьете стрелками и пулей,
А потом клянетесь лживо,
Бересту надев на рыло,
И кричите: «Кара-юйя»,
А потом – гуляй неделю...
Верно, ложь я знаю вашу,
Лишь один из шубных старцев,
Потому что – первородный,
А мои другие братья
Платят вам пушистой шкурой,
Панг¹ еще дают в придачу.
Погоди, воришка глупый,
Я тебя зимой проквашу»... –
Так смеялся Шубный Старец,
Догоня музыканта.

Семь лучинок, данных ойкой,
Ваза бросил торопливо:
Лес великий стал стеною
От земли, покрытой снегом,
До небесных туч высоких,
Скрыл его, оленей, нарту,

¹ Панг – голова.

Преградил дорогу старцу.
Даже ветер из Низины,
Взвившись в серым хмурым тучам,
Вновь упал в бессильной злобе
Вниз, откуда он поднялся.
И с молитвой в сердце Ваза
Продолжал свой путь тяжелый,
Путь великий в Царство смерти.

Песня восьмая ОГНЕННАЯ ПТИЦА

Путь неезженный, путь дальний
Вновь открылся перед Вазой
Лентой длинной, бесконечной,
Между стройных, гордых сосен,
Мимо хмурых, старых кедров,
По застывшим мертвым речкам...
Путь неезженный, путь дальний
Не пугал теперь уж Вазу;
Крепче спал он темной ночью
У костра, на хвое кедров;
Меньше лаяла Снежинка,
Если ночью к стану Вазы
Волки стаей отощавшей
Подходили шагом робким.

Рано утром, на рассвете,
Только солнце позолотит
Белоснежные верхушки
Стройных сосен, хмурых кедров
И в просветах на полянах
Разольется желтым блеском,
Ваза был уже на нарте –
Он спешил к Ущелью Мертвых,
К Царству дальнему Торыма,
С тихой радостью и скорбью.

Радость – то, что ближе к цели
С каждым днем и каждым шагом
Он подходит неустанно;
Скорбь – о том, что с нежной Ючо
Разлучен путем великим,
Может быть, уже навеки.

Вот уж солнце в первый месяц,
Иёнгпе-котлег¹ поворота,
К лету круто повернуло, –
Горько плакалася Тэли,
Что за мартом скоро будет
Месяц таяния снега²,
А потом – дающий листья
Иёнгпе-пум³, зеленый месяц,
То конец зиме холодной,
То начало в тундре лета.
В месяц первый – Иёнгпе-котлег –
Ваза вынул камень белый,
Что ему дал мудрый старец,
И с размаху бросил наземь –
И тогда случилось чудо:
Камень мертвый, белый камень
Стал вдруг птицей белоснежной,
Наделенной даром речи,
Птицей – мудрою сорокой,
Не похожей по окраске
На своих сорок-сестричек.

Вскинув крыльями, сорока
Поднялась с земли и села
На рога оленя Мейка

Что шел главным в тройке Вазы,
И держала речь такую:
«Храбрый воин, мудрый Ваза,
Много лет в плену тяжелом,
Заколдованная Хаппа,
Злым саряты-ху⁴ – шаманом,
Я была лишь белый камень,
Белый камень неподвижный
В глуби мутной, тихой речки.
Год за годом проходили,
День за днем, как Нум поставил,
Я лежала в грязной тине,
Где вода меня гранила,
Не давая мне покоя...
А потом случайно в невод
Вместе с рыбой я попала,
И остяк, меня увидел,
Положил в мешок и думал,
Что я – белая натырма⁵.
Но не долго это было, –
За несчастья в охоте
Меня выбросил хозяин.

Дети мной потом играли, –
Продолжала сказ свой птица, –
Это долго продолжалось...
Из рук в руки камнем белым,
То таинственным, чудесным,
То пустой забавой детской,
Я скиталась по свету,
Наконец-то в чуме старец
Отыскал меня в отбросах.

¹ *Иёнгпе-котлег* – март, название его в буквальном переводе значит: «Месяц поворота».

² Месяц таяния снега – апрель.

³ *Иёнгпе-пум* – месяц травы, май.

⁴ *Саряты-ху* – ворожей, колдун, шаман (остяцкое название).

⁵ *Натырма* – промысловый идол, который может иметь разнообразную форму и вид.

Он постиг душою чуткой,
Что здесь скрыто чародейство
Хаппо – хитрого шамана.

Дальше знаешь: на увале
У тебя он в юрте, ночью,
Дал меня тебе в подарок
И сказал: «Исчезнут чары
Злого, хитрого шамана,
Если ты своим полетом
Путь укажешь в Царство Мертвых,
Приведешь его к ущелью,
Где живут умерших души,
Там оставь его оленей,
И, свободная от мести,
Колдовства и чар шаманских,
Ты лети, куда захочешь»...

«Эмас, эмас, – молвил Ваза,
Только птица замолчала,
Сказ окончив свой немудрый. –
Будь товарищем, сорока,
В этом трудном, нужном деле,
И когда певец вернется
В свой паул, тебя он вспомнит
В песне нежной, в новой песне, –
Мир таких еще не слышал.
Эта песня разнесется
По лицу земли обширной,
И, бессмертная, как боги,
Будет жить она в народе
Дольше насыпей великих
На могилах позабытых
Давних, вымерших народов».

Вскинув крыльями, сорока
Путь открыла музыканту...

Вслед ей двинулись оленя,
Утопая по колени
В рыхлом снеге побуревшем;
Лайка белая, Снежинка,
С визгом звонким возле нарты
Вскачь комком летела белым...
И зажглася в сердце Вазы
В те недолгие мгновенья
Вера, крепкая, как камень,
О счастливом избавленьи
Позабытого народа.

В день седьмой – как родился
В небе месяц, в новолунье,
Перед взором музыканта,
Как сказал когда-то старец,
Лес таинственный в Низине,
В облаках морозной пыли,
Встал зубчатою стеною...
Белки, юркие воровки,
Отряхая снег пушистый,
На ветвях могучих кедров
Перебранивались громко;
А внизу следы лисицы
По следам трусишки зайца
Вперемежку, словно бусы,
Рассыпались нитью четкой
На снегу, в кустах талины,
Волчьи стаи стороною
В полутьме лесной, как тени,
Шагом волчьим, еле слышным,
Обегали нарту Вазы
По следам тяжелых лосей
И, загнав в кольцо отставших,
Нападали молчаливо...
Сильный зверь их бил ногами,

Много падало из стаи,
Но в неравной битве грузно,
Истекая алой кровью,
Падал все ж перед врагами
С перекушенной гортанью...

Проходили дни за днями;
Нескончаемо тянулся
Лес таинственный в Низине;
Снег рыхлел, яснее солнце
В небе дальнем расцветало,
И сомненье взяло Вазу:
«Скоро Туе, где ущелье?
Нет конца тайге в Низине»...
И тогда он обратился
С осторожной речью к птице:

«Птица вещая сорока,
Ты прости мне любопытство;
Вот проходят дни за днями,
Снег рыхлеет, скоро Туе
Оживут тайгу, поляны;
Зашумят ручьи, и реки
Понесут свой лед на север;
На деревьях развернутся
Листья нежные из почек,
И тогда должны мы бросить
Нарту нашу и оленей...
Ты поведай мне, сорока,
Скоро ль кончим путь по лесу
И увидим Царство Смерти,
Скоро ль будем мы у цели, –
Я измучился душою»...

«Скоро, – молвила сорока, –
Подожди до полдня, Ваза,

Ты увидишь Царство Мертвых»...
И сбылись слова сороки,
Ровно в полдень нарта Вазы
На конце лесной Низины
Распряженная стояла...
Темной ямой, страшной пастью,
Уходящей в землю-маа,
Между кедров сиротливых
Вход чернел в Ущелье Мертвых...
Чтоб олени не сбежали,
Ваза им надел колодки
И пустил пастись у кедров
Под надзором белой лайки.

Утром вещая сорока,
Попрощавшись с музыкантом,
Улетела в край далекий.
Долго-долго за полетом,
С грустью в сердце, одинокий
На краю лесной Низины,
Вслед смотрел печальным взором
Воин Ваза-Зоркооркий.
Грусть смахнув, рукою твердой
Ваза впряг оленей в нарту,
Поднял шест и крикнул громко:
«Ну, сынки, вперед! Скорее!»
Было тёмно... Гулким звоном
Разносился бег оленей...
Ветер хитрый пел уныло,
Пел протяжно в жутком мраке
Песни страшные о смерти...
Долго так во тьме застывшей,
В тишине Ущелья Мертвых
Мчался Ваза на оленях...

Змейкой трепетной, далекой
В тьме ущелья одинокий

Огонек на перепутьи
Вдруг блеснул и снова скрылся,
А потом через мгновенье,
Тьму прорезав острой стрелкой,
Он метнулся, как виденье,
В жутком мраке, мраке смертном,
В тишине Ущелья Мертвых
И зажегся ровным светом...
Ваза ближе – пламя ярче
С каждым шагом разгоралось
Станным светом, синим светом...

Мало времени промчалось, –
Стали видны очертанья
Птицы Таукси Великой
В искрах яркого сиянья...
На высоком белом камне,
Где отворенные двери –
Путь широкий в Царство Смерти,
В царство лучших наслаждений, –
Выводили на равнину, –
Птица Таукси сидела.

«Ой-я! Ой-я!» – что есть мочи
Ваза крикнул на оленей, –
И, как вихорь, мимо птицы
Промелькнул скользящей тенью...
Птица Таукси вздрогнула...
Было поздно: в пальцах Вазы,
Как зажженный яркий факел,
Жар-перо, дрожа, сияло
За вратами Царства Мертвых.

Освещая путь им, Ваза
Миновал Ущелье Мертвых,
И увидел пред собою

В блеске солнца золотого
Он Великую Равнину –
Это было Царство Смерти –
Путь прямой к Отцу Торыма.

Песня девятая ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

«Будьте милостивы к мертвым, –
Так гласит одно преданье, –
Чтоб они без мук и скорби
Там, за гранью, на Равнине
Царство дальнего Торыма
Не нуждались в самом нужном;
Вы снабдите их могилы
Для еды посудой разной,
Нялы, ёут¹ и одеждой,
Дайте шило им в дорогу,
Ниток крепких, табакерку,
Если можно, даже нарту,
Трут, кремень, и сеть, и обувь, –
Это все им пригодится».

«Будьте милостивы к мертвым,
Смерть и вас на перепутьях
Караулит терпеливо...
Все рожденное не вечно,
Все умрет, и день вчерашний
Не придет и не вернется...
Только сильные шаманы
Вновь рождаются, приходят,
Но в других уже личинах,
Под другими именами», –
Так гласит одно преданье.

¹ Нялы – стрелы; ёут – лук.

«Будьте милостивы к мертвым,
Чтите память вдаль ушедших,
Помня то, что в Царстве Торма
Тени их живут и помнят
Вас, оставшихся здесь – в Маа.
Чтите память вдаль ушедших,
Поминайте в чумах чаще,
Соблюдайте все законы,
И тогда народ не вымрет», –
Так гласит в конце преданье...

Мимо чумов молчаливых
По немой равнине ехал
Ваза-воин, сам не зная,
Сколько дней прошло с начала,
Как вступил он в царство Теней,
Ибо солнце на равнине
День и ночь на небе ясном
Незакатное стояло.
В стороне стада оленей,
Словно тучи лёмый¹ в тундре,
Без призора, без охраны
Торопливо мох искали,
И рога их, как кустарник
В ветер сильный, колыхались.

На поляне возле речки
Ваза в первый раз увидел:
Дым костра, в кустах талины
Чум пустой, двух тощих лаек,
Легкий теней колебанье,
Пензер² плакал частой дробью

¹ Лёмый – комар.

² Пензер – барабан.

Под невидимой рукою,
Кто-то пел тоскливо песню,
Кто-то плакал и шептался
Страшным шепотом могилы,
А вдали стада оленей
Напасённые бродили.

Стало жутко, одиноко...
Всколыхнулося земное
В сердце храброго вогула,
Вспомнил он: тайгу, низины,
Речки с мутною водою,
Сумрак леса, песни сосен,
Чумы, лаек и вогулов...
Вспомнил он невесту – Ючо, –
Стало стыдно музыканту...
Он стегнул своих оленей,
Крикнул голосом могучим:
«Ну, сынки, вперед, к Торыму,
Путь велик лежит пред нами!»

Снова мертвая равнина,
Уходя, сливалась с далью;
Было грустно, было тихо,
Но в молчаньи напряженном
Ваза чувствовал движенье,
Чьих-то крыльев трепетанье,
Чьи-то стоны, чьи-то вздохи,
И ему порой казалось,
Будто сзади кто-то мчится
Так же быстро на оленях,
Молчаливый и могучий,
Как судьба минут грядущих...
И в молчаньи напряженном
Он услышал голос тихий:

«Мадур¹, мадур быстрокрылый,
Яный Келб² тебе вещает
О своей прошедшей жизни».
Ваза вспомнил сказку дедов,
Быль печальную дней прошлых, –
Стал он слушать голос тихий...
«Мадур, мадур, – молвил голос, –
Это было в год тяжелый,
В год, как русские дружины,
Словно вешние потоки,
С гор спустились неожиданно...

Злой, как волк, старик железный,
С белой, длинной бородою,
Вместе с набожным монахом
Через горы заявился
К нам таежными тропами...
Как огонь, как мор звериный,
Проходил с своей дружиной,
Оставляя за собою
Дым густой больших пожаров,
Кучи тел и рыхлый пепел
На местах паулов людных,
А старик-монах молился,
Говорил о новом боге.

Грудью встали на защиту
Против пауль, рогатин острых,
Против старого монаха
Наши храбрые дружины.
Долго бились, бились крепко,
Но измена средь народа
Подточила это дело;

¹ Мадур – герой, воин.

² Яный Келб – собственное имя, в переводе на русский язык значит – Большая Кровь.

Старый волк с монахом тощим
Одолели войско наше,
А за ними следом торным
Приходили толпы русских
Нас тесня, творя насилья.

Отобрали нашу землю,
Наши реки и уголья,
Обложили наши дымы
Непомерной, тяжкой данью,
Взяли жен, а мы рабами
Стали им служить покорно.
Вместе с ними черной птицей
Прилетала смерть немая,
Посылая нам болезни,
На оленей мор звериный...
С каждым днем их было больше,
Наш народ же уменьшался.

Горе! Горе! – говорили
Старики с тревогой в сердце;
Горе! Горе! – повторяли
Грустным шепотом в народе;
Горе! Горе! – лес шептался;
Горе! Горе! – пели птицы;
Горе! Горе! – зверь таежный
Говорил нам непонятно,
Языком своим звериным;
Горе! Горе! – в реках рыбы
Крепко думали, увидев
Хабы русских над водою;
Горе! Горе! – я промолвил...

И однажды темной ночью
Над медвежьей лапой в чуме
Страшным словом я поклялся

Отомстить пришельцам грозным
За насилие, за обиды...
С той поры, не умолкая,
Голос мой, как громкий бубен,
Бил тревогу неустанно,
Призывал вогулов к битве...
И ко мне сходились люди;
С каждым днем и каждой ночью
Умножались наши силы.

День настал; у стен острога,
Где засел бояр с дружиной,
Наши стрелы зажужжали,
Из бойниц в ответ пушканы
Белым громом грохотали...
Черной тучей с громким кличем
Наши двинулись дружины
Из болотистой низины
На гору – к стенам острога;
И с утра до темной ночи
Мы дрались вверху на кручах...
Не хватало нашей силы:
Мы опять ушли в низину.
Десять раз к стенам острога,
Где сидел бояр с дружиной,
Подходили наши силы...

Десять раз они в низину
От пушканов уходили.
Ропот слышен был в народе:
«Мертвых много, крови много,
Не пойдем на бой мы боле,
Нам пора давно в паулы».

Голос мой, как детский лепет,
Утонул в стозвучном шуме

Голосов людей усталых...
И никто меня не слушал...
Дни печали наступили,
Дни страданий одиноких...
Но пришли на помощь боги
Мне, вогулу – Кровь Большая,
Талисман чудесный дали;
С талисманом, с силой малой
Я поджег острог стрелами;
Перебил людей служилых,
Полонил лису-бояра
Вместе с набожным монахом.

Но, запомни, не прощают
Люди русские обиду,
Не уйти от рук их длинных,
Хищных рук, как лапы зверя,
Никому на этом свете...
Через зиму в нашу землю
От царя большого русских
Прибыл с новою дружиной
Воевода, князь Давыдка,
С ним пришел с крестом и книгой
И отец – монах пузатый, –
Началась тут месть за вожи¹.

На реке, где мост из бревен
Сложен был для перехода,
Наши силы повстречались;
Коротка была та битва:
Скоро дрогнули вогулы
И, как мухи, разлетелись...

¹ *Вож, вуж* – острожек, городок.

Только я с премалой силой
На мосту еще держался,
Окруженный цепью вражьей.
Пали храбрые вогулы,
Бой неравный – смерти равен,
Мало времени умчалось,
Я совсем один остался
На мосту, над красной речкой,
Кровью политой вогулов.

Как медведь, в одежде медной
Русский воин – сын боярский –
Длинной, острою секирой
Замахнулся надо мною...
Не сробел я, увернулся
И, схватившись за кольчугу,
С моста, скользкого от крови,
Вместе с ним свалился в воду...
Тяжело была кольчуге,
Крепки, сильны были руки
У кондового бояра...
Скоро мы на дно речное
Опустились с ним, как камни,
И оттуда уж не всплыли.

И теперь идет в народе
Разговор, что перед утром,
У острога над рекою,
Где стоит разбитый мостик,
Чьи-то тени выплывают,
Кто-то борется, бранится,
Призывая чью-то помощь;
Слушай, мадур, это – правда,
Это я борюсь с бояром
И борьбу тогда окончу,
Как с великою ты вестью

Возвратишься от Торыма.
Я тогда вновь громко крикну:
«Смерть жестоким чужестранцам!» –
Оживу, вернусь на землю,
Поведу народ к победе».

«Будь хорош! Пора в дорогу», –
Тихо бросил Ваза Тени,
И в ответ стозвучным громом:
«Будь хорош!» вдруг зазвучало
По простору Царства Теней
Переливистое эхо.

Песня десятая ПЕНЕГЕЗЕ

За копытами оленей,
За спиной мадура Вазы
Царство Мертвых оставалось
Молчаливою равниной,
Полной тайны и загадок,
Как лицо нежданное гостыи,
Как лицо старухи-смерти,
Приходящей к изголовью
Стариков, детей и женщин,
В неурочные минуты
С топором тупым и ржавым.

Там, на западе, где солнце
Неподвижное стояло
В облаках кроваво-красных,
В первый раз увидел Ваза
Стену длинную, как ленту,
Вышиной чуть не до неба, –
Это было Царство Нума,
Царство Мирры-Суснахумма.

На железных крепких петлях,
У столбов, обитых медью,
Где сходились половинки
Запертых ворот тяжелых,
Ваза слез – оставил нарту;
Он достал тамгу Торыма,
Знак свободного прохода
В Царство Мирры-Суснахумма,
Что похитил темной ночью,
У лентяя ойки-старца –
Шубного Отца Медведя;
Подошел к воротам узким,
Постучал и громко крикнул:
«Отворите, кто здесь слышит!...»
Но никто не отозвался
За зубчатую стеною,
Тихим звоном не звенела
Цепь железная на крючьях,
Не стучал запор тяжелый,
И ворота не скрипели
На железных, витых петлях,
У столбов, обитых медью,
Открывая путь герою;
Тишина не нарушалась...
«Отворите! Кто здесь слышит!» –
Громче крикнул мадур в гневе,
И, подняв тамгу Торыма,
Он ударил семь раз ею.
«Отворите! Кто здесь слышит!
Отворите мне ворота!» –
«Если дух ты беспокойный,
То зачем тебе ворота, –
Отвечал сурово кто-то, –
Если ты, пришелец смертный,
Покажи тамгу Торыма –
Знак свободного прохода

В Царство Мирры-Суснахумма;
Только смертным здесь не место,
Никогда я их не видел,
Этих трусов и лентяев,
Недовольных и слезливых,
Посылающих молитвы
В наше царство неземное».

«Я похитил нарту Мейка, –
Молвил гордо мадур Ваза, –
Я обрел тамгу Торыма,
Я нашел в Ущелье Мертвых
Жар-перо огнёвой птицы,
Я прошел на нарте бога
Царство Мертвых, Царство Смерти,
И теперь у Царства Нума
Я прошу открыть ворота;
Позабудь пока о смертных,
Здесь не место перекорам».
«Гнев напрасен, ойка рума¹, –
Начал дух, хранитель входов, –
Ты прости меня, пришелец,
Будь же кроток в гневном сердце...
Эти крепкие ворота,
Вход великий в Царство Торма,
Никогда не отворялись
Перед слабым человеком,
И никто бы не поверил,
Что придет мадур с тамгою
Шубного Отца Медведя
(Хоть давно он дожидался)
К крепко запертыми воротам
И промолвил: отворите!»

¹ Рума – друг.

«Пайсе, рума, ойка рума», –
Отвечал учтиво Ваза
Отворившему ворота,
И, махнув ему рукою
В знак сердечного прощанья,
Он сказал с поклоном низким:
«Будь хорош, хранитель входов,
Я спешу к Отцу Торыму...»

«Берегись, вогул, – ответил
Дух в личине человека, –
Берегись ты Пенегезе,
Великана и обжоры,
Он живет неподалеку.
Коль твою он встретил нарту,
Он проглотит, как лепешку,
И тебя, и всех оленей
Вместе с маленькой собачкой,
Верным другом музыканта.
Берегись же Пенегезе!

А потом, – добавил ойка, –
Если ты избежешь встречи
С людоедом и обжорой,
С великаном Пенегезе,
На пути своем ты встретишь
Чаровницу молодую...
О, мадур, будь крепче кремня,
Крепче синего железа:
Не поддайся чарам нежным,
Чарам нежным – колдованью;
Умертви свои желанья,
Подави волненья сердца;
Тело юное красиво,
Трудно смертному бороться
С чаровницею Логарью.

Но запомни, друг мой юный,
Ты погибнешь в сетях тонких,
Ты пойдешь навстречу смерти».
«Эмас, эмас, дух великий,
Много раз тебе спасибо
За хорошие советы;
Будь здоров, мой ойка рума», –
Молвил мадур на прощанье
Духу-хому – человеку;
И, махнув шестом тяжелым,
Он дорогою широкой,
Словно лебедь в час заката,
В час, как солнце умирает
В пыли тонкой, золотистой,
Полетел к шатрам Торыма.

В сердце храбром и великом,
В сердце гордом музыканта
Зазвучала песнь победы;
А в душе его, как эхо,
Те невидимые струны,
О которых знал один он,
Медным звоном говорили,
Звоном медным повторяли
Песню громкую победы.

«Путь великий будет кончен,
Близок к цели я желанной, –
Так запел словами Ваза,
Чтор без слов звучало в сердце,
Что играли звонко струны
Там, в душе у музыканта. –
Скоро, скоро в землю-маа
Я вернусь к родимым чумам;
На рогах сових оленей
Принесу я тамгу жизни,

Тамгу дальнего Торыма;
К берегам Конды и Ас'я,
К берегам озер и речек,
К чумам, капищам и юртам
Я прибью три слова жизни,
Три таинственные знака.
Я вернусь к родимым чумам
Вместе с белою голубкой,
С милой, нежною невестой...
Близок день моих желаний».

Не допел и до середины
Мадур Ваза эту песню,
Как увидел Пенегезе,
Великана и злодея,
На пути своем с дубиной;
Взвыла лайка, ошетинясь,
Залилась протяжным лаем,
Тройка кхонна быстроногих
Дико в сторону метнулась,
Замотала головами.
И певец на нарте крепкой
Еле-еле удержался.

«Стой, парнишка, сто, негодный,
Замолчи, остановися! –
Крикнул строго Пенегезе. –
Ты зачем сюда явился?»
Он спросил еще суровой,
Подходя к оленям Вазы.
«Уходи с моей дороги,
Комариное отродье! –
Отвечал бесстрашно Ваза
Великану-людоеду. –
Уходи! Вот тамга Старца,
Шубного Отца Медведя,

Вот перо священной птицы,
Вот моя рука с колчаном,
Вот топор, саырб железный...
Если большего захочешь, –
Проглоти меня, оленей,
Нарту злого ойки Мейка,
А потом тебе я брюхо
Распорю ножом железным,
Разрублю тебе я ребра,
Перерву руками горло.
Ты подохнешь, как собака,
Комариное отродье,
Враг живущих – Пенегезе».

Скрипнул острыми зубами
В сильном гневе Пенегезе,
И, мазнув рукою длинной
Перед мордами оленей,
Диким смехом он залился:
«Испугал меня, парнишка, –
Он с насмешкою обидной
Отвечал герою Вазе, –
Испугал, хвостун трусливый,
Великана Пенегезе.

Но не страшны мне угрозы, –
Продолжал уже без смеха
Великан герою Вазе, –
Я бессмертен, как все боги,
Как великие шаманы,
В царстве здешнем ойки Нума...
Ты имеешь тамгу зверя,
Шубного Отца Медведя,
Брата вечного Торыма, –
В этом все твое спасенье,
В этом лишь твоя надежда,

И, не будь тамги Медведя,
Ты давно сидел бы в брюхе,
Пережеванный зубами...
Не ворчал бы как старуха,
И не хвастал бы, лгунишка;
Я тебя не трону, мадур,
Ты не бойся, детский воин,
Будь хорош! Прощай, парнишка!» –
Так свое закончил слово
Яный¹ ойка – Пенегезе.
Великан ушел, а Ваза,
Проводив его глазами,
Молчаливо улыбнулся;
Он махнул шестом тяжелым,
Громко крикнул на оленей,
Вывел нарту на дорогу
И помчался быстрой тенью
В Царство Мирры-Суснахумма,
Полный веры и желанья,
Полный радостной надежды
В день грядущий, не пришедший.

Песня одиннадцатая ЛОГАРЬ

Если падают олени,
Если волки воют ночью,
Если чичу² торопливо
Из кустов бежит к дороге
И дорогу хитрой петлей,
Петлей хитрой перережет, –
Быть несчастью, – скажут люди.
Если бег оленя ровен
Если волки на опушке,

¹ Яный – большой.

² Чичу – заяц.

Если зайцы только ночью
На дорогу выбегают, –
Быть тогда удаче в деле, –
Так гласят приметы старцев...
Если солнце алой кровью
Обольется в час заката, –
Быть тогда бурану утром...
Если солнце желтой медью
Озарит закат свой зимний, –
Быть тогда морозу утром, –
Так приметы мудрых старцев
Говорят своим потомкам
Строго, вечно, неизменно,
Как времен чередованье,
Как язык судьбы суровой.

Твердо помнил мадур Ваза
Эти верные приметы,
Эти строгие наказания,
Продолжая путь свой дальний,
Путь к Отцу земли – Торыму
Твердо помнил мадур Ваза,
Что его ждет испытанье,
Что ему придется встретить
Чаровницу молодую.

Ровно в полдень на равнине,
Над заснувшей рекою
Он увидел чум богатый;
Он услышал игру гуса;
Чей-то нежный тихий голос
Пел задумчиво и нежно:
«Музыкант, мой храбрый воин,
Я тебя ждала с любовью,
Я тебя ждала, мой мадур.
Ты пришел на нарте Мейка
С тамгой Шубного Медведя,

С жар-пером огнёвой птицы,
Ты пришел, мой храбрый воин.
Тройка кхона злого бога
Мчит тебя стрелой к Торыму;
На лице твоём суровом
Не прочесть твоих желаний,
Ты как дух, как бог из Маа,
Ты велик, певец, мой Ваза,
Я тебя ждала с любовью,
Я твоя, мой победитель».

Песнь замолкла, струны гуса
Не гудели медным звоном:
Двери чума открылись...
В дорогих цветных одеждах,
Тонко вышитых узором,
Вышла Логарь на дорогу,
Поджидая нарту Вазы,
Опустив к земле ресницы.
Позади её стояли
Две служанки с угощением.

Нарта Вазы поравнялась
С чудом девы-чаровницы,
Лайка белая, щетинясь,
Недовольно заворчала.
«Пайсе, Ваза, пайсе, мадур,
Придержи своих оленей, –
Нежным голосом герою,
Вспыхнув радостным румянцем,
Говорила Логарь-нээ: –
Придержи своих оленей
И зайди ко мне ты в юрту...
Ты устал, мой бог из Маа,
Ты найдешь здесь нень¹ и мясо,

¹ Нень – хлеб.

Много теплой, сладкой крови,
Ты найдёшь огонь в камине,
И на мягких теплых шкурах
Отдохнёшь с дороги дальней».

«Вончах эмас – эмас куен², –
Отвечал учтиво Ваза,
Придержав своих оленей, –
Я спешу к отцу Торыму».
«Ваза», – громко перебила,
Вспыхнув темными глазами,
Чаровница молодая.
«Ваза», – вырвалось печально,
Как дыханье ветра, в чуме.
«Будь со мною откровенен.
Знаю я, ты слышал сказку,
Сказку лживую о чарах
Логарь, девы-чаровницы,
Знаю я, что ты поверил
Этой сказке хитрых духов,
Ты не бойся, не страшися,
Будь мне братом, хитрый мадур,
Не пройди же мимо чума».

Логарь грустно замолчала,
Тень легла в глазах глубоких
Нежной девы-чаровницы,
И, как капли дождевые,
Две слезы с ресниц скатились
На ягушку³ дорогую,
Отороченную мехом.

² Хороший отдых – сон хороший.

³ Ягушка – женская одежда.

«Ты меня не бойся, воин, –
После долгого молчанья
Логарь Вазе говорила, –
Я давно ждала героя,
Я тебя желала встретить, –
В первый раз с открытым сердцем
Я пошла к тебе навстречу,
Храбрый бог из дальней Маа.
Часто утром, на восходе,
Выходила я из чума
И ждала, что на дороге
Заблестят рога оленей;
Я услышу громкий голос,
Голос твой, как пенье ветра,
Ветра южного в Низине.
Часто вечером у чума,
На дороге с грустью в сердце,
Я рвалась к тебе навстречу,
Как стрела – томар-певунья¹ –
Из натянутого лука;
Я ждала тебя, Прекрасный.

Ты пришел, но в миг счастливый,
В миг моих желаний нежных.
Ты молчишь, о, ты боишься
В чум войти – отведасть мяса,
Выпить теплой, сладкой крови,
Отдохнуть на мягких нарах,
На оленьих теплых шкурах,
Ты боишься, храбрый мадур,
Одинокой, слабой Логарь».

Улыбнулся Ваза Логарь,
Улыбнулся и ответил:

«Много раз тебе спасибо
За слова и приглашенья.
Ты не думай, что боюся
Я зайти в твой чум богатый,
Что страшны мне чары вишнэ;
Нет, мое не дрогнет сердце
Ни от чар, ни колдованья;
Я люблю мою лебедку,
Нежную мою подругу –
Вишнэ Ючо, цветик жизни».
Ваза слез с высокой нарты,
Привязал к шесту оленей,
Наказал их караулить
Лайке беленькой, Снежинке,
И пошел за Логарь в юрту.
Снова струны многих гусов
Медным звоном загудели,
Барабан им мерной дробью
Вторил, к песне подбираясь.
А когда был мадур в юрте,
Сел на посланные шкуры,
Две служанки чаровницы
Песнь запели о герое,
Победившем Пенегезе.

«Он пришел из снежной тундры,
Он пришел, бесстрашный воин,
Как гласит одно сказанье,
Почернев лицом в дороге,
Долго, долго – дни за днями
Ждали мы его прихода,
Каждый день на барабане
О приходе мы гадали,
Каждый день пытали духов.

Скажут духи, – не понять их,
Их язык – шептанье старцев,

¹ *Томар* – стрела.

Лепет маленьких детишек,
Крики птиц, не спящих ночью,
Голос зверя в темной чаще, –
Духов речь непостижима.

«Что ты видишь?» – вопрошали
Мы, гадая о герое.
«Вижу я, – нам молвил кто-то, –
Летний лес и круглый камень,
Чьи-то песни не умерших,
Чьи-то песни согрешивших.
Ближе. Громче. Шубный Старец,
Лес застлал ему дорогу,
Птица вьется белым пухом,
Лает громко собачонка». –

«О, скажи нам, мудрый ойка, –
Говорили мы, пытая, –
То, что ждет, что не родилось,
Что зовется днем грядущим,
О, скажи нам, дух, всю правду». –
«Ближе, ближе. Слышен топот, –
Это он на тройке кхонна,
Это он проник в ворота, –
Отвечал нам дух сердито, –
Пенегезе точит зубы,
Точит зубы Пенегезе,
Кийя-юйя, кийя-юйя
Пенегезе обманулся...
Выходите! Ждите! Едет!
Собачонка лает громко,
Едет близко, юйя-кийя!»
Песнь замолкла, в вихре легком,
Как оборванные листья,
Закружились в честь героя
В танце странном для земного,

В танце легком и красивом,
Полным страстных ожиданий,
Две служанки чаровницы,
«Я не видел, – думал Ваза, –
Этих странных танцев в тундре
Между девушек и женщин,
Я не думал, чтобы тело
Было песнью сладострастья».

Логарь знак дала танцоркам,
Смолкла музыка и пляска;
Десять слуг вошли попарно
С угощением для героя.
Слуги молча поклонились
И ушли из юрты Логарь
Вместе с старым музыкантом,
Чакчей, ойкой слабоногим;
А за ним из чума вышли
Танцовщицы, барабанщик,
Игроки на звонких гусах,
И старуха – войш-вуй-нээ¹,
Нянька, старая колдунья.
«Ты устал с дороги, воин, –
Нежно молвила хозяйка, –
Ты устал, отведай мяса,
Крови теплой, рыбы, ягод,
Выпей пол и чах-вить кхонна,
Отдохни на мягких шкурах,
Расскажи потом, что видел
На пути ты в Царство торма».

Руки девы-чаровницы
Незаметно для героя,
Как весенний хмель, обвилились

¹ Войш-вуй-нээ – старуха.

Вкруг сожженной шеи Вазы.
И уста, как трепетанье
В тихий вечер юных листьев,
С легкой дрожью протянулись
Слиться с Вазой губы в губы.

Синий дым наполнил юрту,
Где-то музыка звучала,
Все сильнее, все нежнее
Логарь Вазу обнимала,
А потом, как в исступленьи,
На колени к Вазе села
И в бреду ему шептала:
«Я твоя, твоя, мой мадур,
Я твоя, мой муж любимый.
Ты не видишь разве ласки,
Ты не чувствуешь лобзаний?
О, проснись, окрой же сердце,
О, не будь ко мне жестоким!
Я твоя, твоя навеки».

Синий дым наполнил юрту,
Где-то музыка звучала,
И в глазах суровых Вазы
Страсть, проснувшись, заблестала,
Он рукой своей железной
Обнял тело чаровницы,
Тело гибкое, как стебель
Вьюнка с белыми цветами.
И, губами губ коснувшись,
Губ, дышащих бурной страстью,
Замер в пьяном исступленьи
Музыкант забытых песен.

Вместе с страстным поцелуем,
Он не знал, что пьет отраву,
Он не чуял бед грядущих,

Сторожащих на дорогах
Даже в Царстве ойки Нума,
Он забыл, что там у Мейка
Ждет его с тревогой в сердце
Нээ-Ючо, цветик жизни.

Он не знал, отдавшись страсти,
Целый день гости у Логарь,
И лишь к вечеру он вспомнил,
Что пора давно в дорогу.
И тогда, простившись нежно
С чаровницей молодой,
Гикнув громко на оленей,
Музыкант забытых песен,
Ваза юноша прекрасный,
Путь направил свой к Торыму.

Песня двенадцатая ТОРМ

Белый ир¹ в лесу над жертвой –
Значит милость добрым духам;
Черный ир – то жертва богу –
Злому духу человека,

Кто-то робкою рукою
В час тревожный, в день несчастный
На сучке подвесил молча
И ушел с надеждой в сердце
На конец, на избавленье
От злодейств шайтана злого, –
Так гласят заветы старцев
С давних пор законом строгим
Для потомков маловерных.

¹ *Белый ир* и *черный ир* – белая и черная материя (тряпки), развешиваемые на сучья деревьев или особых палках, в виде жертвы богам, добрым – белая, а злым – черная.

Белый ир повесил Ваза
Пред лицом Отца Торыма,
Окруженного богами,
И, склонившись перед тронном,
Долго ждал его ответа
В тишине большого царства,
Где горело ярко солнце,
Где луна светила блеском
Серебра и желтой меди,
Где костры из благовоний
Синим дымом чуть дымились.
«Пусть он встанет, – молвил Торым¹, –
Пусть свое он скажет слово». –
«Встань, вогул! – вскричали боги, –
Молви слово, беспокойный».
И, лица не поднимая,
Отвечал им гордо Ваза:
«Не в укор скажу я слово,
И прошу у вас прощенья,
Вы все братья, слуги Нума.
Я вам равен в этом Царстве,
И Отец Торым Великий
Может речь держать со мною
Слово к слову, сердце к сердцу,
Как её он держит с вами».

Было тихо в Царстве Нума
После дерзкой речи Вазы,
Все молчали, ждали слова
Слова Торыма-Владыки,
Ждали гнева и изгнания
Незнакомца сайтер-хома².

¹ Торым обращается к смертным не непосредственно, а через подчиненных, приближенных ему духов.

² Сайтер – дурак.

«Белый ир, – сказал Владыка
После долгого молчания, –
Это милость для вогула,
Белый ир не нужен Торму, –
Он не требует подачек.
Ты же, знающий законы,
Разве этого не знаешь?³
Торм, владыка всей вселенной,
Отдал жертвы своим слугам.
Убери свой ир, невежа,
Уходи, безумец дерзкий».

Ваза встал и громко начал:
«Я законы твердо знаю, –
Только белый ир оставил
Торм себе, – другие жертвы
Отдал слугам и шаманам.
Я законы твердо знаю
И скажу тебе, Владыко,
Я стою здесь пред тобою
Не как выходец из Маа,
Не безумец и невежа,
А как бог, тебе подвластный,
И меня ты гнать не можешь,
Я слуга, но не собака,
Я имею место в Царстве,
Как награду за лишенья,
За труды, мои победы,
Что свершил я по дороге,
По пути в твои владенья!
Я пришел на нарте Мейка,
На его оленях-кхонна
(Он похитил у тебя их

³ Торм не требует жертвоприношений, и ему, за исключением белого ира, не приносятся никаких жертв.

В незапамятные годы),
Я прошел весь путь далекий,
Путь, тяжелый для вогула,
Лишь тебя увидеть, Торым,
И сказать тебе, что Ваза,
Музыкант забытых песен,
Был всегда правдив и честен,
Знал законы мудрых старцев,
Что принес тебе он горе
Умирающих народов,
Он принес тебе ту правду,
Что твои скрывают слуги
Он ушей твоих, Владыко.

Два начала в нашей Маа –
Это волки и олени;
Белый ир на ветке хрупкой,
Черный ир на пне гниющем...
Два начала в нашей Маа –
Это зло, страданья, скорби
И добро, надежда, радость;
Это Мейк и Торм Великий...
День и ночь в борьбе роятся, –
Так положено Торымом
В день создания вселенной, –
День и ночь всегда воюют,
Зло добром, как волк с оленем,
На земле всегда враждуют...
Волка кормят волчьи ноги,
Зубы волка, как железо,
Охраняют волчью нору,
Кхонна быстрый беззащитен
Без молитвы мудрых старцев,
Без опоры добрых духов
И охраны чутких лаек.

О, всеильный Нум Великий, –
Продолжал печально Ваза, –
Будь же милостив к несчастным,
Помоги добру там в Маа
Одержат над злом победу.
Я пришел к тебе от маньси
Рассказать о лютом горе,
О печальной ихней доле
И просить твоей защиты...

Там, в тайге, по мутной Ас'я,
По большим рекам и малым,
По озерам и протокам,
Между соров, на увалах,
До реки Кегкена-ас'я¹
Все живут твои народы
И зовут тебя, Великий:
Мы, вогулы, – Торм и Торум,
Остяки – Торым и Нума,
Самоеды с рек Ялмала
Именуют Торма Нумом...
Слушай дальше, бог великий,
Грустное мое сказанье –
Это голос всех народов,
Всех народов позабытых,
Истомленных тяжелой ношей,
Беспрерывною борьбою
Не за радость сытой жизни,
Не за власть и угнетенье,
А за жизнь, покой и пищу,
За свободу наших чумов,
За сохранность стад оленьих,
За пески, тайгу и хабы...

¹ Егкен-ас'я – Каменная Обь (река Енисей)

Сам ты знаешь, бог великий,
Что пришли чужие люди
В нашу землю, на низину,
Покорили нас железом,
Наложили дань на душу
Дань-ясак своему хону,
Умертвили наших биков¹
И поставили над нами
Мычим-ягов – лиходеев,
Суд творить, чинить расправу,
Собирать ясак тяжелый
И бесчестить наших женщин.

Мы терпели, мы молились
Злым и добрым духам Маа,
И не раз через шаманов
Мы к тебе, Торым, зывали...
Но напрасно это было,
Духи наши жертвы брали,
Как купец долги по биркам,
И ничем не помогали...
Шаг за шагом, пядь за пядью
Сила русском нас давила...
Слышишь? Там, внизу, Великий,
Звон лопат, удары кирок,
Топоров гуденье в кедрах, –
Слышишь? Там, внизу, Великий,
По валам большая лодка
С воем диким пробегает².
Видишь, Торм, творец всесильный,
Избы русских на полянах,

¹ Бик – князь; слово не вогульского, а татарского происхождения. До прихода русских в Сибирь вогулы были покорены татарами, которые управлялись биками, мурзами и ханами.

² Пароход.

Между пней, где прежде кедры
Плотную стеной стояли;
Видишь, дым лесных пожаров
Солнце скрыл густою тучей, –
То горят леса вогулов,
Подоженные для пашен;
Видишь бедность наших чумов,
Вымирание народа
От болезни и печали.

Торм Великий! Бог вселенной!
Ты послушай дальше повесть,
Повесть грустную о маньси:
Русс пришел с огнем пушканов,
Топором и зельем смерти³,
Он пришел с попом-проньрой.
Русс-бояр сжигал паулы,
Поп крестил водой вогулов,
Русс был вор – он крал железом,
Поп – крестом и сладкой речью
На развалинах паулов,
В устьях рек, на тайных тропах
Русс-бояр построил стены
Городков своих с церквами.
И, как волки на добычу,
Потекли тогда потоки
Русских хом на нашу землю,
Оттесняя нас все дальше,
Ближе к Морю Ледяному,
Отбирая наши земли,
Наши реки, нашу пищу,
Наши промыслы, уголья,
Наши чумы и оленей,

³ Зелье смерти – порох.

Силой, хитростью, коварством,
Через сладкие лепешки –
Таут-нень¹, бутылку водки,
Злого духа бедных маньси.

О, Торым, отец живущих,
Не суди меня ты строго.
Я тебе открою сердце,
Я тебе открою душу,
Расскажу тебе о прошлом.
О, великий мой хозяин!
Уходя ты в это царство,
Царство вышнее, большое,
Нам оставил ты надежду.
Эта весть не умирала
У вогульского народа:
Деды шепотом чуть слышным
Весть давали своим детям,
От детей к внучатам юным
Шла она, тревожа сердце
Близким призраком победы.
В поздний час от ойки Куксы
Услыхал я то сказанье
На земле, над пупы-яя.
«Это песня и загадка, –
Говорил так старец мудрый
Нам, неопытным в преданьях
Старины ушедших годов, –
Кто откроет смысл великий,
Полный вешего значенья,
Кто исполнит слово в слово
Все слова загадки-песни,
Тот укажет путь великий,
Как река весной в разливе».

¹ Таут-нень – огненный хлеб, т.е. лепешки, испеченные на углях или в горячей золе.

А потом я видел в чуме
На горе, под старым кедром,
Неизвестного мне старца
(Видно, был он вещий ойка,
Самый большой из шаманов),
Он сказал мне тою ночью:
«Первый подвиг – кхонна Мейка;
Второй подвиг – тамга Старца,
Шубного Отца Медведя,
И последний подвиг, третий –
Жар-перо огнёвой птицы,
Птицы Таукси Великой».

Я исполнил, мой Владыко,
Я украл оленей Мейка,
Жар-перо и тамгу Старца,
Я прошел Ущелья Мертвых
И Великую Низину,
Где живут умерших души;
Для меня открыли двери
В твой предел, премудрый Нума;
Пенегезе, злой обжора,
Отошел с моей дороги,
И теперь перед тобою
С просьбой правой для народа
Я стою с надеждой в сердце,
Жду ответа, мой Владыко».

«Все ли молвил, сын мой Ваза? –
Торм спросил певца с участием. –
Все ль сказал ты мне, бессмертный?» –
«Все, Отец, – ответил мадур, –
Все, моей Владыко жизни. –
«Эмас, Ваза. Слушай, рума, –
Продолжал печально Нума, –
Мой ответ готов, Счастливый...»

Ты пришел из дальней Маа,
От вогульского народа,
Получить мою защиту...
Ваза мудрый, храбрый воин,
На оленях злого Мейка,
По пути в мое ты царство,
Проезжал Долину Смерти,
Где умерших души предков
Без врагов, нужды, болезней,
Без печали и страданий
Отдыхают беззаботно
От тяжелой жизни в Маа.
Там ты видел: чумы, лаек,
Много кхонна, тучных коров¹,
Реки с чистою водою,
Дым паулов на полянах,
Чащи, полные зверями,
Души светлые ушедших.
Ты иди, скажи народу,
Передай мое ты слово:
«Суснахумм – Великий Торым
Обещает в Царстве Мертвых
Им великую награду
За страданья и лишенья,
Что несут они там, в Маа».

«Нет, отец, – воскликнул Ваза, –
Мне ответ не нужен этот!
Что им радость в Царстве Мертвых?
Что им поздняя награда?
Ты им дай иную долю, –
Если дать её ты можешь ...
Царство Мертвых – не награда,
Здесь они по смерти будут,
Как назначено тобою».

¹ Кор – олень-самец.

«Что ж ты хочешь?» – удивленно
Перебил героя Торым...
«Я хочу, – ответил мадур, –
Вместе с тенью Яный Келба
Крикнул громко и победно:
«Смерть коварным чужестранцам!»
Я хочу, чтоб Торм Великий
Обещал победу маньси
Над жестокими врагами».

Усмехнулся Торм вогулу
И лениво молвил слово:
«Завтра, мадур. Завтра, Ваза.
Будь хорош! Мне нужен отдых,
Завтра кончим это слово;
А теперь иди, проспися,
Отдохни с дороги дальней;
Голова твоя туманна –
Это видно по ответам,
Будь хорош, мой ойка рума».

Поклонился низко Ваза
Ойке Торму и сидящим
И учтиво молвил слово:
«Будь хорош, всесильный Торым,
Завтра день лишь отделяет
От печального сегодня.
Будь хорош, Отец мой мудрый».

Песня тринадцатая ТЕРНИНГ'ЕРИ АТТА-КЕГ'Е²

Сарни-гут³, огонь Торыма,
Сарни-гут, хвост божьей птицы,

² Тернинг'ери атта-кег'е – былина о мече богатыря (вогульское).

³ Сарни-гут – северное сияние; дословно – божий огонь (северо-остяцкое).

Стал перистыми столбами
От небес до Йаран-пелек¹,
Упершись одною гранью
В скалы северные Кеу²,
А другою, светлой гранью
Он лежал в стране вогулов,
Где живут народы эти, –
Их зовут обские люди³,
Конды-гуи⁴ – племя Конды.
В этот час раздал голос,
Грубый, грозный голос Нума,
Как из темной низкой тучи
Десять громов говорили,
Слившись вместе, воедино.
Грубый, грозный голос Нума
Прогремел слова такие:
«Пусть олып⁵ сюда приходит
Для последнего ответа».
Ослепленный ярким светом,
Ваза взял иерма-охзам⁶,
Он прикрыл им лоб и щеки,
Не дрожа вошел он в город,
В медный город – арын-вах-вуж⁷,
И предстал перед Торымом...
«Я пришел», – промолвил олып,
Став лицом перед Торымом...

¹ *Йаран-пелек* – страна самоедов (северо-остяцкое и древне-вогульское).

² *Кеу* – Урал (вогульское).

³ *Обские люди* – Асгуи, т.е. остяки.

⁴ *Конды-гуи* – кондинский народ: под этим названием одинаково зовутся обитающие по реке Конде и ее притокам остяки и вогулы (северо-остяцкое).

⁵ *Олып* – богатырь (древне-вогульское).

⁶ *Иермак-охзам* – шелковый платок, надеваемый на глаза богатырями старого, до-русского эпоса (древне-вогульское).

⁷ *Арын-вах-вуж* – дословно: медный, металлический город; по сказаниям вогулов, до русских некоторые богатые вогульские князья имели медные (обитые медью) городки. В данном случае конкретное указание на жилище Торыма.

В это время стало тихо:
Провалилось, словно в бездну,
Многоцветными столбами
Сарни-тут – огонь Торыма –
И, как бус⁸ осенним утром,
Бус из огненных пылинок,
Дом наполнил пылью яркой;
Где-то крикнул в исступленьи
Дух, невидимый за бусом,
И опять все стало тихо...
Стало мертво, как бы в тундре
В день весенний, в день, как солнце
На снегу играет блеском,
Блеском зыблющим, спящим,
Но ещё на ясном небе
Не видать пылинок черных –
Стай гусиных, журавлиных,
И не слышно их привета.

В эту пору кваль⁹ вогула
Дым струит прямою палкой¹⁰,
И лежит под снегом вуяньчх,
Чёркхом¹¹ прячется в урманах, –
Долго думал олып Ваза,
Стоя близко перед богом.

«Слушай! – медленно промолвил
Тихим голосом хозяин, –
Если мудрым ты назвался,
Если ты железный корень¹²,

⁸ *Бус* – мелкий, похожий на туман, осенний дождь.

⁹ *Кваль* – зимняя юрта.

¹⁰ Признак холода.

¹¹ *Чёркхом* – глухарь.

¹² *Железный корень* – богатырь.

Если ты прошел к Торыму,
То поймёшь слова простые
Этой детской поговорки,
Всем известной, всем понятной.
Слушай, олып, эту сказку...

В зимний месяц, в новолунье,
Проторенную тропинкой
Два песца бежали ночью,
И вели между собою
Разговор такой о людях:
«Почему, – промолвил первый, –
Нет капканов на дороге?»
А второй ему ответил:
«Эти люди – звероловы
От старухи красной, оспы¹,
Все повымерли, как мухи
От осеннего мороза».
Мало времени промчалось, –
Первый вновь спросил второго:
«Почему здесь нет капканов?»
Вновь ответил белый рослый²:
«Эти люди – звероловы
За бутылку крепкой водки
Душу продали купчине,
Как голодные собаки,
За долги свои большие».
И опять бежали молча
Два песца той зимней ночью
По реке в стране холодной.
«Помню, здесь был белый камень, –

¹ Оспа – в представлении вогулов остяков олицетворяется одетой во все красное старухой, которая ходит из чума в чум и умерщвляет людей. Вообще оспа была самым страшным врагом населения Сибири, уносившим громадное количество жертв.

² Рослый – название песцов в декабре, когда они, белые, как снег.

Так сказал однажды первый, –
Этот камень был священным,
Камню жертвы приносились,
А теперь не видно камня,
И не видно приношений».
«Этот камень кау-пупы³
Уж давно, как снег весенний
В месяц таяния снега,
Испарился безвозвратно,
Так как дух питался плохо,
А народ был скуп на жертвы.
И в последний год случайно
Лишь один из здесь живущих
Потерял, и то нечаянно,
Супс и тахом⁴ по две пары
Да ремень от ампы-валок⁵», –
Так второй ответил рослый.

Разговор их прекратился
После этих слов печальных;
По реке в строе холодной
Два песца, два наулегба,
Вновь бежали старым ходом⁶.

Из страны безлесной тундры
Два песца, два белых рослых
Добежали до границы
Черных карликовых елей.

³ Кау-пупы – святой камень.

⁴ Супс – блоха; тахом – вошь.

⁵ Ампы-валок – собачья упряжка.

⁶ Ход – песцы имеют привычку бежать берегом рек к югу. Эту привычку используют для ловли их кляпцами, петлями и пастями. Песцовая тропа по берегу носит название хода, или песцового хода. Обычно такие ходы разыскиваются охотниками для ловли песцов.

Здесь их встретил дух Пиунче,
Преградил им ход привычный,
Обратил песцов в речушки,
И с тех пор песцов не стало,
Только две тудровых речки,
Огибая мыс высокий,
Образуют ниже лягу¹.

«Ты скажи мне, отер Ваза, –
Так спросил, закончив слово,
Торм – владыка и хозяин, –
Был ли прав тот дух Пиунче,
Обратив песцов в речушку,
И зачем он это сделал,
Укажи мне, мудрый отер,
Смысл иной и ясный детям
Этой сказки немудреной.
Дам тебе я время думать,
Чтоб ответить мне все разом,
Как положено мужчине.
Срок тебе определяю,
Сколько времени потребно
Для кипенья яный-пут'ы²».

И сейчас же отер Ваза
Отвечал Отцу Торумы:
«Эту детскую загадку
Я толкую так, хозяин:
Знают все, когда замою
Низко-низко солнце всходит,
День едва-едва заметно
Заступает сумрак ночи, –

¹ Ляга – мокрое болото с мелкими кочками и травой.

² Яный-пут – большой котел. Время, чтобы вскипеть котлу, служит единицей времени у вогулов.

Наша Ас'я замирает³.
В это время ставят гимги⁴,
Ставят уды на налима
На речушках, на протоках,
На курьях, где нет замора...
Рыба, чувствуя опасность,
Вниз уходит – ближе к морю,
Или дружными стадами,
Уплывая от замора,
Входит в узкие живицы,
В устьях маленьких речушек
Попадает в наши гимги,
Кормит нас и наших деток.
Прав был мудрый дух Пиунче,
Обратя песцов, в речушки.
Два песца, два белых рослых –
Небольшая прибыль хому,
Две же маленьких речушки
До весны прокормят рыбой;
Прав был мудрый дух Пиунче», –
Так ответил Торму Ваза.

«Ты ответил верно, отер, –
Так сказал Торым герою, –
А теперь меня послушай:
Ты сказал, что замирает
Под тяжелым льдом и снегом
От ржавца и духа Ас'я...
Что же вывести ты можешь,
Говоря о всех народах,

³ Замор, замирание – явление, наблюдаемое на Оби, когда вода портится, по-местному, становится ржавой. Рыба в заморной воде погибает. Замор распространяется снизу вверх по течению. Рыба обыкновенно спасается в маленьких ручьях, впадающих в Обь, где ее ловят сетями и другими снарядами.

⁴ Гимга – плетенная их прутьев морда.

Что живут от края моря, –
От страны Йарана-пелек
До веселых стран счастливых
Морда-мыг¹ – народов южных,
До урманов Конды-яя?
Знаю я, что ты ответишь,
Мне на это слово, отер,
Но тебе скажу я разом,
Я открою смысл великий,
Лишь понятный мне, Торыму.
Как средь стужи лютой, зимней,
Перед радостной весною
Ваша Обь – река народов,
Тундр, урманов, гор и впадин –
Замирает от ржавины,
Так и вы, народы ваши
Перед радостным восходом
Погибают от замора.
Горе! Горе! – вы кричите,
Приходя порой в смятенье,
Грозен лик Таран² палящей,
И, как окуни, вы в сети,
Из беды в беду спешите.

Я великую награду
Обещал вчера народам,
Но её отверг ты, воин,
И теперь наказ тяжелый,
Полный новых испытаний,
Я даю тебе, карт-йевра³», –
И, сказав слова такие,

¹ *Морда-мыг* – южные страны (древне-вогульское).

² *Таран* – олицетворение огня и гнева.

³ *Карт-йевра* – железный волк. Обычно это слово толкуется: князь – союзник русских, получивший за предательство кольчугу и в союзе с русскими нападающими на сородичей. Здесь же это выражение употреблено в смысле мстителя за родной народ.

Торм дал знак своей рукою
Здесь стоящим верным слугам,
И они, сходяв куда-то,
Принесли ему кольчугу –
Полотно блестящих колец,
Мелких колец, как песчинки,
Меч железный и содып'ы⁴.

«Вот тебе, – сказал Великий,
Отдавая ту кольчугу, –
Полотно из мелких колец⁵,
Вот звенящая кольчуга,
Недоступная раненью,
Ты надень её на тело.
Атта-кег'⁶ – меч тяжелый –
Я даю тебе в придачу
Вместе с содып'ом из арьин⁷,
Воин, Ваза, храбрый мадур,
Вот тебе мои подарки»...
Ваза принял атта-кег'е,
Содып крепкий, красной меди,
Полотно из мелких колец,
Поклонился он Торыму,
Дождаясь наказа.
После долгого молчанья
Продолжал наказ свой Торым:
«Ты дорогою короткой,
На пути своем ты встретишь
Зверя страшного Иура⁸,

⁴ *Содып* – ножны богатырского меча.

⁵ *Полотно из мелких колец* – кольчуга; кроме этого существует еще другие фигурные названия кольчуги, как, например, душу спасающая одежда, полотно многих земель, рубаха, делающая тело густым, и пр.

⁶ *Атта-кег'е* – богатырский меч.

⁷ *Арьин* – медь.

⁸ *Иур* – морское (водяное) чудовище.

Ты убей его сейчас же,
Когти твердые, как камень,
Сохрани в мешке дорожном;
А потом у гор великих
Ты увидишь, яр копает
Зверь трехрогий, с толстой шкурой,
Он живет в подземном царстве¹,
Ты убей его немедля,
Отруби рога большие,
Сохранив в укромном месте;
А потом, тут близко будет,
Поверни своих оленей
В царство подлого злодея,
Мейка-вора и бродяги.
Как достигнешь царства Мейка,
Ты сейчас же, не робея,
В бой вступи: в кольчуге мелкой
И с мечом своим тяжелым
Ты не должен ведать страха;
Победив врага-злодея,
Разори его владенья,
Захвати с добром амбарчик
И возьми себе в награду
Все, что там ты, мадур, сыщешь.

Нут² и шар! Клянусь Медведем,
Если это ты исполнишь,
На земле, на Маа, будут
Вес народы вновь свободны.

¹ Зверь, о котором говорит Торым, – мамонт. По мнению остяков и вогулов, мамонты живут в подземном царстве и иногда выходят через протоки (жилы) наружу и обваливают яры. Обвалы и подкапывание яров вогулы объясняют находками мамонтовых костей и бивней в берегах рек. По-вогульски мамонт – вес, по остячки – мухар, а мамонтовая кость – мухор-онгет. Мамонтовая кость служит предметом заготовок.

² *Нут и шар* – клятва.

В красном платье, в алом платье
Безобразная старуха,
Проходя по вужам, русских
Истребит болезнью страшной,
Как оленей истребляет
Страшная чума-поземка.
Страшно будет. Вы не бойтесь!
Будет смерть, пожары, голод;
От старухи, алой смерти,
Как испуганные волки,
Бросив все, покинув землю,
Побегут за горы люди,
Люди русские от смерти.
В красном платье, в алом платье
Безобразная старуха
Вас не тронет, Конды-гуи.
После этого наступит
Время новое, иное;
Ваши жены будут в чревах,
Как икряные налимы,
Будут полны и плодливы.
Лес немой паулам вашим
Даст добро свое в избытке,
Даст вам мясо, шкуры, лёгын³;
Реки с мутною водою
Будут полны рыбой разной;
А в холодных тундрах Ас'я,
Как на старых кедрах иглы,
Многочисленны и тучны
Кониек и кхоньи-кор'ы⁴
Без числа пастися будут;
Вы годов не бойтесь черных,
Что несут чуму оленью,

³ *Лёгын* – белка.

⁴ *Кониек* – важенка (лень-самка); *кхоньи-кор* – олени-самцы.

Истребляют разом стадо,
Их не тронет эта гостья,
Не придет она на копыш¹.

И настанет снова время,
Вновь великие шаманы
Будут жить в народе вашем.
По ярам, по пупы-яя,
В пасмурных глухих урманах
И на солнечных полянах
На протоках, в чащах тала,
На горах и на увалах,
На реках, озерах, в тундре,
Всюду, где укажут духи,
Встанут идолы – шайтаны,
Повелю, – и по веленью
К вам вернется баба-Рача,
Старичок Обской и Ортик,
Лонты²-гусь, золотая птица.
Нут и шар! Клянусь Медведем, –
Речь свою закончил Торым, –
А теперь ступай обратно».
Низко мадур поклонился,
Поднял меч, надел кольчугу,
Привязал к ремню содыш'ы
И сказал одно лишь слово:
«Я пошел», – и удалился.

Путь был скор, не помнит Ваза,
Как он вновь с своей упряжкой,
С лайкой белою, Снежинкой,
Оказался на равнине.
Не поверил мадур зренью:

¹ *Копыш* – место, где олени выкапывают ягель из-под снега.

² *Лонт* – гусь; в данном случае говорится о легендарном золотом гусе-идоле.

«Нет, – он думал, протирая
Кулаком глаза и брови, –
Я не мог вернуться скоро,
Миновав ворота Царства
И Великую Равнину,
Где живут умерших души,
Узкий путь, что в Царстве Теней
Мимо Таукси проходит.
Нет, не мог в мгновение ока
Я упасть с седьмого неба».
Так раздумывая, Ваза
Вдруг увидел человека
И его окрикнул громко
(Все еще себе не веря),
Он спросил его тревожно:
«Здравствуй, добрый мой приятель,
Как зовется это место?
Далеко ль до речки Ксенты,
Где стоят паулы наших?
Может быть, здесь Царство Торма
Иль Великая Низина,
Где живут умерших души?»

И в ответ на эти речи
Человек вдруг засмеялся.
«Нет, приятель, – он ответил, –
Здесь не Царство ойки Нума;
Как далеко речка Ксента,
Не могу тебе ответить,
Это место же зовется,
Как звалось всегда и вечно,
Сосс'я – Речка Горностаев», –
«Будь здоров! Прощай, приятель!
Если я не в Царстве Торма,
То найду теперь дорогу», –
Так сказал, смеясь, Ваза
На насмешку человека.

Песня четырнадцатая ИУР

На низу – в заливе Обском,
В белом крае самоедов,
Где и в летний день горячий
Льды лежат, не растоплясь
От лучей скользящих солнца,
Где и в солнечные ночи
Между синих незабудок,
Желтых лютиков и маков
Снег лежит почти все лето,
Есть, за дальней там рекою,
В море-озере холодном,
Рыба-зверь Иур зубастый:
В незапамятное время
Приплыла из стран далеких
И осталась жить навеки.
Часто люди на Ямале
Видят с берега Иура,
Как он плавает по морю,
Струи вод пускает кверху,
Бьет хвостом по синим льдинам.
От его ударов грозных
Льды ломаются, как щепы,
Волны с белыми гребнями
Бьют о берег низкий тундры,
Плавник скользкий подбирают
И с собой уносят в море.
И не день, не два бушует
Море-озеро большое,
Волны с белыми гребнями
По неделе кряду ходят.
Друг его, холодный ветер,
Послужить готов Иуру,
С пенем жалобным, тревожным
Он скрывает тучей солнце,

А потом, подув на травы,
Заметает снежным пухом
И бежит от края моря
В глубь страны, до гор великих,
Принося на легких крыльях
Сумрак пасмурный и серый
И осеннее ненастье...

Станут хмуры снова люди,
Сложат сети на приплеске
И залезут, проклиная
Вал большой и мокрый ветер,
В дымный чум, к огню поближе...
Станут люди думать, слушать:
Не утих ли мокрый ветер,
Скоро ли буря перестанет,
Можно ль будет бросить невод,
Накормить собак голодных
И поставить на речушке
Перевес для ловли уток.

Люди слушают, гадают,
На огонь глядят веселый,
Но не весело на сердце
В эти дни у них бывает,
Вал тяжелый хлещет в берег,
Вал уносит скользкий плавник,
Ветер мокрый с снегом белым
Травы пухом засыпает.
Ветер воет, ветер плачет
И шумит по коже чума.
«Пошамань тут, – скажут люди, –
Отгони Иура-зверя.
О, умри скорее, ойка,
Этот ветер мокрый, резкий,
Ты достань свой пензер вещей

Вместе с ложкой-колотушкой¹
Ты нагрей его проворно
На дыму смолистых щепок.
Старый ойка скажет людям:
«Не настало еще время,
Подождем еще немного».

И опять под тауль² чума,
У огня, на мягких шкурах,
Отсыревших с непогоды,
Люди слушают, гадают,
Ждут, когда шаманить будет
Молчаливый дряхлый ойка...
Вот рукою он дрожащей
Поднимает с полу бубен
И, прислушиваясь к ветру,
Нагревает над таганом.

Кожа бубна затрещала,
Кожа бубна растянулась,
Чернозобая гагара,
Птица вещая шаманов,
Говорить уж обещалась.
Молчаливый дряхлый ойка
Взял рукою колотушку
И, поставив на колено
Теплый бубен, говорящий, –
Раз! Ударил колотушкой.
Раз! – откликнулся сейчас же
Пензер старого шамана,
Два! – ударил вещий ойка,

Зазвенели тихим звоном
Знаки лодки и гагара³,
Два! – ответил верный пензер.
Три, Четыре! – так удары
Громче, чаще и протяжней.
Пять, шесть, семь! – летели в бездну,
И в руке проворной старца
Замелькала колотушка.
Старец вещий запыхался
От тяжелого гаданья,
Он глаза свои зажмурил,
Чтоб нутром яснее видеть...
Бросил быстро, трижды бросил
На четыре части света
Колотушку – асилибы⁴.
Каждый раз народ покорно
Подавал ее шаману.
Гром гремел по темной юрте,
Тени робкие скользили, –
Это духи вместе с старцем
О грядущем ворожили.

«Слышу! Слышу! – крикнул старец, –
Вижу, вижу в небе темном,
О, как много, очень много!
Кто-то едет, кто-то скачет,
Кто гремит тяжелой нартой?
Чьи олени, три оленя
Путь направили к шайтану?
Тише, люди! Люди, тише!

¹ Колотушка – нялы – которой шаман бьет по бубну, имеет форму продолговатой ложки, обшитой кожей со лба оленя.

² Тауль – кожа.

³ На шаманских бубнах часто находится изображение гагары, которое или вырезается на обратной деревянной распоре, или привешивается, вырезанное из металла, обычно железа, меди, жести.

⁴ Асилиб – ящерица; на обратной стороне колотушки укрепляется железное изображение ящерицы.

Потушить пламя в чуме, –
Тот огонь мешает светом
Тьму яснее видеть взору,
Взору острому шамана!

Он уж близко, очень близко,
И пройдет полкруга солнце,
Вы увидите оленей,
Нарту, путника и чудо.
Он уж близко, повторяю!
Долго ждали дедов ваших
Гостя дальнего из Понюнг¹
Я не вижу, я не знаю,
Но дождались дедов внуки
Гостя-путника, мадура.
Он несет с собою чудо,
Принесет и избавленье
От злодеев, зверя Иура,
Он уж близко, он уж виден!»!
Барабан упал на землю,
Повалился на пол старец,
И народ пошел из юрты...

Ветер злой гоняет тучи,
Сыплет снег на землю-мам,
Вал тяжелый с белым гребнем
Плавник скользкий подбирает
И с собой уносит в море,
Зверь Иур пускает струи,
На волнах больших играет...
«Что сказал нам вещий старец?
Где олени, нарта, путник?» –

¹ Понюнг – сказочная богатырская страна.

Спросит сразу маловерный,
И другой ему ответит:
«На земле, на море, в небе
Та же буря-непогода,
В тучах низких, тёмных тучах
Скрылось ласковое солнце».
Третий скажет в добавленье:
«По приметам, нам известным,
Это серое ненастье,
Если будет дуть все ветер,
Ветер северный, холодный,
Нас надолго в чум загонит».

После долгого молчанья
Старый Ярны Окатэтто
Говорил Хамыби Худи –
Самоеду из оленных,
С речки малой Юна-Яга,
Что впадает в Обь у устья
Речки большей Вениуя:
«Эта буря-непогода
Долго, долго не утихнет...
Пусть шаман себе ворожит,
Но тебе скажу я, – могут
И шаманы ошибаться.
Путь души – не бег на лыжах
По курье к мирской дороге
За песцом иль за оленем, –
Это трудный путь немногих».
Не успел окончить слово
Старый Ярны Окатэтто,
Как народ вдали увидел
Тройку резвую мадура;
Мало времени умчалось,
Ваза гнал уже оленей
К черным чумам на пригорке

Мимо каменных сядаяв¹,
А потом, к реке спустившись,
Бег оленей он замедлил
И сказал народу громко:
«Ваш язык мне непонятен
И места мне незнакомы,
Вас зовут у нас в паулах
Юрран-кум² – народ оленный».
Помолчав, продолжил Ваза
Речь свою мудрейшим словом:
«Все народы – дети Торма,
Вес народы – дети Нума,
Кроме русских, кроме Коми³.
Я пришел с открытым сердцем:
Вам помочь в нужде великой –
Умертвить морского зверя».

«Нам твое безвестно имя, –
Отвечал Хамыби Худи, –
Но об имени не спросим,
Заходи в наш чум, хозяин,
Сядь к огню, тебя накормят,
Спать уложат на постели,
Уберут твоих оленей,
А когда угодно будет,
Сам ты скажешь – кто ты будешь,
Из какой страны приехал». –
«Хорошо, – ответил Ваза, –
Буду гостем я недолгим
В ваших чумах над рекою».

Ваза слез, отдал постромки,
Наказал беречь оленей

И пошел за старцем Ярны
В чум его гостеприимный.
Здесь он сел на мягких шкурах,
Ел уху, пил кровь оленя
Вместе с мозгом и хрящами,
А потом он на постели⁴
Лег вздремнуть пред боем с Иуром.

Встав от сна, созвав хозяев,
Молвил слово им такое:
«Я иду войной на Иура,
Я – вогул с далекой Ксенты,
Музыкант забавных песен.
При рождении шаманом
Был я назван Вазой-уткой,
К вам на низ, на устье Ас'я
Я приехал от Торыма,
По его на то наказу –
Умертвить морское чудо.
Был я в царстве ойки Торма,
Проезжал Ущелье Мертвых,
Видел тень Яныл Келеба
И других отцов народа,
А до этого у Мейки
Я похитил нарту с кхонна,
У Медведя, старца-ойки,
Тамгу Торыма-Владыки.
Проезжая по ущелью,
Взял перо священной птицы,
Птицы Таукси Великой...
Я несу с собой свободу,
Всем народам избавленья, –
Продолжал мадур народу, –

¹ Сядай – идол.

² Юрран-кум, или юрран-самоед.

³ Коми – зырянин.

⁴ Постели – оленьи шкуры с невыделанной или грубо выделанной мездрой.

От владычества Роч-маа¹
Всем народам рек великих,
Малых рек, озер и речек,
В том числе и вам, Юрраны,
Племя дальних самоедов,
Я свое кончаю слово,
И прошу вас дать мне лодку,
Лодку крепкую и весла;
В ней по гребням волн сердитых
Я поеду прямо в море,
Я поеду в ней навстречу
К зверю-чудищу морскому,
К толстокожему Иуру»...

«Нет у нас, людей оленных, –
Отвечал Хамыби Худи, –
Лодки крепкой для мадура.
Наши лодки для рыбалки
Годны в тихую погоду,
Наши весла слишком тонки...
Есть одна, я знаю, лодка
Вот на том большом увале,
Где давно стоят сядай,
Лодку выкинуло валом.
Но она нам не по силам,
Нам ее не снять со седы²,
Не скатить к воде глубокой,
Если даже собрались бы
Всем народом мы с Ямала,
Запрягли бы всех оленей».

«Может быть, мои олени, –
Так сказал мадур народу, –

Эту лодку стащат с седы.
Но она лежала долго:
От дождей и непогоды,
От жары, морозов, солнца, –
Всякий знает, что рассохлась.
Мы пойдем ее осмотрим,
Будет можно, то починим:
Перетянем, серой смажем,
Позатычем мохом щели
И нашьем на дно заплаты
Из вареной кожи в жире».

Как сказал мадур народу,
Так исполнено и было:
Без труда олени Вазы
Лодку к морю подтащили,
Здесь ее народом быстро
Самоеды починили;
Ваза лишь с высокой сопки
Притащил весло с веревкой;
Упершись в корму тупую,
Сдвинул лодку он на воду,
Сел в нее, веслом ударил;
Вал поднялся от удара,
Подносил с приплеском плавник,
Захлестнул речонку Юну,
Утащил с собою в море
Сети, лодки самоедов.
«Егей! Егей!» – закричали
В страхе вслед тут самоеды.
Но уж их не слышал Ваза, –
Далеко в открытом море
Он чернел далекой точкой,
К зверю Иуру приближаясь.

Чайкой быстрою крылатой,
То ныряя меж валами,

¹ *Постели* – Роч-маа – русская земля или земля русских.

² *Седы* – по самоедски (ямальски) высокая сопка в тундре.

То на гребни поднимаясь
Волн седых, с косматой пеной,
Лодка Вазы приближалась,
В пыль дробя валы и льдины,
К зверю страшному Иуру.
Зверь давно заметил лодку,
Удивился он отваге
Смельчака-пловца на хабе,
И, нырнув под вал сердитый,
Он набрал с водою илу,
Снова вынырнул на гребень;
Подождав еще немного,
Чтобы лодка поднялася
На косматую верхушку,
Он метнул струею воду
С грязным илом и камнями.

С грозным свистом разлетелась
Грязная струя у хаба,
Но не дрогнул храбрый мадур,
Музыкант забытых песен...
Он рукою богатырской
Греб по-прежнему на зверя...
Острый нос тяжелой лодки
Волны надвое разрезал,
Оставляя за кормою
След далекий из вертушек
И клочков разбитой пены.

Иур, увидев лодку ближе,
Заревел, оскалив зубы,
Поднял хвост и с силой страшной
Им плашмя ударил воду.
Как в котле кипящем, море
Забурлило пузырями,
Льды тяжелые ломая;

Волны в страшном беспорядке
Друг на друга набегаю,
Разбивались в пыль и брызги;
Тучи низкие спустились
Близко, близко над волнами,
Ночь настала в бурном море.

Зверь столкнулся с лодкой Вазы,
Поднял голову с зубами
И хотел за край схватиться,
Опрокинуть хабу в море.
Понял Ваза хитрость Иура,
По ноздрям веслом тяжелым
Он его ударил шибко.
Зверь тогда нырнул под лодку,
Но скользка спина у зверя,
Лодка на воду скользнула,
А мадур мечом проворно,
С силой страшной размахнувшись,
Перебил хребет и плавник...

Зверь взревел, нырнул глубоко,
След кровавый оставляя,
Снова вынырнул у лодки,
Ухватив весло зубами,
Расщепал его в лучину;
Но мадур не растерялся,
Он вскочил ему на спину,
Вместе с крепкою веревкой,
В жирный бок морского зверя
Он воткнул тяжелый якорь,
Закрепил, как в берег, кошку¹,

¹ Кошка – небольшой четырехконечный якорь с острыми концами, употребляемый на севере Оби и Енисея в качестве привязи лодок, для этого кошка втыкается на веревке в берег, а лодка остается на воде.

И мечом стальным Торыма
Сквозь кривые ребра зверя
Он проткнул печенку с сердцем,
Разрубил пузырь зеленый,
Весь заплывший в белом сале,
С желчью мутной, ядовитой...

Вздрогнул Иур, хвостом ударил,
Натянул струной веревку
(Он хотел нырнуть и скрыться
В глубине морской от Вазы),
Но напрасно это было, –
Атта-кег'е, меч тяжелый,
В мозг успел уже проникнуть,
Помутить рассудок зверя...
Семь ударов богатырских –
Смерть настала для Иура
И, как толстая колода,
Вздрогнул он бугристой кожей,
Пузыри пустил и умер.

Тучи черные бежали,
Тьма рассеялась над морем,
Вал утих, и засверкали
Медью желтой иглы солнца...
Зверь лежал в крови, на брюхе.
Богатырь веслом запасным
Греб на лодке к Юна-Яга –
К дальним чумам самоедов;
Черной толстою колодой
Кверху брюхом Иур тащился
За тупой кормою лодки
На буксире в семь веревок.
Богатырь был рад победе,
Он был весел как ребёнок.

«Вот вас Иур – ваш неприятель!» –
Крикнул Ваза, приставая,
Кинув в мягкий берег якорь,
И потом, мечом тяжелым
Обрубив на черных лапах
Когти острые Иура,
Продолжал свое он слово: «
Люди храбрые – Юрраны,
Племя дальних самоедов,
Завтра утром я уеду...
После боя с страшным зверем
Нужен мне покой и отдых,
А поэтому прошу вас:
В чуме темном с дымокуром
Приготовьте мне постели,
И до утра не будите.
Утром рано тройку кхонна
В нарту крепкую впрягите,
Дайте сада моей лайке,
Лайке беленькой, Снежинке,
И мадура разбудите».

Рано утром Окатэтто
В чум вошел и молвил тихо:
«Все готово, добрый мадур».
Ваза встал по зову Ярны,
Натянул свою одежду,
Закусил немного мясом,
И, как требовал обычай,
Расставаясь с народом,
Пригласил их всех на Ксенту,
К котлу Вазы-музыканта...

Песня пятнадцатая
МУХОР-ОНГЕТ

«Посмотри, костер уж гаснет
Под седым налетом пепла
Еле тлеют головешки,
Вынь скорее табакерку
И набей травую пьяной,
Набей тамбах¹ свою трубку.
Помни то, что очень скоро
Наш костер совсем потухнет,
И тогда о крепкий камень
Долго будешь быть крысалом²,
Чтоб добыть для трута искру», –
Так промолвил ранним утром
Добрый друг другому другу
На охоте иль рыбалке.

«Хорошо» – ответит первый
И достанет из кармана
Тотчас трубку, табакерку,
Осторожно всыплет тамбах,
Чтоб на землю не просыпать,
Разметет золу лучиной,
Уголек возьмет руками,
И, раздув его до искры,
Он его положит в трубку.
Синий дым струею тонкой
Полетит, чубук окутав,
Изо рта пойдет дым белый,
Из ноздрей, кружась клубами.
И другой достанет трубку –
И её закурит так же,
Как и первый друг-товарищ.

¹ Тамбах – табак.

² Крысало – огниво.

«Из чего ты сделал трубку?» –
Спросит первый ойку руму.
Друг его лишь улыбнется
И ему, подумав, скажет:
«Сам ты знаешь, – мухор-онгет,
Это знает каждый мальчик,
Каждый маленький ребенок,
Но теперь, я знаю, рано,
Над рекой бело-туманно,
Мы еще с тобой покурим;
И, мне кажется, ты хочешь,
Чтоб не шло в молчанье время,
Услыхать рассказ старинный
О великом звере Весе,
О быке большом Мухоре».

«Верно, рума, ты отгадчик, –
Тут второй ответит просто, –
Я схитрил, спросив о трубке.
Расскажи мне о Мухоре,
Ты рассказываешь складно
Эти странные преданья,
Стародавние былины.
Расскажи без мухомора,
Хоть сегодня не Никола,
Не Петров день, не Крещение²
Но рассказ всегда на сердце,
Полон он всегда словами,
В том его отличие, скажем,
От мешка его с мукою,
Сог-хури³ пузатого налима».

³ Обыкновенно былины и сказания пелись обскими вогулами и остяками в Николин день, Крещение и Петров день.

⁴ Сог-хури – мешок из кожи налима, не пропускающий воду. Такие мешки употребляются для соли, табака и даже муки.

«Это ты заметил мудро,
Согласился с ним товарищ, –
Чтоб мешок твой был с мукою,
Надо быть в ладах с торговцем,
С мангазеей и вахтером¹
Надо каждый раз в подарок
Приносить им сиводушку².
Ну, так слушай, ойка рума,
Мой рассказ о Вес-Мухоре.

Под землей, под руслом яя,
Там, на дне, в Подземном Царстве –
Петлим-емдер³ – в мраке ночи,
Так же, как сейчас ты видишь
Здесь, вверху, над этим Царством,
Есть проходы, тропы, речки,
Реки с полою водою
И бездонные озера,
Там, внизу – в Подземном Царстве –
Так же лес растет великий,
Травы с разными цветами,
Петлим-емдер – царство духов,
Петлим-емдер – царство Веса.

¹ *Мангазеей* – обычно назывались в царское время казенные хлебо-запасные магазины. Вахтер – заведующий хлебо-запасным магазином.

² Лисицы по качеству меха разбиваются на три вида: самый дорогой и редкий сорт – чёрно-бурая, затем сиводушка, и дешёвый – белодушка. Здесь намек на взятку вахтеру.

³ *Петлим-емдер* – подземное царство. В представлении вогулов под землей существует особое царство (страна), где имеются так же, как и на земле, реки, озера, леса, трава и т.п. Подземное Царство населено духами, отчасти душами умерших, которые живут в особой части подземной страны. Под землей, под руслами рек имеются воды, проходы и тропы, по которым, например, можно под землей пройти с Енисея на Обь и обратно. Там же живет Мухор, или Вес (мамонт), бык с тремя рогами, который иногда выходит наружу и, ослепленный солнечным светом, не находит обратного входа под землю. Вес начинает беспокоиться, рыть землю, особенно высокие берега рек (яры), и, вырыв проход, изгибает под обсыпавшейся на него землей. Так объясняют вогулы, а также другие северные народности находки костей мамонта в берегах рек.

Редкий видел из живущих,
Как подземными ходами
Из земли под яр выходит
Страшный зверь с тремя рогами.
Даже сильные шаманы,
Духи коих вниз спускались,
Не могли смотреть без страха
На подземного владыку.
Каждый знает, каждый видел,
Что в илу, ярах, увалах,
Даже в мерзлой почве тундры
Отыскать всегда возможно
Рог и зуб, и лук-ребра,
Черный череп, словно камень,
Великан Мухор-Веса.

Каждый спросит, отыскавши
Рог большой, покрытый илом, –
Как попал он в нашу реку?
Также спросит и нашедший
Зуб большой, другие кости,
Черный череп, словно камень,
Великана Мухор-Веса, –
Как они сюда попали,
В яр высокий над рекою?

Зверь подземный в темном царстве
Бродит торными тропами
Под водою наших яя.
Бродит он в проходах тесных
Там, внизу, в глуби под нами,
И, когда его наружу
Приведет под яр дорога,
Он, увидев свет и солнце,
Слепнет, бесится и воет,
Бьет рогами он о берег,

Осыпает землю в воду,
Подрывает яр высокий, выбивая логовище.
Так, слепой, он долго бьется,
Потеряв свою дорогу
В царство темное под землю,
Разрывая яр высокий.
А потом, как гром июльский,
Упадет подрытый берег,
Упадет и похоронит
Зверя сильного Мухора».

«А теперь, – второй продолжит, –
Воды быстрые весною
Снова вымоют Мухора;
Рыболов-остяк, поехав
Мимо яра на рыбалку,
В желтом берегу увидит
Мухор-онгет – кости зверя,
Заприметит это место
И опять сюда вернется,
Откопает, сложит в ветку¹,
Привезет домой, распилит,
И начнет потом он делать
Табакерку, черен к шилу,
Трубку, кольца, ложку, ножны;
Если кости слишком много,
Он продаст ее на водку
И напьется шибко пьяным,
Будет петь, кричать, ругаться,
Говорить о Мухор-Весе».

Люди молча покурили,
Они были рыболовы –

Без оленные остяки, –
Первый звался Печь Салиндер,
А второй Тамбури Ямпик –
Оба родом с Ильби-Горта.
Оба встали, взяли сетки
И пошли уж было к лодке,
Как услышали, что сзади
Кто-то их позвал и крикнул:
«Тончин, Тончин²! Подождите!»
«Кто бы мог, – подумал Ямпик, –
В эту пору быть из наших?»
«Егей! Егей! Кто там будет?» –
Отозвался Печь Салиндер.
«Егей! Егей! Подождите!»
Из молочной легкой гущи,
Из молочного тумана
Вместе с лайкою Снежинкой
Вышел Ваза к ним навстречу
И держал он речь такую:
«Проезжая мимо яра,
На приплеске тихой яя,
Сквозь туман молочно-белый
Я слышал разговоры.
Там есть люди, я подумал,
Рыбаки сидят в тумане,
Дождаясь погоды,
И, подъехав к вам поближе,
Крикнул громко: подождите!»

Улыбнулся Печь Салиндер
Вместе с Ямпиком веселым
И сказал он так мадуру:
«Если трута иль огнива

¹ Ветка – маленькая, долбленая из дерева или сшитая из бересты лодочка, вместимостью для двух-трех человек.

² Тончин – строй.

Ты желаешь для куренья,
Получи без разговоров;
Каждый знает, что на голос
Человек идет за зверем,
Человек идет за птицей
И за лайкой на охоте,
Так к чему же разговоры?
Предоставь сорокам-бабам
Поболтать, а мы – мужчины».

«Может быть, – продолжил Ямпик, –
В их паулах есть обычай,
Чтоб мужчины, как ребята,
Вместе с бабами болтали
О шитье, стряпне, лепешках,
Может быть, у них мужчины
Нитки вьют из жил оленьих
И на женской скрипке низ¹
Хорошо играть умеют.
Может быть, у них мужчины
Няньчат в онтаб² ребятишек,
А их жены промышляют
На ясак³ пушного зверя,
Ловят уток перевесом,
Кормят их и быют ремнями?»

«Может быть, у них в паулах...» –
Подхватил насмешку снова
Печь Салиндер, улыбаясь,
Но не мог он кончить слова:

¹ *Наряжух* – пятиструнная остяцкая цитра, низ наряжух – женская скрипка; играть на низ – значит «быть баюбой».

² *Онтаб* – берестяная зыбка (люлька) для маленьких детей.

³ *Ясак* – подать, уплачивавшаяся мехами русскому царскому правительству, установленная в XVI столетии.

Ваза взял его за косу,
А другой рукой – за ворот
Ухватил Тамбури Ямпик
И обоих кинул в воду;
Взял потом бревно большое
И, как плиткой, метко бросил
Прямо в лодку рыболовов.
Закричали рыболовы:
«Егей! Егей! – незнакомцу. –
Пайсе, пайсе, ойка рума,
О, не делай нам худого,
О, прости насмешки наши».

Печь Салиндер на карачках,
А за ним Тамбури Ямпик,
Как две мокрые собаки,
С плачем жалобным, тихонько,
Из воды брели на берег
И держали слово Вазе:
«Не сердись на нас, бессильных,
Богатырь с рукою длинной». –
«Замолчите! – крикнул Ваза, –
И послушайте, что скажет
Вам, трусливым зубоскалам,
Мадур Ваза, отер Ваза,
Победитель Пенегезе,
Зверя сильного Иура.
Здесь, я знаю, близко место
Ход глубокий в Петлим-емдер;
Укажите мухор-онгет,
Укажите дверь под землю,
Я иду войной на Веса».

«Страшно нам, – ответил Ямпик, –
Вон под тем большим увалом,
Где зимою, снежной Тэли,

Из-под снега даже в стужу
Бьет горячий ключ подземный,
Где стоит разбитый громом
Старый кедр в кустах рябины,
Есть подземный ход глубокий
В Царство Ночи – Петлим-емдер.
Кто проходит мимо ямы,
Мимо темного прохода,
Слышит шум, подземный топот,
Крики громкие народов
На наречьях неизвестных,
Языках, нам непонятных».

«Опусти нас, незнакомец, –
Тут взмолился Печь Салиндер, –
Кончил речь Тамбури Ямпик,
Он сказал тебе всю правду,
Больше мы о черной яме
У ключа с водой горячей
Рассказать тебе не можем».
«Хорошо, – ответил Ваза, –
Путь свободен, уходите,
На дорогу вам, мужчины,
Дам совет, который помнит
Каждый маленький ребенок.
Кто приходит к дыму чума,
Иль найдет костер горящий
В поле, тундре и у чума,
Будет гость, и добрым словом,
Угощением и едою
Должен быть сначала встречен.
Если хочет, пусть расскажет:
Кто, откуда и зачем он.
Если нет, то не должны вы
Сами спрашивать, как дети:
«Чей ты будешь, незнакомец,

За каким идешь ты делом?»
А теперь добром ступайте,
Расскажите в чумах ваших,
Как под старость вы учились
Обхождению с гостями
У проезжего вогула.
Ну, прощайте, казым-гуи», –
Так свое закончил слово
Победитель Пенегезе,
Зверя сильного Иура,
И, спиною повернувшись,
Быстрым шагом, легким шагом
Скрылся он в молочной гуще
Вместе с беленькой собачкой.
«Каково?» – спросил тут Ямпик.
«Получил ты по заслугам», –
Отвечал ему Салиндер.
«Разве ты со мною не был,
Не возился у приплеска,
Как линялый гусь в болоте?» –
Отвечал сейчас же Ямпик.
«Он меня лишь взял за косы». –
«А меня он взял за ворот». –
«Я давно хотел помыться», –
Вставил слово Печь Салиндер.
«Поубавить вшей в рубаше
Он тебе помог, приятель,
Будь ему ты благодарен», –
Молвил Ямпик, засмеявшись.
«Все же мы с тобой в убытке,
Что он сделал с нашей лодкой, –
Так заметил Печь Салиндер, –
Где мы новую добудем?» –
«В этом ты один виновен,
Ты свои насмешки начал», –
Отвечал Тамбури Ямпик.

«Начал я, а кто продолжил?» –
Тут спросил уже сердито
Печь Салиндер, рассердившись.
Покраснев от гнева, Ямпик
Назвал друга «старой бабой»
И другими именами.
Долго сорились остяки,
А потом они подрались.

В это время Мадур Ваза
Надевал поверх рубахи
Полотно из мелких
В руки брал тяжелый кег'е,
Атта-кег'е – меч мадура,
И большой колчан из меха
Он наполнил туго нялы,
На тяжелый медный пояс
Из цепей, узорных плиток,
Привязал цепочкой медной
Ножны – содып, амулеты,
Он позвал свою собаку
И, сказав три вещих слова,
Путь направил свой к Мухору.

Песня шестнадцатая МУХОР

Крутоярём, где рябины
Над обрывом шелестели,
Где черемуха с калиной
В воду мутную смотрелись,
Ваза с лайкою Снежинкой
Чуть заметною тропинкой
Пробирался к Мухор-Весу.
Красный яр, высокий берег,
Каждый год с большой водою
Вместе с соснами, травую,

Как живой, сползая в воду,
Осыпался с страшным громом
На ступенчатый приплесок.

Старики в былые годы,
Что прошли и не вернуться,
Сидя чумом на увалах,
Говорили малым внукам:
«Видишь, парень, яр высокий,
Красный берег – крутоярё.
Каждый год с водой большою,
Как от речек на увалы
Мы уходим в половодье,
Он уходит, осыпаясь,
Дальше в лес, – в густой рябинник...
В годы прошлые – до русских –
На яру, над тихой лягой¹
Стоял город, медный город
Князя Самара Матуги.

Мы не знаем, так ли было;
Но старейшие из рода
И мудрейшие шаманы
Сон увидели однажды,
Ночью теплою весенней,
Журавлиной светлой ночью,
Днем они совет созвали
И сказали так Самару:
«Князь, мы видели Мухора,
Он подземными тропами
Подошел под берег красный,
Подошел под городище,
И пройдет три круга солнце,

¹ Ляга – старое русло, заросшее травой, с слабо проточной водой.

Город наш, как круглый камень,
Будет сброшен прямо в воду
Вместе с рощею шайтаном».
Князь ответил верным людям:
«Пусть пройдет три круга солнце,
Мы тогда увидим ясно,
Мы тогда узнаем точно,
Упадет ли яр высокий
Вместе с городом и рощей,
А пока вы время ждите».

Разошлись с совета люди,
Недовольные словами
Князя Самара Матуги...
И прошло три круга солнце,
Я высокий обвалился
Ночью светлой, журавлиной,
Вместе с городом и рощей,
Только люди земляные –
Мыгдятай-ах¹ Самар-князя
(Их жилища за оградой)
Долго слезно горевали
И кричали над обвалом:
«Где теперь у нас защита,
Князя Самара не стало!»

Видишь, парень, – заключили
Старики, рассказ закончив, –
Вещий сон как много значит,
Вещий сон откроет двери,
Что не видит глаз шамана,

¹ *Мыгдятай-ах* – земляные люди, т.е. бедный народ, главная масса племени; эти бедные обычно селились в землянках за частоколом города и в случае военных действий или осады уходили под защиту стен городка.

Что не слышит наше ухо
В тишине времен грядущих.

Яр уходит с каждым годом
В темный лес, где нет рябины,
С каждым днем мелеет ляга,
Жирным илом зарастая,
Темной ямой в кругоярье,
Как нора большого зверя,
Виден вглубь провал бездонный –
Это выход Мухор-Веса,
Поедателя увалов,
Из земли на свет, наружу».

Ваза шел, гремели содып,
Звонко лаяла Снежинка,
Чуть заметная тропинка,
Как змея, меж стройных сосен
Вниз спустилась по обрыву
И в логу, в траве зеленой,
Затерялась, оборвавшись
Между кустиков рябины...

«Яма близко», – думал Ваза,
Поднимая тяжкий содып
Выше пояса из плиток.
Ампа лаять перестала;
Еле слышно где-то хлопал
Ключ в траве; над старым кедром
Развевались чьи-то иры;
И так глухо, как в бочонке,
В стороне был слышен говор
Не людской и непонятный.

Ваза вынул атта-кег'е –
Богатырский меч тяжелый,

Затянул потуже пояс,
Подвязал колчан с стрелами
И позвал свою собаку:
«Ну, теперь настало время,
Верный друг ты мой, Снежинка,
Нам спуститься в Петлим-емдер», –
Так промолвил мадур Ваза,
Направляясь к проходу
В Царство Ночи под землю.
И блестящая кольчуга,
Полотно из многих колец,
На ходу звенела тихо;
Брякал с каждым шагом Вазы
Содып тяжкий на цепочках.

Подойдя к норе Мухора,
Ваза бросил круглый камень
И прислушался к паденью
Камня круглого под землю.
Долго слушал храбрый мадур,
Скоро ль камень дна достигнет,
Скоро ль стукнет он в колодце.
И прошло большое время:
Пятьдесят шагов по лесу
Может сделать хромоногий, –
Загремел тяжелый –
Дно достал в норе Мухора.

Ваза снова бросил камень,
Снова слушал он паденье
Камня нового о камни,
А потом сказал: «Довольно».
Повалил сосну большую
Поперек норы Мухора,
И, забив два клина в землю,
Он набрал корней и лыка

И крутить веревку начал,
В пятьдесят шагов длиною,
Толщиною в восемь пальцев.

«Ты боишься, бедный мальчик,
Этих сумрачных потемок
В эту пору огневую.
Ты боишься, бедный мальчик,
Мать ушла твоя далеко
Собирать в лесу сараны¹
Ты боишься, бедный мальчик,
Черной тени от чувала,
Темных нар и шума ветра;
Мать ушла твоя далеко,
Ты не плачь в глубокой люльке,
Мальчик милый, неразумный», –
Пел негромко мадур Ваза
Песню детскую над ямой,
Вспоминая годы детства.

Вот он маленьким парнишкой,
Вместе с псом лохматым Пакой,
Ставит кривду на проточке.
Комары его кусают,
Лает сипло пес лохматый;
Где-то громко на увале
Страшным голосом, протяжным, –
«Ко-го-гу», – взывает кто-то...
Страшно маленькому Вазе,
Он готов бежать к паулу,
Бросить кривду на проточке,
Но как раз он слышит в кривде,

¹ Сарана – растение, корни которого собираются как съедобные. Из высушенных и перетертых корней изготавливается мука.

Что попала в мотню рыба,
И дрожащими руками
Тянет кривду он на берег...
Рыба в кривде, рад парнишка,
Позабыв о страшных криках,
Неуверенно хватает
Ручкой скользкого налима.
Миг один, из цепких пальцев
Булькнул в воду толстокожий.
«Айя!» – крикнул и заплакал
Рыболов-парнишка Ваза,
Взявший толстого налима
Не под жабры, а за брюхо.

В чаще – спелая брусника, –
Солнопек покрыт, как кровью.
Ваза, маленький парнишка,
Вместе с псом лохматым Пакой
Убрались сюда поутру,
Вазу мать и старый ойка
Отгаскают за волосья, –
Это каждый раз бывает,
Когда парень из паула
Убежит с лохматым Пакой.
Но кому какое дело, –
Думал так парнишка храбрый, –
Если он не хочет в чуме
С бабами сидеть на кожах, –
Он давно уже мужчина.

Вот наелись, наигрались
Пака с Вазой досыта
И идут домой, к паулу.
Их встречает с хворостиной
Старый ойка на дороге:
Хвост поджав, лохматый Пака

Убежал в густой кустарник,
Побежал было и Ваза,
Но напрасно, – хворостина
Нагнала парнишку скоро.

На другой день, ровно в полдень
Завязал конец веревки,
Труд окончил хлопотливый
Музыкант забытых песен,
И сейчас же, не помедлив,
Обвязал сосну на яме
Крепкой петлею тройною,
А другой конец веревки
Опустил в колодец темный.
«Ожидай у темной ямы», –
Наказал мадур собаке
И, надев кольчугу, содып,
Все другое снаряженье,
Опустился в Петлым-емдыр –
В Царство Ночи под землею.

Чем спускался глубже Ваза
По веревке крепкострунной,
Тем теплее становилось,
Тем дышать труднее было.
Белой тряпкой, как оконце,
Там, вверху, над головою,
Виден был неясно выход...
Скрылся свет, пахнуло дымом,
Стены каменные сжались,
И из тьмы, переливаясь,
Шумы громче доносились
Страшным ревом водопада, –
Петлим-емдыр было близко.

Ниже в землю, глубже в землю,
Ближе каменные стены

Наступили на героя...
Перебор, другой и третий,
И в руке мадура Вазы
Был уже конец веревки.
«Коротка моя веревка,
Дно не близко», – думал Ваза,
Как паук на паутине
В темной бездне повисая.
Возвращаться снова на верх,
Довязать до дна веревку, –
Стыдно было бы герою
Пауком по яме ползать...
Прыгнуть вниз, на дно колодца, –
Камни встретят остриями,
Вдавят медную кольчугу
В тело белое героя,
Будет сломан онет¹ Вазы,
Рог сияющий героя...
«Если камни же минуешь, –
Продолжал над темной бездной
Думать думу храбрый мадур, –
То обратно не вернешься.
Стены скользки и высоки,
Птице в пору лишь подняться
На разжатых крепких крыльях.
Но мадур – не белый орлан,
Не шаман, чтоб обратиться
В птицу, зверя или духа».

Долго думал мадур Ваза,
Долго духом колебался,
Наконец решил спуститься

¹ *Онет* – золотой рог. В данном случае аллегорическое выражение, часто употреблявшееся в древнем, русском эпосе, обозначающее: сломанный рог – неудачу, поражение богатыря; рог растущий – удачу, победу и пр.

Без веревки, упираясь
В стены узкого ущелья.
Он припомнил, как мальчишкой
Лазил в норы за стрижами
По крытым сыпучим кручам
Желто-каменных откосов.

«Не сломает онет Ваза,
Рог сияющий героя», –
Молвил он и, упираясь
В стены гладкие колодца
То спиною, то руками,
Стал ещё спускаться ниже.
Близко дно, бокарь² нащупал
Камень гладкий, как ступеньку...
Шаг ещё – на дне колодца
Стал обеими ногами
Мадур Ваза – победитель –
Перед входом в Петлым-емдер.
Он поправил атта-кег³е,
Подтянул потуже пояс,
Нож охотничий ослабил
В ножнах, резанных искусно,
И, надвинув на лоб черный
Иермау-охзам героя,
Сват³ в сияющей кольчуге
Шагом медленным, тяжелым,
Как на Шубного Медведя
Опытный идет охотник,
Он вошел в ущелье зверя.

Плакал филин-передатчик,
Смерть предсказывал герою

² *Бокарь* – меховые сапоги, надеваемые с меховыми чулками.

³ *Сват* – древне-вогильское название богатыря. «Сваты ходили» – воины ходили войной, и пр.

Пеньем песенки веселой;
Говорил веселый филин:
«Бедный мальчик, возвратися,
Ты, бедняжка, уж покойник,
Ты бледнеешь и трясешься,
Только я пойду навстречу...
Мне и мать твоя плясала,
Да в серебряном наряде,
Для меня она плясала,
В честь меня она надела
Дорогой кафтан суконный,
Мехом беличьим обшитым,
На ногах её мелькали
Бокари с цветным узором
Из пяти цветных полосок,
Тонкого сукна с нашивкой
Мелких бусок, как икринки.

Для меня она плясала,
В честь меня она надела
Из крапивы белый фартук¹,
Где узором тонких ниток
Были вышиты картины:
Зверь, охотник, соболь хитрый,
Хвоя сосен и лисицы...
Для меня она плясала.
Бедный мальчик, воротися».

Но не слушал Ваза песню,
Песню детскую о танцах,
Что пропел ему шутливо
Хитрый филин-передатчик.
Твердым шагом, не колеблясь,

Шел, как опытный охотник,
Ваза в темном подземелье,
А ему навстречу грузно
Мамонт двигался проходом,
Крепкорогий, страшный Мухор.
С каждым шагом приближался...
Не скрипел котел на углях,
Не прошло до сотни время,
Как сошлись: зверь подземный
В темном каменном ущелье
С человеком тяжелой милой,
И вступили в бой кровавый,
Бой последний для кого-то.

Засвистел, как буйный ветер,
Заблестел огнем летящим
Атта-кег'е, меч героя...
Зверь Мухор взревел от боли,
Топнул толстыми ногами,
И, как кор, почуя кора,
С наклоненными рогами
Он понесся на героя...
Ваза быстро наклонился
И, как мышь в нору, юркнул он
Между толстыми ногами,
А потом вдогонку зверю
В жирный зад всадил он кег'н,
Острый кег'е, меч героя.
Зверь взревел от страшной боли;
В узком каменном проходе
Он хотел бы повернуться,
Вновь напасть тремя рогами,
Смять героя в быстром беге, –
Но напрасно это было:
Разве можно разом гору
Сдвинуть сильному Мухору?

¹ Вогулы обрабатывали волокна крапивы для тканья.

Разве может он раздвинуть
Сразу круглым поворотом
Узкий выход в Царство Ночи?
Хоть силен подземный житель,
Страшный Мухор многогогий,
Победитель крутоярья,
Но бессилен он, как муха,
Перед каменной горою.

Не робея, не теряясь,
Ваза бил мечом тяжелым
Ноги, зад, бока Мухора;
Кровь, как речка в половодье,
Залила подземный выход
На две полные ладони.
И Мухор уж чуял гибель
От руки героя Вазы,
Он сначала лишь лягался,
Задом пятился на Вазу,
Но потом, собравши силы,
Что есть духу по ущелью
Побежал, быстрее кхонна,
Дальше в землю, в Петлым-емдер,
Оставляя след брусничный.
Ни на шаг не отступая,
Побежал за зверем мадур,
Отер Ваза быстроногий,
И от бега их в ущелье
Колебалась даже Маа,
Дальняя земля народов.
Долго бег их продолжался,
Долго Маа колебалась,
Наконец споткнулся Мухор;
Истекая темной кровью,
Обливаясь красным потом,
Он упал на дно ущелья.

Тут герой, согласно клятве,
Данной им Отцу Торыму,
Прыгнул на спину Мухору,
И мечом он в три удара
Отрубил три рога зверя...
Зарычал, забился Мухор,
Встал с трудом он на колени,
Но упал сейчас же с ревом
И уж больше не поднялся.
Ваза взял три крепких рога,
Повалил себе на спину
И пошел к глубокой яме,
Где кончается ущелье.
Хитрый филин – птица ночи –
Пел шуточно вслед герою:
«Бедный мальчик, я ошибся,
Бедный мальчик, ты не умер;
Старый ойка – вещий старец –
Ворожил тебе на бубне,
Ворожил тебе у люльки,
Привязал тебе удачу
Вместе с шариком из меди
На ремне к подвескам люльки¹,
И теперь перед глазами,
Впереди тебя по тропам,
Впереди по всем дорогам
Мчится счастье – рог героя,
Всюду ждет тебя удача», –
Так пел филин пучеглазый
Песню новую мадуру.
Вот и выход, узкий выход,

¹ У северных народов в обычае привязывать к ремням люльки разного рода побрякушки, игрушки и пр. Здесь филин намекает на то, что ведущий старец вместе с игрушками привязал к люльке Вазы само счастье.

Тяжелы рога Мухора,
Коротка веревка Вазы,
Но невидимый, незнанный
Ухватил семью руками
Музыканта старых песен,
Песен всеми позабытых.
И поднял его, как птицу,
Наверх к беленькой Снежинке.
«Ну, теперь, – так думал Ваза, –
Я быстрее вольной птицы
Полечу к злодею Мейку,
К цвету жизни – нээ-Ючо.
Слышу звон я, слышу крики,
Будет бой, о, бой великий,
Бой последний для героя».

Песня семнадцатая ВОЗВРАЩЕНИЕ

Каждый день с печалью в сердце,
В сердце с робкою надеждой
Выходила нээ-Ючо,
Выходила на дорогу,
Дождаясь приезда
Музыканта старых песен,
Каждый день она, вставая,
Говорила: «Вазу встретит,
Может быть, сегодня Ючо».
Каждый вечер повторяла,
Спать ложись, с надеждой в сердце,
Нээ-Ючо, цветик жизни:
«Может быть, придет ночью
Мой жених – мадур железный».

Проходили дни и ночи,
Проходили в ожиданьи,
А герой, мадур железный,

Музыкант забытых песен,
Не стучал тяжелой нартой,
Был далек от грустной Ючо,
Был далек в краю безвестном.

«Он придет, не придет, –
Так гадала часто Ючо
Темной, позднею порою, –
Он придет, не придет,
Отвечай скорее, пензер,
Вещий пензер, малы пензер
Из налимьей кожи сшитой».
Но молчал упорно пензер
На вопросы грустной Ючо,
И однажды только, ночью,
Он ответил так – неясно:
«Долго ждать желанной встречи,
Встреча будет, но не скоро
И не здесь, на этом месте,
В царстве злого бога Мейка,
Где ты встретишь – я не знаю,
И не спрашивай ты больше,
Пензер большего не знает».

Дни за днями проходили,
Осень на зиму сменялась,
А зиму весна сменила,
Вслед за Туе белой ночью
Лето-Тои прилетало
На упругих, крепких крыльях
Стай крикливых журавлиных,
И потом, опять слезливо,
Как старуха у чувала,
Тихо осень подбиралась,
Увядали травы грустно,
Облетали снова листья

Золотых лесных нарядов.
Сколько дней – не знает Ючо –
Провела она тоскливо,
Ожидая мадур Вазу,
И однажды, в месяц третий,
В месяц падающих листьев,
Ючо вышла на тропинку,
Где последний раз прощалась
С женихом, железным хомом;
Здесь она остановилась
И задумалась долго.

Парка Ючо вместе с телом,
Как у вещего шамана,
Оставалась на тропинке,
А душа ее поднялась,
Связи с телом не теряя,
Высоко над темным лесом.
Долго там душа летала,
Как слепая, тайн не зная,
Тайн мудреных, тайн небесных,
И потом опять спустилась,
Не поведав о чудесном.
Сон иль явь, не знала Ючо,
Долго ль длилось расставанье,
Далеко ль душа летала,
Не теряя связи с телом, –
Ничего она не знала,
Это знают лишь шаманы,
Жизнь прошедшие в гаданьях,
Где же знать то было Ючо!

И когда она очнулась,
Вновь глазами стала видеть
Желтый лес, седую бусырь,
В даль ушедшую тропинку,

У ствола сырого кедра
Нээ-Ючо увидала
В старой раке, рваной парке,
Как крючок для рыбной ловли,
Старушонку-шаманиху
С бубном, посохом и в шапке.
«Здравствуй, бабушка! Откуда
Ты пришла сюда в ненастье?» –
Тут спросила в удивленье
Ючо сяньюм-шаманиху¹.
«Здравствуй, дочка, здравствуй, Ючо, –
Отвечала ей старуха,
Ртом беззубым шепелявя, –
Я пришла тебя проведать,
Рассказать тебе большое,
Что ты знать давно хотела».
И, звеня шаманским бубном,
Опираясь на посох,
Подошла тогда старуха
У цвету жизни нээ-Ючо
И держала речь такую:

«Молодых глаза слезливы –
Значит, плачешь о далеком,
Значит, грусть владеет духом;
Кто ушел, сказав – вернется,
Может, тот и сдержит слово,
Кто сказал – его дождется,
Потеряет только время.
Я скажу тебе о прошлом:
Цветик жизни не увянет.
Я – старуха-шаманиха,
Я жила – не знаю сколько,
Но цветок родился прежде.

¹ Сяньюм – бабушка.

Если б годы сосчитала
Я однажды по лучинкам,
То сломала бы я много
Щепок тоненьких в лучинки.
Если ты бы сосчитала
Годы жизни, нээ-Ючо,
То большую очень кучу
Наломала бы лучинок.
Ты жила уж в царстве Мейка,
Я еще же не родилась.

Здесь ты старости не знала,
Ты не знала, что живущим,
Всем рожденным по-земному,
Смерть приходит неизменно;
Ты не бойся мрака ночи,
Ожидающей умерших,
Ты не бойся увяданья,
Ты умрешь цветком прекрасным
На заре весенней ночи,
Без икоты и страданья,
Ты умрешь, оставишь Мейка
И пойдешь путем знакомым,
По тропинке многотворной».

«Ах, оставь меня, старуха,
Злобный дух, губитель жизни, –
Тут вскричала громко Ючо, –
Не пугай меня ты смертью,
Я бессмертна в царстве Мейка.
Если ты незрячим оком
Видишь в будущем дороги,
Ты скажи мне, шаманиха:
Скоро ль Ваза возвратится,
Был ли он в далеком Царстве,
В Царстве Торыма-Владыки,

Где стучит теперь он нартой? –
Может, близко он, за лесом!»

«Он вернется в царство Мейка, –
Отвечала шаманиха, –
Он стоял перед Торымом,
Чтоб сорвать цветок прекрасный, –
Он вернется, храбрый мадур,
Волк большой, железный отер,
Но... его ты не дождешься, –
Ты умрешь, когда услышишь
Вазы голос в этом царстве».

«Уходи, колдунья злая,
Я твоим не верю сказкам,
Ты меня не испугаешь,
Если б даже в Царство Теней
Отлетели мысли Ючо,
И тогда б железный мадур
Отыскал меня среди духов,
Он тот путь найти сумел бы,
Путь далекий в Царство Торма, –
Оживит меня хатт-инком¹,
Хатта-нер'ем², если надо.
Уходи, колдунья злая,
Уходи скорей отсюда,
Мейк увидит – будет худо,
Он тебя, как гнус³, раздавит», –
Говорила с злобой Ючо,
И когда остановилась,
То увидела: старуха
Как сквозь землю провалилась...

¹ Хатт-инк – живая вода.

² Хатта-нер'ем – живой прут.

³ Гнус – сибирское название комаров, мошек, паутов и других насекомых, бича тундры и тайги.

С этих пор тяжелый камень
Лег на сердце нээ-Ючо,
С этих пор слова старухи
Из ума не выходили...
Грусть жены своей заметил
Ойка Мейка, дух коварный,
Он спросил ее тягуче:
«Мало ешь – скорбишь о чем-то,
Спишь тревожно – есть забота,
Вниз глаза – печаль на сердце...
Все я вижу дальним глазом,
Все я знаю – духом духа;
Отвечай, о чем забота,
Отвечай, – где корень скорби
Спрятан с тайною тревогой?»

Долго ждал ответа Ючо
Ойка Мейка, дух коварный,
А потом опять тягуче
Он с насмешкою промолвил:
«Вместе с горем и тревогой,
Как вьюнок на пне осины,
Робкая живет надежда,
И в твоих глазах печальных
Глазом духа я незрима
Вижу робкую надежду.
Отвечай мне, невинных-Ючо¹,
В чем твоя живет надежда,
Отвечай, – где спрятан корень?»

Долго ждал ответа Ючо
Ойка Мейка, дух тревожный,
И опять спросил он невых
Строгим голосом, рычащим:

«Знаю день, когда парнишка
Отвязал моих оленей,
Утащил с упряжкой нарту,
Рядом с твердым следом парня
Видел я другой, неясный
Женский след, какой-то бабы.

Может быть, воришка кхонна
С бабой ездил для веселья,
Спрятав в маленький мешочек
Вместе с кремнем и огнивом.
Так, наверно, это было,
Так как бабы я не видел,
Был хотя я очень близко,
Чуть парнишку не сарканил,
Может быть, сейчас ответишь
Ты мне, старому шаману,
На вопрос последний, третий:
Чей был след, где эта баба?»
«Слушай, Мейк, – сказала Ючо, –
На вопрос последний, третий –
Я задам тебе вопросы,
Может быть, тогда, Глубокий,
Скажешь мне: без слов понятно,
Я не требую ответов». –
«Хорошо, – сказал, краснея,
Ойка Мейка дух коварный, –
Будем слушать сказки бабы,
Хоть и знаю, по закону
Ты должна ответить первой,
Не испытывая мужа».

«Первый мой вопрос, – сказала, –
Будет сделан по закону:
Если женится мужчина,

¹ Невых – жена.

Он калым несет, тан-менен¹,
Так, скажи мне, по закону?» –
«Да», – ответил дух, нахмураясь.
«А второй вопрос, – сказала, –
Будет очень прост для духа.
Если мен'ен был не принят,
То куда идет от юрты
Сват, плохой жених печальный?» –
«Он идет домой, бедняга», –
Отвечал вторично Мейка.
«А теперь вопрос последний, –
Тут сказала гневно Ючо, –

Я клялась ему за гробом,
Если б весть пришла о смерти,
Смерти скорбной музыканта,
Отыскать его далеко –
В Царстве Теней под землею.
Много дней прошло в тревоге,
И ночей минуло много,
Я ждала, я сна не знала,
Но мадур не возвращался,
Не давал вестей мне верных
И не звал меня он – Ючо!...

«Ючо, Ючо! Цветик жизни!» –
Крикнул лес протяжным зовом,
Звонкий лай в лесу дробился,
Лес шумел, и старый филин
Вдруг стрелою в небо взвился
И оттуда громко крикнул:
«Мадур Ваза возвратился,
Музыкант забытых песен,

Мейк, а едет будто в гости,
На твоих оленях, старый...
Будет, будет бабу слушать,
Сказки бабьи больно длинны,
Приготовься лучше к драке, –
Драка будет из-за бабы...
Мадур Ваза возвратился
Музыкант приехал, ойка!»
«Замолчи, слепая гнида, –
Отвечал сердито Мейка, –
Это +знаю баз тебя я,
Без слепой собаки, филин,
Ты скажи, где этот Ваза,
По какой дороге едет,
Скоро ль будет к Мейку в гости».

«Он сейчас уж перед юртой, –
Крикнул филин, опускаясь, –
Он приехал! Пайсе, Ваза!
Старый Мейк и нээ-Ючо
Ждут тебя давно уж в гости;
Все готовят угощенья.
Выходи скорее, рума,
Гость далекий, храбрый отер,
Отдохни с дороги дальней
В юрте Мейка на постелях».

Как листок на стебле длинном
В день осенний, непогодный,
Ючо часто задрожала
И, склоняясь перед Мейком, –
«Не убей его», – сказала.
Но не слышал Мейк признанья,
Он не видел даже Ючо;
В страшном гневе бог коварный
Весь налился черной кровью,

¹ Тан-менен – то же, что калым.

Он схватил рукой проворной
Со стены колчан с стрелами,
Взял тяжелый атта-кег'е,
Меч зазубренный злодея,
И спеша, навстречу вышел
С диким криком? «Огеекейя!»

Мадур Ваза, улыбаясь,
Твердой медленной походкой
Подошел к злодею Мейку,
Весь сияя, словно месяц,
Месяц яркий в полнолуние,
Чешуей своей кольчуги,
Полотном из мелких колец,
И, подняв свой атта-кег'е –
Острый меч, Торымом данный,
Крикнул Мейку: «Защищайся,
Старый вор – лесной бродяга,
Поедатель стад оленных». –
«Эмас! Эмас! – Мейк ответил. –
Чебак тухлый с яя-Конды,
Ты получишь по заслугам
За оленей и за нарту».
И, взмахнув мечом тяжелым,
С свистом ветер рассекая,
Мейк ударил по кольчуге,
Чешуе из медных колец,
Грудь одевших музыканта.
Меч скользнул, как лыжа с горки,
Без вреда для тела Вазы
И зарылся по крыжину
В землю твердую у юрты.
«Эмас! – крикнул ойка Мейка, –
Шуба крепкая надета
На твое пустое брюхо,
Но крепки и зубы кег'е,

Он прокусит эту парку,
От твое добудет сердце,
В этом я уверен, парень,
Завыватель песен старых».

Меч его опять поднялся,
Как вода, теперь блистая,
В летний день в заботе тихой,
Так как ржава до крыжины
Пообчистилась о землю,
И с разбега повстречался
С атта-кег'е мадур Ваза.
Как две молнии блеснули
Красной пылью огневою,
Как два грома прогремели
Грозных двух мечей удары...
Бой начался, бой последний,
Между мадуrom и ойкой;
Беспрерывным светом искры
От мечей бойцов могучих,
Как пожар лесной, горели;
Звон мечей, как буреломы
В день грозы и бури страшной,
В час как ветер испулений
Валит лапою тяжелой
Лес, как хрупкие былинки,
Разносился страшным стоном
Далеко по царству Мейка.
Как трясина на болоте,
Почва твердая, как камень,
Колебалась под ногами
Двух бойцов-врагов смертельных;
Лес с землею вместе зыбал,
Как камыш, роняя хвою,
Осыпая округ шишки.
Старый филин-смехотворец,

На высоком кедре сидя,
Трижды падал от трясения,
Трижды снова поднимался,
Выбирая сук потолще,
Сук покрепче для сиденья.

Много раз бойцы сходились
В этой страшной, грозной битве
Близко-близко, грудью к груди,
Много раз и расходились,
Отряхая пот кровавый,
Воду, смешанную с кровью,
На изрытую ногами
Землю, мягкую, как золу.

Длинный день пошел на убыль,
Солнце спряталось в низине,
И оттуда сумрак темный, –
Брат родной тревожной ночи, –
Вышел – путь сестре очистить...
Мало времени промчалось, –
Ночь сменила сумрак темный,
Юпсе¹ вышла на дорогу.
В дальнем небе, темном небе,
Солнца брат, веселый йенгпе²,
Вылез медленно из юрты
И пошел бродить по небу
Меж костров, по темным тропкам,
Между звезд, – сказали б люди;
Вон пастух звериной стаи
Шагом медленным проходит...
Бой не стих, бойцы дрались
С прежней силой, сея искры,

¹ Юпсе – тьма.

² Йенгпе – месяц.

Грозно громом ударяя...
Бой не стих, и темной ночью
Два бойца – две черных тени –
Продолжали схватку-битву
Так же злобно до рассвета.
И уж солнце ночь сменило,
В чум ушел веселый йенгпе, –
Битва так же продолжалась.

Старый волк, таежный хищник.
«Плохо, – мрачно думал ойка, –
Силы старые уходят,
Далеко моя победа».
И тогда он, повернувшись,
Прыгнул прямо на верхушку
Кедра старого над юртой.
Там он вынул лук и стрелы,
Привязав к руке дощечку,
Чтоб струна ее не била.
Натянул свой лук упругий
И послал стрелу-певунью
Прямо в сердце музыканта.

Стукнул томар о кольчугу,
Чешую из мелких колец,
Отскочил и пал на землю
Без вреда для музыканта.
Этим временем проворно
Вновь послал стрелу-певунью
С острым шилом на головке
Старый ойка – вор оленный,
И опять стрела упала,
В землю твердую воткнувшись.
Рассердился мадур Ваза,
Весь налился красной кровью,
И, порвав ремни у содып,

Бросил ими с страшной силой
Он с трусливого злодея.
Завизжал, завыл на кедре,
Извиваясь словно змеи,
Ойка Мейка, враг Оленный,
И такое молвил слово
Он мадуру-музыканту:
«Подожди, довольно драться,
Можно миром дело кончить.
Бабу надо, кхонна, нарту, –
Вес бери и убирайся,
Не тревожь мою ты старость». –
«Нет, – сказал на это мадур, –
Мир плохой с тобой, злодеем,
Лучше снова будем драться,
Будем драться до могилы».

«Нет, – ответил ойка Мейка, –
Если Торм, большое брюхо,
Старый Торм, глупец ленивый,
В много раз тебя хитрее,
Не сумел меня принизить,
То тебе такое дело
Будет сразу не по силам,
Ты еще теленок малый
Против Мейка-великана...
У тебя не мало силы,
Много дел ты храбрых сделал,
Но еще их очень мало,
Чтоб со мною потягаться,
Чтоб тебе со мной сравняться
В силе грозных колдований.
Слушай, мадур, слушай, рума,
Что тебе откроет ойка,
Что тебе сейчас расскажет
Дух великий о Торыме».
Но не слышал больше Ваза

Речи хитрые злодея,
Он схватил свой меч упругий,
Стрелы-томар боевые,
И послал он в сердце Мейку,
Прямо в сердце, чуть прицелясь,
Томар-леп¹ с железной вилкой.

Вскрикнул громко старый ойка
От стрелы-певуньи – томар,
Ойка в сердце поразившей,
Рухнул он с верхушки кедра,
Как глухарь, ломая сучья,
Наземь пал к ногам мадура.
В тот жзе миг меча ударом
Ваза надвое рукою
Разрубил его могучей
И, не глядя, повернулся,
Громким голосом промолвил:
«Торм, Отец наш, Нума грозный!
Я свое исполнил слово,
Я сдержал всю клятву, Дальний!»

Промолчал далекий Торым
На слова героя Вазы,
Ничего он не ответил,
Не дал знака никакого.
Ваза трижды тихо свистнул –
Кликнул белую Снежинку,
А потом воскликнул громко:
«Ючо, Ючо! Цветик жизни!
Отзовись на зов мадура,
Выходи скорей навстречу,
Сват, жених твой, возвратился!»

¹ Стрелы – томар – бывают с наконечником разнообразных форм: воल्प-нот – беличья стрела; леп-томар – с наконечником в виде вилки; пус-томар – с наконечником лопаткой и т.д.

Песня восемнадцатая СМЕРТЬ ЮЧО

«Котлег Ючо! Сальпить Ючо!»¹ –
Крикнул голосом печали
Мадур Ваза – карт-иевра,
И не знавший раньше страха,
Таран вет хут вет уэйдём²,
Не однажды лик выдавший
Таран лик, огня и меди,
Лик той рыбы бессловесной,
Входит в юрту, озираясь,
Полный страха и сомненья,
Полный жутких ожиданий,
За судьбой своей невесты.
«Сальпить Ючо! Цветик жизни!» –
Молвил тише мадур Ваза,
Мадур Ваза – карт-иевра,
И рукой дрожащей олып
Поднял тихо сап³ суконный...
Чуть дыша, белее снега,
На постелях соболиных,
Как подстреленная лёгын,
Косы черные раскинув,
Перед ним лежала Ючо,
Перед ним была невеста.
«Ючо, Ючо, – снова молвил
Мадур тише и печальней,
Мадур Ваза – карт-иевра: –

¹ *Сальпить* – Большая Медведица.

² «Таран вет хут вет уэйдём» - букв.: видевший лицо Таран и лицо рыбы; в данном случае это выражение, взятое из старых вогульско-остяцких былин, употребляется в том смысле, что Ваз был как в Царстве Мертвых, так и в Царстве Торыма, что дает ему власть над огнем и водой, т.е. над стихийными силами, и делает его могущественнейшим не только среди людей, но и богов.

³ *Сап* – занавес, за которым в древнее время скрывались женщины при появлении посторонних мужчин.

Отзовись, скажи мне слово,
Что с тобою, цветик жизни,
Пробудись, моя невеста».
И прошло такое время,
Что над пламенем яный-пут
Стал бы пуст и растопился.
Снова слово молвил Ваза,
Мадур Ваза – карт-иевра,
Тихим голосом печали:
«Хос-хот, хос-хот⁴ крылья птицы,
Птицы черной многокрылой,
Птицы вещей и крикливой,
С острыми семью когтями;
Геге, геге – лапа зверя,
Шубного Отца Медведя
С острыми пятью когтями,
Пуспанк-кэр⁵ перекусит
Много жил оленных – септы⁶.
Семь шаманов на дороге,
Оживите мою Ючо».

И прошло такое время,
Чтоб запрячь оленей тройку,
Починить большую нарту,
Много дел иных поделать, –
Нээ-Ючо все лежала,
Как подстреленная лёгын,
Косы черные раскинув,
На тропинке в Царство Теней.
И тогда немного громче
Молвил слово заклинаний
Мадур Ваза – карт-иевра:

⁴ *Хос-хот, геге* – непереводимые слова, употребляемые при заклинании для вызова духов.

⁵ *Пуспанк-кэр* – железный зуб.

⁶ *Септ* – нитка для шитья, скрученная из оленьих жил.

«Торый¹, Төхт², мое вам слово
К вам идет из этой юрты,
Вы должны его услышать!
Торый, төхт, то мадур Ваза
Говорит, как равный, с вами.
Таран вет хут вет уэйдем,
Я прошу – скорее дайте
Хатга-инк, живую воду, –
Моя Ючо умирает,
Я прошу скорее бросить
Хатга-нер’ем – прут живящий
Мен’ен Ючо в Петлим-емдер».

И еще умчалось время,
Ночь вошла уж в юрту Мейка,
Старый филин видеть начал,
Торый, төхт не отвечали,
Торый, төхт не отзывались
На слова мадура Вазы.

И тогда, пылая гневом,
Громким голосом звенящим
Крикнул Ваза исступленно:
«Торм, я требую ответа!
Торм, меня ты должен слышать,
Отвечай скорее, Нума!»

И в ответ на зов к Торыму
От конца в конец вздрогнула
Земля кожистая – маа,
Как на гребне волн шумящих
Дрожит маленькая ветка,
Грянул гром, поднялся ветер,

¹ Торый – журавль, в данном случае подразумевается могущественный дух в образе журавля.

² Төхт – глухарь.

И великий Торм ответил
Строгим голосом мадуру:
«Что кричишь ты, ойка Ваза,
Как ребенок без игрушки,
Как ты смеешь беспокоить
Сладкий сон владыки Нума?»

«Стой, Великий, – гневно крикнул,
Не дослушав речи, мадур, –
Не теряй ты слов напрасно, –
Я – мадур из рода маньси,
Музыкант – игрок на гусе,
Так давно сменявших хотанг
На железный атга-кег’е.
Я, мадур из рода маньси,
С берегов речушки Ксенты,
Говорю тебе, как брату,
Оживи мне мен’ен Ючо.

Кто убил злодея Мейка, –
Так добавил дальше Ваза, –
Кто в далеком Царстве Торма
Пенегезе уничтожил,
Кто в равнине Йаран-пелек,
В белом крае самоедов,
Умертвил Иуда-зверя,
Кто спустился в Петлим-емдер,
В царство Веса-великана,
Кто добыл рога большие
Быка страшного Мухора, –
Это сделал мадур Ваза,
Музыкант забытых песен,
И за это мне в награду
Лишь одно мне дай, Великий,
Жизнь для мертвой нээ-Ючо,
Жизнь моей невесте, мен’ен».

И ответил грозно Торым,
Так сказал герою Нума:
«Вес мне подвиги героя
Хорошо давно известен,
Не ослабла память Нума,
И за это ты, Счастливый,
Получил свою награду, –
Ты стал равен ойке-духу;
Твой народ, забытый всеми,
Твой народ, уже умерший,
Получил свою награду,
Получил свое спасенье.
И теперь над мертвой бабой
Ты, недавний победитель
Злого бога ойки Мейка,
Плачешь горькими слезами,
Просишь, сам чего не зная.
Слушай дальше, мадур Ваза,
Речь своя к концу подходит, –
Кто убил красотку Ючо,
Кто разрушил чары Мейка,
Вместе с тем и жизнь невесты?
Ты все сделал, длиннорукий, –
Ты убил злодея Мейка,
Вместе с ним и мен'ен Ючо
Умертвил своей рукою.
Так зачем теперь ты плачешь,
Как ребенок над игрушкой,
И словами ты пустыми
Вышних отдых нарушаешь?»

Не сдержался мадур Ваза,
Не дослушал он ответа
Нумы, Торыма-Владыки,
И, дрожа, он гневно крикнул:
«Старый пес, лисица неба,

Я отказываюсь ныне
От награды быть бессмертным,
Быть послушным, как собака,
Называться отыр-ойка
В этом царстве, старый лодырь;
Я желаю только смерти,
Я желаю только встречи
В Царстве Теней, в Царстве Мертвых,
Где живут умерших души,
Встречи с верною невестой.
Ныне громко странам света
Я кричу, пусть каждый слышит:
Отрекаюсь! Отрекаюсь!»

И на эти речи Торым
Гневно мадuru ответил:
«Ты отрекся! Ты отрекся!
Это слышали все духи,
Все четыре края света,
Ты отрекся от награды –
Ты отрекся от награды
Ради старой, дряхлой бабы.
Пусть так будет, пусть так будет!»

И когда вновь на колени
Опустился перед Ючо
Мадур Ваза со слезами,
То сейчас же вновь поднялся
Для ответа он Торыму
И, как лес, протяжно крикнул:
«Отрекаюсь! Отрекаюсь!
В этот миг, подобно шагу,
От всего, к чему стремился,
Я клянусь и обещаюсь
Лапой Шубного Медведя
Возвратить с тропинки мертвых

Мою менен, мою Ючо,
А пока мне данный Нумой
Меч железный, атта-кег'е,
Меч героя двухсторонний,
Будет спать в тяжелых содыш».

И когда вновь на колени
Опустился перед Ючо Мадур
Ваза со слезами,
Перед ним была не Ючо,
Не невеста его, мен'ен, –
Перед ним была старуха
Древних лет, с сухою кожей,
С темной кожейею землистой...
Мадур Ваза не поверил,
Что цветок его прекрасный,
Милая его невеста
Вдруг в старуху превратилась.
Ваза думал: ойка Нума
Подменил его невесту
Старой, дряхлою старухой
В наказанье за обиды.

Но когда увидел косы,
Смоляные косы Ючо,
Он промолвил, как в забыты:
«Это Ючо, это мен'ен...
Чары Мейка я разрушил,
Разрушая царство Мейки,
Я убил свою невесту,
Превратив ее в старуху».
И потом он думал молча:
«Дальний путь пройден без цели,
Путь тяжелых испытаний...
Нет мне радости в грядущем,
Нет надежды в этом сердце,
Я пойду теперь за Ючо».

«Мадур Ваза, скорбный мадур, –
Вдруг промолвил за спиною
Старый ойка-незнакомец, –
Много лун с тех пор минуло,
Как в той юрточке над Ксентой,
Темной ночью мы сошлись,
Темной ночью говорили.
Помнишь, Ваза, семь лучинок,
Стебельки травы сушеной,
Камень белый, твердый камень,
Превратившийся в сороку.
Помнишь, Ваза, незнакомца,
Старика из темной ночи?

Знаю я, ты это помнишь, –
Так продолжил дальше старец, –
Тою ночью на распутьи
Убегающих тропинок
Ты стоял в раздумьи грустном,
Ты печалился о маньси,
О родном совсем народе,
Ты желал ему свободы...
А теперь, ты полон скорби,
Совершив свой путь далекий,
Вновь стоишь перед дорогой,
Но куда – ответь мне, Ваза,
Не обратно ль, длиннорукий?»

Старец кончил, молвил Ваза:
«Мудрый старец, ойка рума,
Часто в мыслях, вспоминая,
Я тебя, вогул безродный,
Звал отцом своим родимым...
Я не знаю, ты откуда
Вновь пришел меня утешить».

«Я пришел тебе напомнить, –
Так поправил старец Вазу, –
Путь далекий ты закончил,
Ты принес с собой надежду
Для народов позабытых,
А поэтому ты помни –
Нет пути тебе за Ючо,
Ты в своей не властен смерти.
Погреби скорее тело,
Положи его в колоду,
Закопай глубоко в землю,
Мыга-хат¹ – построй над Ючо,
Из большого кедра сделай
Анкет-вош² с резьбой узорной,
Чтобы видели все люди,
Чтобы люди поминали
Нээ-Ючо, мен'ен Вазы.
Сам возьми ты в руки кег'е,
Меч тяжелый в тяжких содып,
И надень на груди кольчугу,
Полотно из мелких колец,
А потом подай мне руку
В длинной черной рукавице,
Руку сильную героя,
И неезженной тропюю,
На оленях быстроногих
По паулам маньси ездить,
Ездить будем неустанно
Мы с тобою победитель.

Громким голосом обвалов,
Крутояров над рекою,

Робким людям в драных шубах
В темных юрточках мы скажем:
«Вот теперь настало время
Зарубить на старой тамге
Семь насечек неглубоких!
Вот теперь настало время
К старой тамге наших дедов
Приклеить перо орлана¹⁹⁴³
И ее без страха вставить
В лук упругий, лук, клеёный
Из семи пород деревьев,
Что растут в урманах наших».

«Нет, – ответил грустно Ваза, –
Нет, старик, я полон скорби,
Я бессилен, как ребенок,
Этот путь мне не по силам...
Ты ответь, скажи мне старец,
Разве солнце остановишь,
Как оленя в быстром беге?
Разве Ас' я ты запрудишь
И заставишь течь обратно?
Ты скажи мне, – миг короткий,
Миг ушедший возвратится?
Нет, – ты скажешь мне на это,
И на это я отвечу,
Мой родитель не по крови!

Наши боги вместе с Тормом
Обманули бедных маньси,
Наши боги вместе с Нумом
Пред лицом судьбы народа
Оказались бессильны.

¹ Мыга-хат – землянка, земляной дом.

² Анкет-вош – столб, обозначающий что-либо, в данном случае место могилы.

³ Боевое перо, которое прикрепляется для правильности полета стрелы.

Моя Ючо недвижима,
Моя Ючо не проснется
От последних сновидений...
Я просил Отца Торыма,
Я кричал ему на небо.
Эти крики человека
Ты ведь слышал, добрый ойка,
Ты ведь слышал, – я отрекся,
И теперь я отрекаюсь».

После этих слов мадура
Долго длилось молчанье,
Наконец его нарушил,
Обратясь с такою речью,
Старец древний, заклинатель:
«Дай мне руку, сын мой Ваза,
Руку сильную героя,
В длинной кожаной перчатке,
Нам не нужен атга-кег'е,
Меч героя в тяжких содып,
Закопай свою кольчугу,
Полотно из мелких колец,
Закопай и острый кег'е
Вместе с ножнами поглубже,
Путь далек, но мы вернемся,
Мы найдем живую воду,
Прут живящий мы отыщем».

Рано утром старый ойка
Вместе с мадуrom печальным
Схоронили мен'ен Ючо,
Меч тяжелый в медных содып
И кольчугу от Торыма
На горе под старым кедром,
И ушли. Куда? – Не знаем!

Песня девятнадцатая ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ КУКСЫ

В дымном чуме молчаливо,
Брови длинные нахмутив,
Кукса, старший из шаманов,
Восседал в шаманской шапке,
С длинным посохом для духов,
И кругом на драных шкурах,
Тихой заняты беседой,
Маньси Ксенты окружали
Старики в железной шапке¹,
С длинным посохом для духов.

Камелек трещал, бросая
Искры яркие, как мухи,
Ударяя тихо нялы²
Над огнем священным таут,
Горбун Тарни³ с лицом ойки,
Ученик послушный Куксы,
Сам, как ойк лицом, горбатый,
Нагревал привычно Тарни
Вещий пензер дальнеокий
Перед песнею шамана.
И огонь священный таут,
В шкуру пензера вливаясь,
Стрекотал кобылкой⁴ малой,

¹ Железная шапка – т.е. шаманская шапка, сделанная из железных обручей, наподобие короны.

² Нялы – колотушка.

³ Эта картина требует некоторого объяснения. Ученик, или помощник Куксы – горбун Тарни – перед огнем (таут) нагревает кожу шаманского барабана. Обыкновенно шаманы перед гаданием или сами или их помощники нагревают кожу на барабане. От действия огня она приобретает большую звучность, а во время нагревания издает звуки. На барабанах, как и на одеждах шаманов, бывают навешаны различные изображения, вырезанные из меди, железа, жести, и колокольцы.

⁴ Кобылка – сибирское название насекомого.

И ответ держала нялы
Громче, голосом совиным,
А кругом, позади чума, –
На земле вогулов Ксенты
Ночь беззвездная бродила
Без Кичиг¹, луны, без света.

«Барабан подай скорее,
О, подай скорее нялы! –
Крикнул Кукса, поднимаясь
С громким звоном на одежде².

Барабан подай скорее!»
И тотчас горбатый Тарни
Подав пензер ойке Куксе,
Подав нялы он шаману,
Отошел потом в сторонку,
Где сидел старик Матоди.
В горле Куксы клокотало:
Песня выхода просила,
Нялы выхода просила,
Нялы тихо застучала –
Слышно было лишь железо³.
Но не слышно было шкуры,
Шкуры дикого оленя
На шаманском барабане...
Нялы громко застучала,
Ей ответило железо.

¹ *Кичиги* – сибирское название Большой Медведицы, очень употребительное на обском севере.

² Т.е. звеня железом и бубенцами шаманского одеяния.

³ Шаманы виртуозно играли на своих барабанах. Первые удары Куксы, скользящие и легкие, вызвали только звон металлических предметов на барабане: «Слышно было лишь железо»; от следующих ударов уже звучала шкура и вместе с тем металлические предметы на барабане.

Бум, бум! – пензер зашаманил.
Бум, бум! – он ответил нялы.

«Мы людей не знали русских,
Людей с черной бородою,
Людей с рыжими усами,
Мы людей не знали русских,
Мы собак не знали пестрых,
Собак пестрых, вислоухих,
Мы не знали красной гостыи,
Старой бешеной старухи,
Мы не знали русской оспы», –
Так пропел начало Кукса.
«Старой бешеной старухи
Мы не знали», – хор ответил.
«Мы забыли это время,
Это время мы забыли,
И теперь все наши жены
Нас рожают слишком слабых,
Как ценят седьмых, последних,
Сукой старою рожденных,
Слишком слабых для охоты».

«Слишком слабых для охоты», –
Маньси хором повторили.
«Топоры звенят по лесу,
Место хлебу очищают...
Вижу зарево пожаров,
Гарью пахнет, ночь настала,
Дым застлал, как тучей, небо,
Белка, соболь, горностаи
Из урманов убегают...
Это русские для хлеба
Землю нашу очищают».–

«Землю нашу очищают», –
Повторили маньси Ксенты.
«Больше тучи комариной
На ходах звериных вижу
В землях наших русских хомов.
Белку бьют они из ружей,
Ловят охсыра капканом,
Волка травят белым ядом¹.
Вижу русских много, много
На глухих лесных дорогах».
«Русских много, очень много
На глухих лесных дорогах», –
Повторили все вогулы...
«Вижу лодки я на реках,
Что без весел, с черным дымом
Пробегают наши плесы,
Рыб пугают, словно звери,
Ночью ревом нас тревожат,
С каждым годом все их больше
Вниз бежит и вверх проходит»².

«С каждым годом все их больше
Вниз бежит и вверх проходит», –
Повторили все вогулы.
«На песках до речки Щучьей,
Что в Губу течет далеко,
Люди русские засели,
Взяли рыбу, наши рыбу,
Толстяки-купцы с Тобола,
Нам оставили лишь кости,
Чешую нам подарили.
Мы теперь для русских гости,
Парни глупые с рыбалок,

¹ *Белый яд* – стрихнин.

² *Низ, верх* – на Оби употребляются в смысле низовья и верховья реки.

Должники мы их навеки,
Их работники до смерти».

«Должники мы их навеки,
Их работники до смерти», –
Вновь вогулы повторили.
«Через горы днем и ночью
С Ижмы хитрые зыряне
Кроми-морт приходят в Маа,
Занимают наши земли,
Наши пастбища олени,
Жгут леса и топчут ягель,
Нежный ягель – корм оленей.
Замолчал печально Кукса,
Низко голову склонивши,
Зарыдал горбатый Тарни,
Барабан умолк шаманский,
Не стучала больше нялы,
И уныло Ксенты-маньси
С тихой грустью замолчали...
Так прошло мгновений много:
Мог олень два вдоха сделать»³.

И опять раздалась песня,
Песня Куксы о живущих,
О народе малом маньси.
«Не печальтесь, люди-маньси,
Мой народ, родные братья,
Марх-пол⁴ создал Нуми-Торым,
Имчи-пёл⁵ он дал для пищи
Первым людям в нашей Маа.

³ Вогулы иногда считают расстояние на «вдох оленя», т.е. то расстояние, которое пробегает олень, набрав воздуха, до того, чтобы снова передохнуть.

⁴ *Марх-пол* – морошка; по-вогульскому представлению о сотворении мира, Торым создал эти ягоды для пищи первых людей. Здесь в словах Куксы скрыта ирония.

⁵ *Имчи-пёл* – малина.

Ешьте ягоды, их много,
Людям русским их не надо.
Пусть охотники не тешут,
Не втыкают кольев длинных,
Где они убили лося¹,
Пусть охотники не режут
На коре корявых кедров
Выдру, соболя, медведя –
В знак того, что здесь охотник
Скараулил у речушки
Выход выдры у полыньи,
В знак того, что здесь охотник
Добыл соболя на кедре
И убил отца медведя
На мирской большой дороге.
Мы теперь ведь не вогулы,
Разве нас узнает ойка,
Старый ойка, древний ойка,
Если б встал он низ колоды²
И пришел бы этой ночью
К нам сюда неторопливо?
Он спросил бы: «Что за чашки
Вы на голову надели,
Кто вам сшил рубахи ваши,
Разве бабы позабыли
Шить вогульские узоры:
Ханды-ханч³ – тетеревиный,
Много требующий ниток,
Кирэм-ханч⁴ – узор немудрый,
Можно в сутки вышить пару,

¹ Вогулы нередко оставляют приметы (знаки) там, где они добыли зверя; например, добычу лося отмечают шестом, воткнутым в землю; убитых выдру, медведя, лису, соболя и т.д. отмечают изображением их на коре деревьев. Делают также зарубки, означающие число прошедших охотников, направление и пр.

² Колода – долбленный из целого ствола лиственницы гроб.

³ Ханды-ханч – вышивка, изображающая тетеревов.

⁴ Кирэм-ханч – простой рисунок вышивки.

И узор другой старинный,
Савэм-ханч⁵ мы называли,
Где мы с гусем и медведем
Осетра изображали».

«Вижу я, – сказал бы ойка, –
Ваши бабы нитки портят,
Что здесь вышили на брюхе,
Как зовут узоры эти?»
И тогда бы отвечали
Старику времен минувших:
«Это русские узоры,
Руты-ханч⁶ – узор зовется,
ы не знаешь их, старинный,
Мы у русских переняли
Эту вышивку недавно».

«Эмас, эмас, – ойка скажет, –
Нынче понял, в чем тут дело,
А теперь еще скажите,
Где вы, где вы, сыровати⁷,
Кэвен-перна⁸, косоплетка
Из тяжелых бус прозрачных, –
Ухчунде⁹ их называли?» –
«Их теперь не носят, ойка, –
Мы ему бы отвечали, –
Нет теперь уж тех нарядов,
Что ты знаешь, Замогильный,
В нашей жизни перемена,
Мы теперь не понимаем

⁵ Савэм-ханч – старинный символический рисунок.

⁶ Руты-ханч – русский узор.

⁷ Сыровать – женская повязка из бисера.

⁸ Кэвен-перна – нагрудное женское украшение.

⁹ Ухчунде – косоплетка из бус.

Многих слов из тернинг-ери,
Песен старых, позабытых,
Мы теперь уж не городим
На увалах круг паулов
Частоколы из деревьев,
Ситтан-вож¹ – их называли,
Мы теперь свинцовой пулей
Из железного пёскин²
Бьем и соболя и белку,
И лисицу и медведя,
Леп-томар – подобье вилки,
Пус-томар – стрела-лопатка
Нам теперь не нужны больше –
Это детская забава.
Мы пьем чай, уш-йинк³ забыли,
Вместо понха-мухомора
Водку пьем с печатью царской,
Носим плис, кумач и ситец
И играем на гармошке
Вместо хотанга и ниэ.
Пляшем мы теперь по-русски,
А не топчемся на месте,
Как то делает, токуя,
Птица глупая тетеря».

«Эмас-эмас, – скажет ойка, –
Вижу, много перемены
В вашей жизни наступило,
Ну, теперь опять прощайте,
Я пойду в свою колоду,
Мне там лучше, старикашке».
И тихонько старый ойка

¹ Ситтан-вож – частокол, крепость.

² Пёскин – ружье.

³ Уш-йинк – навар березового нароста.

Вновь в могилу уплетется.
Эта песня без начала,
Я не знаю окончания
Этой песни, маньси Ксенты.
Барабан не скажет ночью,
Не ответят на вопросы,
Что в грядущем ожидает,
Духи, вызванные мною.
Эта песня о живущих,
Я не знаю ей начала,
Эта песня о прошедшем,
Что потеряно навеки,
Нет конца у этой песни».

**Песня двадцатая
(Заключение)
ОЖИДАНИЕ ВАЗЫ**

Кто-то в двери постучался,
На кого-то лают ампы,
Снег скрипит, и вьюжный ветер
Забивает дым в чувале.
«Эй, вставай скорей, хозяин,
Поднимись скорей, хозяйка,
Отвори же гостю двери,
Гостю позднему, ночному,
Он уста с дороги дальней,
Он давно проголодался
И промерз от непогоды,
Может быть, за дверью в юрту
Ваза входа ожидает.
Ты не знаешь ведь, хозяин,
Ты не ведаешь, хозяин,
Что на тройке быстроногих,
Вместе с Ючо черноокой,
Вместе с счастьем для вогулов
Ваза ждет тебя, ленивый!

И ты, первый из народа,
В юрту дымную, к чувалу
Проведешь мадура, Ючо,
Лайку белую, Снежинку;
И ты, первый из народа,
Поклонившись музыканту,
Скажешь с радостью сердечной:
«Пайсе, отер, ойка рума,
Пайсе, жданный избавитель».

Кто на тройке быстроногих,
Тучи снега поднимая
Нартой, сделанною крепко,
Мчится ветром мне навстречу?
Кто поет, я слов не слышу,
Слов далеких не пойму я,
Вот он ближе, вижу ампу,
Лайку белую, и лица,
Парки, шитые узором.
Кто спешит ко мне навстречу,
Кто чужой здесь проезжает?

Может быть, то Ваза-мадур,
Хатга-инк и хатга-нер'ем
Отыскав в стране далекой,
Оживив невесту Ючо,
Вместе с ней и со свободой,
На оленях быстроногих
Держит путь в паулы Ксенты,
Под мехами спрятан кег'е –
Меч тяжелый кольчуга –
Полотно из мелких колец,
Впереди бежит Снежинка,
Лайка белая мадура.

Нет, не Ваза, путник дальний,
Бравый парень едет с бабой,
Погостить он едет к тестю.
Не везет он в нарте кег'е,
Не везет с собой свободы,
Но когда-нибудь в дороге
Встречу я мадура Вазу,
И тогда я крикну громко:
«Пайсе, отер, ойка рума,
Пайсе, жданный избавитель!»

«Старый ойка, ты не слышишь, –
Крикнул внучек деду в ухо, –
Вон, смотри, там на приплеске,
Где с тобой нашли мы кости
Мухор-онгет, словно камень,
Вон, смотри, там на приплеске,
Вон под самым красным яром
Кто-то машет рукавицей
И кричит: скорее лодку!»
«Лодку? Врешь же ты, мальчишка,
Там дороги нет и птице,
А ты видишь человека.
Ты скажи, откуда взялся
Тот, кто машет рукавицей,
Не из яра же он вылез,
Не слетел он легкой птицей
На приплесок прямо с яра», –
Так ответил ойка внуку.

«Ой, не вру я, старый ойка,
Ясно вижу: их там двое,
Вон он машет рукавицей,
Баба села на корягу,
На приплеске собачонка», –

Повторил парнишка деду
И потом опять добавил:
«Много раз ты, старый ойка,
Говорил мне: мадур Ваза
Оживит невесту Ючо,
Он найдет живую воду
В темном царстве Петлим-емдер
И вернется вновь оттуда
Через ход подземный, темный,
Ход Мухора-великана.
Не вернулся ль это Ваза,
Не сидит ли на коряге
Ючо – белая березка,
И не бегает ли лайка,
Лайка белая, Снежинка,
Там под яром, на приплеске?»

«Ну, смотри, – ответил ойка, –
Если врешь ты, будешь битым,
Спустим лодку и поедем»...
В это вечер в чуме темном
Так сказал парнишке ойка:
«А когда-нибудь с тобою
Мы увидим все же Вазу,
Может быть, меня не будет,
Я умру, в колоду лягу,
Пожил ладно я на свете,
А тебе случится видеть,
Так скажи ему от деда:
«Пайсе, отер, ойка рума,
Пайсе, жданный избавитель».
Много лет на устье Сосьвы,
Сор¹ где длинный протянулся,

На увале, в темных кедрах,
Есть избушка и амбарчик,
На столбах стоит амбарчик,
А избушка на подпорках.
От реки к избушке прямо
Проторенная дорожка
Круглый год чернеет змейкой.
На приплеске, где коряги,
Словно пальцы великанов,
В ил речной впились глубоко,
Есть там морды, гимги², сети,
Дальше виден через реку
Крепко сделанный заездок³,
Лодка с острою кормою.
Если путник темной ночью
Едет речкой мимо мора,
Он увидит на увале
Огонек, дрожащий в кедрах;
И потом себе он скажет:
«Огонек/, я вижу близко, –
Значит, близко есть и люди,
Я не буду торопиться:
Ночь июльская недолга,
Высекать огонь не стоит,
Зажигать костер-работа,
Пут-поот дорожный, малый,
Не обгонит кипяченый,
А наверно эти люди
Уж давно там скипятили.
Лучше будет – я пристану,
Разомну язык и ноги,
Отдохну, а рано утром

¹ Сор – низкий, поросший кустарниками берег, обычно затопляемый весенней водой.

² Морды, гимги – плетеные из прутьев рыболовные снаряды.

³ Заездок – перегородка через всю реку; в отверстия ее ловится рыба посредством гимг и т.д.

Снова выеду в дорогу».

Если путник здесь пристанет,
Лодку вытащит на берег
И пойдет на огонечек,
То придет к избушке деда –
Ойки, старого вогула,
Поп зовет его «Петрушка»,
Так крестил его он в речке,
Под таким же он названьем
Платит в царскую казенку¹
Ясак-подать и поминки,
Много, много всяких сборов,
Все он старый не упомнит, –
Это знает только писарь.
А вогулы рыболова,
Старики на устье Сосьвы,
Называют не «Петрушкой»,
А «Налимьим барабаном»
И Кутонею-шаманом.
Темной ночью он расскажет,
Если путник пожелает,
Что написано здесь в книге,
Названа она мной: «Тундра» –
«Янгал-маа» – то же значит.

¹ *Казенка* – казна; далее перечисляются царские налоги: ясак – подать, поминки – подарки начальству, попу и т.д.; по неграмотности вогулы плохо разбирались в этих налогах, для чего нанимали писарей, которые обычно их немилосердно эксплуатировали и обманывали.

Авдеев Иван Иванович

МЕДВЕЖЬЯ ПЕСНЯ О ГОРОДСКОМ БОГАТЫРЕ

Живёт старик – городской богатырь в крепости,
Окруженной железными стенами,
Окруженной деревянным частоколом.
Еще с малолетства был прекрасный охотник:
Не пропускал он мимо себя ни одного зверя,
Бегающего по земле,
Не пропускал он мимо себя ни одной птицы,
Летающей в воздухе.
Однажды в жаркое длинное лето,
Однажды в комариное лето
Настает хорошее время для тормовки.
Отправляется старик на торговую реченьку.
Река извивается, как гусиные кишки,
Река извивается, как утиные кашки.
Едет он по ней на своей носатой лодке с носом:
Не встречается нога ни одного зверя,
Е встречается крыло ни одной птицы.
Свою лодочку узкую, как лезвие ножа,
Хотел он повернуть обратно.
Как увидел своими зоркими глазами
Меня, годовалого могучего зверя.
Разгуливал я по берегу реки с берегами.
Бросил городской богатырь в меня стрелу
С наконечником, гранённым, как клюв ворона.
Наконечник граненный, как нос ворона.
Пронзил святилище могучего зверя.
Опустился я на землю
С добрым настроением тихого ветерка.
Подъехала носатая лодка с носом к берегу,
Вышел на берег городской богатырь,
Прицепил меня крючком к кремлевому луку

И перебросил за спину.
Затем садится на средину лодки со срединою
И возвращается домой.
Когда подъехал к пристани города с пристанью,
То грубо выбросил меня на берег
И там содрал мои священные одежды.
Голову и шкуру искромсал топором
И бросил в маленький чум,
Где живут женщины роженицы,
Где живут женщины во время менструаций.
Остальное же мясо изрубил на мелкие куски
И выбросил для собак
На средину посёлка со срединою¹.
Снохи городского богатыря
Обтирают о мою шкуру свои грязные ноги,
Снохи городского богатыря
После стирки своей одежды
Льют на мою шкуру грязную воду.
Батюшка Нуми-Торым²,
Почему нарёк ты меня священным зверем,
Если допускаешь такие издевательства?
Батюшка Нуми-Торым,
Смилуйся надо мной
И накажи этого преступника,
Злого городского богатыря!
Разгневанный дух могучего зверя
Отправляется в могучий лес с темными деревьями.
Обходит он все семь его углов,

¹ Старик богатырь города (Усынг отыр ойка) является, по-видимому, предводителем какого-то рода, входящего во фратрию Моц. Раньше фратрия Моц медведя не почитала и празднеств в его не устраивала, объясняя это своим ненецким происхождением.

² Торум – бог, в прошлом, очевидно, тотем. Слово полисеманлично, так как одновременно обозначает: эпоху, небо, погоду, время. Мир, согласно мансийской религии, имеет семь ярусов, семь пределов. Бог, заведующий первым мировым пределом над землей, и есть Нуми-Торым (букв. верхний бог, верхнее небо).

Находит все семь его берлог
И созывает весь медвежий род
На войну с городским богатырем³.
Идут семь разгневанных медведей
Брать кровавым приступом
Крепость городского богатыря,
Окруженную железными стенами,
Крепость городского богатыря,
Окруженную деревянным частоколом.
Хоть они и подступают к крепости,
Хоть и влезают на её стены,
Но не трусит и городской богатырь
С многочисленными сыновьями.
Осыпают они их стрелами,
Обрубают их пятипалые лапы с пальцами,
Бежит мой разгневанный дух
В образе хвостатой мыши,
Бежит в темные углы дремучего леса.
Обходит он семь его углов,
Находит все семь его берлог.
Идут на помощь
Ещё семь медведей – моих братьев.
Но не тут-то было:
Как только просовывается
Медвежья лапа меж частоколом,
Так сейчас же и пробивает её
Железный наконечник стрелы.
Отступает с большими потерями медвежий род.
Бегу опять я
В прекрасном образе хвостатой мыши
В дремучий лес с темными деревьями.
– Послушай, батюшка Нуми-Торым,

³ Род животных так же. Как и человеческий род, по представлениям манси, мстит за оскорбление, нанесенное одному из его членов.

Городской богатырь
Оскорбил меня, лесного зверя, –
Оскорбил меня, лугового зверя.
Если действительно
Назначил хранителем клятвы,
То отомсти за это оскорбление!
Батюшка Нуми-Торым,
Опусти на землю
Моего старшего брата с изогнутой шеей¹
Только он может победить городского богатыря
Батюшка Нуми-Торым
Опускает с неба на железной цепи,
В люльке, сплетенной из древесных корней,
Моего старшего брата.
Осаждает старший брат
Крепость городского богатыря,
Окруженную железными стенами.
Разрушает он крепость городского богатыря,
Окруженную деревянным частоколом.
Хоть и мечут богатыри
Стрелы с железными наконечниками,
Да попусту:
Только срывается шерсть на его одежде;
Хоть и пытаются богатыри
Продолжать борьбу копьями, да попусту:
Отскакивают копья от его одежды.
Струсил старик – богатырь города
И убежал на задворки города с задворками.
Мчится и мой старший брат
На задворки города с задворками.
Прячется старик – богатырь города в амбарчик
Заскакивает туда и старший брат
С изогнутой шеей.

¹ В данном случае имеется в виду мифический медведь-предок, который, по сказаниям, был спущен с неба на железной цепи богом Нуми-Торымом и является сыном последнего.

Говорит старик – богатырь города:
– Если, правда, убил я священного зверя,
Если, правда, убил я хранителя клятвы,
То попробуй перекусить
Железный обух моего топора.
Перекусишь – признаю свою вину.
Перекусывает старший брат
Железный обух топора,
Перетирает железо
В крупинки мелкие. Как песок,
В крупинки мелкие, как пыль;
С страшным ревом,
Готовый пожрать город,
С страшным ревом,
Готовый пожрать деревню,
Набрасывается на богатыря
И разрывает его в клочья,
Величиной в шкурки туфельные,
Разрывает его в клочья,
Величиной в шкурки рукавичные
Кай – я – ю – их!²

МЕДВЕЖЬЯ ПЕСНЯ О МЛАДШЕЙ ДОЧЕРИ КУЗНЕЦА

У старика, добывающего железо,
У старика, кующего железо,
Были три дочери,
Мастерицы обращаться с иглой и наперстком,
Мастерицы шить одежды из звериных шкур.
Однажды в жаркое, удушливое лето,
Лето с роями комаров и мошек,
У младшей дочери пропал головной платок.

² Непереводимое заклинание, которым заканчивается каждая медвежья песня.

Подошла она к своей старшей сестре
И закричала сердитым голосом:
– Зачем ты, негодница, украла
Мой красивый головной платок,
Сшитый из семи кусков разноцветных тканей?
Заспорили меж собой две сестры
И вцепились друг другу в волосы.
Выбежала тогда младшая
На середину поселка со серединой,
На середину поселка с жертвенной площадкой
И замахнулась там острием топора
Над заплесневелой головой священного зверя.
– Дорогой дедушка – лесной зверь,
Если действительно ты хранишь клятву,
А сестра действительно украла
Мой красивый головной платок,
Сшитый из семи кусков разноцветных материй,
То выбрось её из пределов дома
На середину поселка с серединой
И разорви там на куски,
Величиной со шкурки туфельные,
Величиной со шкурки рукавичные.
Если же напрасно я возвела на нее обвинение,
То погуби моего отца, добывающего железо,
Моего отца, кующего железо.
Когда отец мой пойдёт добывать руду,
Разорви ты его на куски,
Величиной со шкурки туфельные,
Величиной со шкурки рукавичные.

– Прислушиваюсь я чутким ухом лесного зверя
К словам клянущейся женщины.
Ах, пропадина девка, что ты болтаешь!
Как зверь, верно хранящий клятву,
Сажусь у дороги,

До колена протоптанной
Стариком-добывателем железа;
Сажусь у дороги,
До груди протоптанной
Стариком-ковачем железа.
Жду я много – четыре дня,
Жду я много – три дня.
Однажды как послышится
Шуршащий звук багульника,
Шуршащий звук опавших листьев,
Смотрю я, зверь, двумя своими звёздами:
По протоптанной дорожке
Бежит собака, величиной с оленьего теленка,
Повсюду всё обнюхивает,
Повсюду все осматривает.
Как зверь уцелеет там,
Где бегают такая собака!
Отнял я чутье носа собаки с чутьем носа,
Отнял я зоркость глаз собаки с зоркостью глаз.
Так и пробежала она, не заметив меня.
Продолжаю сидеть у краюшка тропы.
Жду я столько времени,
Сколько надо,
Чтобы свариться мерзлой рыбе,
Сколько надо, чтобы свариться талой рыбе.
Вдруг показывается
Человек ростом с лесного менква¹,
Человек ростом слуги лесного менква
Это и есть старик, добывающий железо,
Старик, обрабатывающий железо.
Проклятая баба, пропадина девка!
Из-за нее я должен убить невинного человека.
Наскакиваю я на старика

¹ Менква – лесной дух, почитаемый фратрией Пор и очень похожий на русского лешего.

С диким ревом, готовый пожрать деревню,
С диким ревом, готовый пожрать город.
Разрываю его в клочья,
Величиной в шкурки туфельные,
Величиной в шкурки рукавичные,
И перемешиваю их с лесным мохом,
Перемешиваю их с горным мохом.

Разгневалось сердце мое могучего зверя.
Направляюсь я в город,
Где жил убитый старик,
Направляюсь я в деревню,
Где жил убитый старик.
Подхожу к его расхлябанному-расхлябанному дому,
Открываю своими ручками дверь,
Сделанную из еловых досок,
И становлюсь на середину досчатого пола.
Смотрю звездами могучего зверя:
Старшая дочь старика сидит у краюшка очага,
Младшая же на нарах,
Устланных звериными шкурами.
Шьет младшая дочь
Поделки из соболиных шкур,
Поделки из шкур зверя.
Открываю сундук, окованный железом,
Сундук с семью железными замками,
Вынимаю головной платок,
Сшитый из семи кусков разноцветных тканей,
И кладу его на колени младшей дочери старика.
Затем, пятипальными ручками с пальцами,
Схватываю волосатую девицу за волосы
И выбрасываю её из дома
На середину посёлка со серединой.
И разрываю все тело в клочья,
Величиной в шкурки туфельные,
Величиной в шкурки рукавичные.

– Поклянешься ещё, собачья дочь, попусту!¹
Ухожу я, могучий зверь,
Крупными шагами своей матушки
В далекие углы дремучего леса,
В далекие углы закуржевелого леса.
Кай – яй – ю – их!

МЕДВЕЖЬЯ ПЕСНЯ О ХРАБРОЙ СТАРУХЕ

Проживаю я, священный зверь,
Жаркое длинное лето,
Созданное моим батюшкой Нуми-Торымом,
Провожу я, священный зверь,
Комариное длинное лето,
Посланное моим батюшкой Нуми-Торымом.
Хоть оно и бедно лесной ягодой,
Хоть оно и бедно кедровыми шишками,
Но наполняю я свой ненаполнимый кузовок,
Наполняю я свою ненаполнимую посудину.²
Однажды во время прогулки
Увидел землю, широкую землю,
Увидел озеро, широкое озеро.
Как вещей лесной зверь, отгадываю я:
Это древнее священное место
С изображением божеств.
Смотрю я зоркими глазами
А противоположную сторону озера:
Там места, богатые ягодой,
Там места, богатые шишками.
Сажусь я в свою невертящуюся лодочку³
И плыву на другую сторону священного озера.

¹ Клятва над медвежьей лапой или черепом считается у манси делом очень ответственным. Поэтому человек прибегает к ней лишь в крайних случаях и в полном сознании своей правоты. В данном случае девушка, отнесшаяся к ней легкомысленно, погибает от медвежьих лап.

² Так называется желудок медведя.

³ Подставное название для медвежьей груди – хап, что значит «лодка».

Послышался плеск воды от весел,
Послышался скрип уключин.
Смотрю я звездами священного зверя:
Едут на лодке старик со старушкой.
Вдруг замечает меня зоркими глазами
Старуха, сидящая на вёсах.
– Старик, посмотри, старик!
Там плывёт могучий лесной зверь,
Там плывёт могучий луговой зверь.
Отвечает ей старик, сидящий на корме
– Глупая, бестолковая баба,
Откуда появится могучий зверь?
Это плывёт обросшее мохом большое бревно,
Которое поднялось со дна днистого озера.
– Нет, нет, старик, это могучий зверь,
Смотри, он уже подплывает
К берегу озера с берегами.
– Брось, старуха, пустое болтать!
Это плывёт не то вереница гусей,
Не то вереница уток с утятами.

Взмолилась старуха богу.
– Батюшка Нуми-Торым,
Преврати меня в мужчину,
Опоясанного двумя ремнями.
Хочу наказать я могучего зверя,
Который попусту разгуливает по лесу.
Разрывает она
Свой шелковый платок с длинными кистями
И подпоясывается его лентами,
Как мужчина ремнями.
Нож женщины – мастерицы.
Нож женщины, вырезающей узоры,
Заплетывает в рукава одежды с рукавами.

Как раскроет она свой зубастый рот
С семью зубами:
– Куда бежишь ты, дедушка – могучий зверь?
Разорви меня в клочья,
Величиной в шкурки туфельные,
Величиной в шкурки рукавичные.
Смешай куски моего тела с горным мохом,
Смешай куски моего тела с лесным мохом.
Как голодный священный зверь,
Выскакиваю я на неё,
С диким ревом, готовый пожрать деревню,
С диким ревом, готовый пожрать горд.
Но нож женщины-мастерицы
Нож женщины, вырезающей узоры,
Насквозь пронзает моё святилище,
Закружилась у меня голова,
Как будто от пьянящих мухоморов,
И повалился я на землю.
Старуха бежит к берегу и кричит:
– Старик, иди-ка за мной!
Подходят они к моему телу,
Расстегивают четыре пуговицы
На одежде могучего зверя,
Расстегивают пять пуговиц
На одежде могучего зверя,¹
Кладут меня в люльку из древесных прутьев,
В люльку с обручами и перекладинами²
И несут к берегу реки с берегами.
Садят меня, как дорогого гостя,
На середину лодки со серединою.
Кричат три раза о лесном звере,

¹ На брюхо медведя кладутся четыре или пять веточек. Разламывание их означает расстегивание пуговиц на его одежде (шкуре).

² Имеется в виду приспособление из деревянных прутьев для переноски шкуры и головы медведя из леса в юрты.

МЕДВЕЖЬЯ ПЕСНЯ О СТАРУХЕ РОПАСКЕ

Кричат четыре раза о луговом звере¹.
Как раскроет старуха
Свой зубастый рот с семью зубами:
– Старик, когда мы прибудем
К многочисленным мужчинам поселка,
К многочисленными женщинами города,
Смотри, не говори,
Что мной опущен² могучий зверь.
Подъезжает носатая лодка с носом,
К пристани поселка с пристанью.
Выбегают на берег
Многочисленные мужчины поселка,
Многочисленные женщины города.
Одни из мужчин кричат:
– Смотрите, друзья!
Это ведь старухой опущенный священный ум:
Смутился мой священный ум:
– Что болтаешь ты, собачий сын!
Пал на меня стыд на всю деревню,
Пал на меня стыд на весь город.
Не могу смотреть своими звездами.

Сажают меня на досчатую полку из трёх досок,
На досчатую полку из четырех досок.
Обильно угощают озерной пищей,
Обильно угощают обской пищей.
Восседаю я, как лесная женщина,
Почитаема я, как горная женщина.
Начинается праздник с весёлой пляской ног,
Начинается праздник с весёлой пляской рук,
Пляшут пять светлых ночей Торыма,
Пляшут семь светлых ночей Корса.
Кай – яй – ю – их!

Живёт старуха Ропаска
В пятидворовом посёлке с пятью дворами,
Обитает старуха Ропаска
В десятидворовом посёлке с десятью дворами,
Без разрешения её – могучей хозяйки посёлка
Ни одна женщина никуда не отправится.³
Вот открывает она свой рот с десятью зубами:
– Многочисленные женщины посёлка,
Многочисленные женщины города,
Как будто настала пора сбора ягод.
Сходить бы нам, дорогие женщины,
В дорожку собирания ягод.
Все женщины поселка, все женщины города
Поднимают на спины большие чуманы⁴,
В руки берут маленькие
И спускаются к лодочной пристани с лодками.
Старуха Ропаска, как хозяйка, идёт впереди.
Садятся многочисленные женщины посёлка,
Садятся многочисленные женщины города
В большую лодку семи сажен.
Садится также и старуха
На средину лодки со срединою.
Оттолкнулись женщины
От берега реки с берегами
И быстро поплыли по её середине.
Плыли так, пока бабушка Ропаска не промолвила:
– Многочисленные женщины посёлка,
Многочисленные женщины города,
Пало мне на старческий ум,
Что когда была я девушкой,

¹ При перевозке тела убитого медведя в юрты охотники часто останавливаются, стреляют из ружей и кричат «Утчува-на-е». Это слово расшифровке не поддается.

² Нельзя говорить «я медведя убил», можно лишь «Я медведя опустил».

³ Поскольку старуха Ропаска (собственное имя женщины) выступает, как предводитель рода, как «хозяйка посёлка», то образ её, очевидно, очень древен и восходит к эпохе матриархата.

⁴ Чуман – посуда из бересты.

Вот здесь было болото, богатое морошкой.
И как раз отсюда
Шла весёлая дорожка собирания ягод.
Правьте там на корме лодки с кормой.
Подъезжайте носом носатой лодки к берегу.
Исполняется приказание хозяйки поселка
И пристаёт носатая лодка с носом к берегу.
Поднимают женщины
Многочисленные чуманы с круглыми горлышками,
Поднимают девицы
Многочисленные чуманы с корневыми обручами
И идут по весёлой дорожке собирания ягод.
Говорит старуха Ропаска:
– Любезные женщины посёлка,
Если нападёт на вас какой-либо зверь,
То полагайтесь на меня, как на крепкое дерево,
Которое никогда не сломится.
Находит много-много морошки,
Крупной, как наконечник стрелы.
Женщины с искусными руками
Дно посуды своей едва покрыла,
Женщины с ленивыми руками
И морошки до рта не донесли,
Как выскочил на них священный зверь,
С диким ревом, готовый пожрать деревню,
С диким ревом, готовый пожрать город.
Визжат поселковые женщины от страха,
Бегут к лодке семи сажень
И отъезжают на ней
На средину реки со срединою.
Не убежала от зверя
Лишь одна старуха Ропаска.
Накидывает она на голову зверя
Большой берестянный чуман.
Тот теперь хоть и ударяет
Своими могучими лапами,

Так только по бересте,
Если и разрывает что
Своими острыми когтями,
Так только её.
Тем временем Ропаска выхватила
Свой женский нож,
Изукрашенный изображениями животных,
И пронзила им святилище могучего зверя.
Закружилось в голове у него,
Затуманилось, как будто от пьянящих мухоморов,
И рухнул он всей тяжестью на землю.
Ропаска же осталась невредима,
И лишь чуть-чуть поцарапаны у неё щёки.
Осматривается вокруг себя:
Поселковых женщин, городских женщин не видно.
Спускается к лодочной пристани с лодками
И видит, что они уж далеко не середине реки.
– Ах, вы, собачьи дочери,
Ведь говорила же я вам не пугайтесь
И полагайтесь на меня,
Как на крепкое дерево,
Которое никогда не сломится.
Выходите сейчас же все на берег!
Подъезжает носатая лодка с носом к берегу.
Выскакивают поселковые женщины,
Городские женщины на берег:
Как будто кто бросает
Многочисленные свертки весенних шкур,
Как будто кто разворачивает
Многочисленные свертки осенних шкур
Старуха же Ропаска
Расстегивает четыре пуговицы лесного зверя,
Пять пуговиц лугового зверя,
Снимает с него священную малицу.
Кладет она его
В красивую колыбель со спинкой из корней,

Переносит на берег
И, как дорогого гостя
Помещает на средину лодки со срединою.
Едут многочисленные женщины в поселок,
Едут с весельем девичьей песни!
Пятикратно выкрикивают слова могучего зверя.
Приплывают они к пристани поселка с пристанью.
Выскакивают к ним навстречу
Многочисленные мужчины поселка,
Многочисленные мужчины города:
Как будто катятся свертки осенних шкур,
Как будто катятся свертки весенних шкур.
Весело играют в водяную игру.¹
Приготовляет старуха
Дом для веселья юношей,
Дом для веселья девиц;
Украшает дом для пляски лесного зверя,
Украшает дом для пляски лугового зверя.
Усаживает лесного зверя в гнёздышко,
Наполненное обской пищей,
Наполненное озерной пищей.
М проводят пять светлых ночей Торыма,
И проводят семь светлых ночей Корса.
Кай – яй – ю – их!

МЕДВЕЖЬЯ ПЕСНЯ О ГАГАРЕ¹

Жила-поживала гагара в теплой земле.
Пала ей в голову мысль – слетать на север,

¹ При приезде охотников с убитым медведем в юрты, жители, которые встречают их, борются и, с целью очищения от совершенного преступления, плещутся водой (летом), или перебрасываются снегом (зимой).

² Гагара у манси считается священной птицей.

В холодную землю снежного ветра,
Населенную северным народом.
Поднимается гагара
В среду бегущих облаков,
Поднимается гагара
В среду идущих облаков
И летит в холодную землю снежного ветра,
Населенную северным народом.
Здесь спускается
К озеру с осочными берегами,
Здесь спускается
К озеру с кочковатыми берегами.
Долго летевшие крылья приутомились,
Долго работающие ноги обессилели.
Течет ее золотая дума:
«А что, если вырастить здесь сыновей,
Вырастить на слав здесь дочерей?»
Свивает гнездо для вывода детенышей.
Кладет в него много – три яйца,
Кладет в него много – четыре яйца.
Из яиц, покрытых железной скорлупой,
Выводит она сыновей, выводит она дочерей.

Батюшка Нуми-Торым
Подул на землю холодным ветром.
Каждый день льет дождь.
– Что же я, гагара, буду делать?
Остаться в северной старне нельзя,
Дети сидят еще в гнездышке
И летать не умеют.
Дорогие мои детушки,
Пусть растет ваше тело,
Когда льет дождь,
Пусть крепнут ваши кости,
Когда дует ветер.

Полечу я в далекую южную страну,
Вы же оставайтесь
В холодной земле северного ветра
Батюшка Нуми-Торым защитит вас.
Взмахивает крыльями мать гагара
И улетает в южную солнечную страну.
Одни остаются ее детушки.
Дует холодный ветер,
Разражается сильный дождь.

Иду я, могучий зверь,
По берегу реки с берегами.
Отыскиваю я священную лесную холку,
Недоступную для женщин,
Отыскиваю я священную лесную холку,
Недоступную для мужчин.
Вдруг заметили мои звезды
Двух малюток – гагар, сидящих на кочке.
Ветер и дождь разрушили их гнездышко.
– Бедные малыши,
Ноги у вас слабые, крылья не окрепли.
Что же вы здесь сидите?
Наступила осенняя пора
С обильным инеем на носу ворона,
С обильным инеем на носу тетерева.
Нужно вам куда-то укрыться.
– Мудрый, священный зверь,
Куда же мы тронемся?
Сам ты говоришь, что ноги у нас слабы,
Говоришь, что крылья у нас еще не окрепли.
Доброе сердце могучего зверя
Прониклось жалостью.
Отыскал я священную лесную холку,
Недоступную для мужчин.
Делаю, зверь,

Земляной балочный дом с балками¹.
Вношу туда моху-то
Две полные охапки,
Вношу туда богульника-то
Три полные охапки.
Изготавливаю соболиное гнездышко
Для зимовки.
Рядом делаю прекрасное гнездышко
Для малюток-гагар.
Поднимаю малюток
Двумя ручками могучего зверя,
Несу их в балочный дом с балками
И там кладу в гнездышко,
Обильное озерной пищей,
Обильное обской пищей.
Переживаем мы ледяную зиму,
Переживаем мы снеговую зиму,
Кай-я-ю-их!

МЕДВЕЖЬЯ ПЕСНЯ О СТАРИКЕ-ФИЛИНЕ

Лежу я, луговой зверь,
В своем болочном доме с земляными балками,
Лежу я, лесной зверь,
В своем жердяном доме с земляными жердями.
Как выставил наружу
Свою косматую голову с косами:
Оказывается, мой батюшка, высший свет,
Уж превращается в жаркое длинное лето.
Направляюсь я искать места, богатые ягодой,
Направляюсь я искать места, богатые шишками.
Какая же это показалась предо мной река?
Как вещий зверь пытаюсь узнать:

¹ «Земляной балочный дом с балками» – медвежья берлога.

Это река, которая в прошлом году
Была богата весенней рыбой;
Это река, которая в прошлом году
Была богата осенней рыбой.
На ней тогда хоть и стоял запор с жердями,
На ней тогда хоть и стоял запор со стойками,
Но теперь он совершенно развалился.
Шествую дальше.
Борик с каким славным именем встречаю я?
Отгадываю, вещий зверь:
Это борик реки Налим.
Он такой же, как и прежде.
Шествую дальше.
Подошел к травянистому болоту
Для посадки гусей,
Подошел к травянистому болоту
Для посадки уток.
Затем показалась река,
Шириной в дугу полета стрелы,
Воды которой
Текут через рты семи менквов.
Сажусь на свою невертящуюся лодочку,
Беру в руки весла с изображением тетерева
И переправляюсь
На противоположную сторону реки.
Шествую по берегу и вижу,
Что показался жердяной поселок
С одним домиком.
Подхожу я к однодворному поселку
С одним двором.
Оказывается, знакомое место:
Прошлый год
Поселок был богат весенней рыбой,
И я сюда частенько заглядывал,
Прошлый год
Поселок был богат осенней рыбой,

И я любил ею лакомиться.
Шествую дальше.
Показалась река, каким именем прославляемая?
Как вещий зверь, пытаюсь узнать я:
Это маленькая речка, вытекающая из озера.
В прошлом году на ней был
Жердяной запор с одной жердью.
Отыскиваю я звездами могучего зверя
Жердяной запор с одной жердью,
Жердяной запор со стойками.
Ага! Увидел.
Стоишь ты, моя морда,
Наполненная весенней рыбой.
Плавает в тебе
Много окуней с узорчатыми боками.
Спускаюсь на середину реки
По жерди запора с жердью,
Вношу голову могучего зверя в воду,
Подтягиваю когтями морду вверх
И выныриваю обратно,
Подобно маленькой утке.
Ещё трепещете вы, окуни с узорчатыми боками?
Выхожу на берег.
Разрываю я морду,
Наполненную весенней рыбой,
Но вот беда:
Одна половину моих окуньков
Уплывает в воду,
Другая половина моих окуньков
Рассыпается по берегу.
Разгневался я, зверь,
И не стал преследовать их.
Возвращаюсь, голодный и обиженный,
К однодворному поселку с одним двором.
Он. Как будто, был богат осенней рыбой.
Подхожу я окошку дома с окошком.

Хоть и пытаюсь его открыть
– Не открывается.
Выбиваю раму лапой могучего зверя.
Как посмотрю
В отверстие дома с отверстием:
На полу стоит
Множество чуманов сушеной рыбы;
Как посмотрю
В отверстие дома с отверстием:
На полу лежит:
Много сушеного оленьего мяса:
Как посмотрю
В отверстие дома с отверстием
Лежишь и ты,
Дорогой мешочек с пшеничной мукой.
Вот так добыча привалила!
Влезаю я в домик.
Хоть и пытаюсь выбросить из избушки
Многочисленные чуманы,
Наполненные сушеной рыбой
– Не вылезают они в окно.
Гневаюсь, могучий зверь
И один чуман все-таки вталкиваю,
Вталкивал его с такой силой,
Что он разорвался на две части:
Одна-то половина рыбы
Рассыпалась по полу,
Другая-то половина рыбы
Оказалась за окошком на улице.
Вот горе!!!
Тогда хватаю я оленьё мясо и мешок с мукой
И пытаюсь их выбросить из избушки.
Хоть и усердно я работаю,
Но ничего не получается:
Не вылезают они в окошко.
Гневаюсь я, могучий зверь,

И из всей силушки
Вталкиваю в окошко мешок с пшеничной мукой.
Вталкивал его с такой силой,
Что он разорвался на две части:
Одна-то половина муки
Рассыпалась по полу,
Другая-то половина муки
Оказалась за окошком на улице.
Вот горе!!!
Хотел было я произнести
Грозные слова священного зверя,
Да как посмотрю:
В углу дома с углами сидит старик филин
Говорит он мне:
– Зря разрушил ты, луговой зверь,
Дом, в котором я обитаю.
Подожди, настанет осень
С хрустом от оленьих ног,
С хрустом от лосиных ног,
Уж посчитаюсь я с тобой!
Пал на меня стыд на всю деревню,
Пал на меня стыд на весь город,
Не смея поднять своих звезд от земли.
Вылезаю через окошко на улицу.
Собираю там рассыпанную рыбу,
Собираю там перемешанную с землей муку
Поднимаю куски оленьего мяса
И уношу все в дремучий лес.
Кладу в потайное место награбленное добро
И сажусь около него на великий караул.

Батюшка мой вышний свет
Превратился
В холодный ветер с колким носом,
Превратился

В завывающий ветер с могучим завыванием.
Пала на землю осень
С обильным инеем на нос ворона,
Пала на землю осень
С обильным инеем на носу тетерева.
Иду по берегу озера с берегами,
Нашел я густой бор,
Не проходимый для дикого оленя,
Бор, не проходимый для лося.
Строю я
Балочный дом с земляными балками,
Заканчиваю я
Жердяной дом с земляными жердями.
Вношу туда свою косистую голову с косами,
Свою волосатую голову с волосами.
Только проживаю я один день осенней поры,
Как подползает ко мне
Собака, величиной с оленьего теленка,
И становится у дверей моего дома с дверями,
С приятным лаем «О-во-во!»
Позади же нее притаился человек,
Ростом с лесного менква,
Роста слуги лесного менква.
Не успеваю я прожить ещё одного дня,
Как три человека из рода филина
Становятся у дверей моего дома с дверями.
Отверстие моего дома с отверстием
Заваливают они жердями,
Закладывают они валежником.
С диким ревом, готовый пожрать город,
С диким ревом, готовый пожрать деревню,
Пытаясь я выбраться наружу,
Но болезнетворный сучок с острым концом¹,

¹ «Болезнетворный сучок с острым концом» - пуля или стрела охотника.

Оторвавшись от дерева,
Пронзает святилище могучего зверя.
Закружилась у меня голова,
Как будто после вкушения пьянящих мухоморов,
И опускаюсь я
У дверочек своего балочного дома
С добрым настроением тихого ветерка.
Расстегивают четыре пуговицы лесного зверя.
Расстегивают пять пуговиц лугового зверя.
Сажает меня в заднюю часть нарты,
Сажает как дорогого гостя.
Четырехкратно провозглашается
Имя лесного зверя.
Пятикратно провозглашается
Имя лугового зверя.
И приятно топают олени копыта,
Приятно поскрипывают нарточки.
На какой земле провозглашают мое имя?
Отгадываю, вещий зверь:
Это проезжает озеро поселка.
Но что это за поселок из трёх дворов.
К которому мы приближаемся?
Отгадываю, вещий зверь:
Этот поселок называется летним.
Четырехкратно провозглашается
Имя лесного зверя,
Пятикратно провозглашается
Имя лугового зверя.
Приятно топают олени копыта,
Приятно поскрипывают нарточки.
К какому это поселку меня подвозят?
Это поселок, построенный стариком филином.
Выбегают навстречу
Многочисленные тетушки поселка,
Выбегают навстречу
Многочисленные тетушки города.

РАССКАЗ О СЕБЕ

1

Помню: зима была, вечер. Бабушка, сидя на лавке, латала мою малицу. Мать, медленно двигалась по избе, собирала на стол. Отец отдыхал.

Он в обед только вернулся из леса, где был чуть ли не две недели. Вернулся довольный, и я сразу же стал повторять мою великую мечту. Он сидел за столом и молчал. Потом посмотрел на мать и снова молчал. Слушал, что я буду ещё говорить ему. А я упрямо повторял одно и то же.

Повторял то, что говорил в августе, в лесу, после того, как отец дал мне впервые выстрелить из своей берданки. Я тогда волновался и долго не мог поймать мушку. Потом навел ружьё на какую-то маленькую птицу, выстрелил, и птица упала. Я очень обрадовался, хотя это была всего-навсего никому не нужная краснозобка. Радостный, я заговорил с отцом о своей мечте. Он мне ничего тогда не сказал, только взял за плечо и толкнул вперед...

О своей мечте я говорил ему и в сентябре, когда листья на берегах начали уже желтеть, и в октябре, когда над Кондою, навстречу нашей лодке, поплыли туманы. Однажды я рано утром, с разрешения отца, взял ружьё и один отправился в лес. Солнце только встало, и стволы сосен были совсем красные, как единственная в нашем доме кастрюля, которую мать очень берегла и начищала до блеска. Вершины сосен, тоже розовые от солнца, уходили далеко в небо, а на вершинах, чуть не на каждой, сидели тетерева. Я не видел, были ли они красными, – они сидели очень высоко, – только я знал, что они греются на солнышке, потому и неподвижные такие.

Тогда я долго бродил по лесу и принёс домой одного тетерева. А мать ругать меня стала, подумала, что это я стащил из соседнего слопца – ловушки. Я заплакал. Потом пришёл отец, осмотрел птицу и сказал матери коротко: «Вари». А мне, когда я через несколько дней заговорил с ним о своей мечте, он сердито крикнул:

Обходят вокруг меня четыре раза
 С душистой березовой чагой в руках,
 Обходят вокруг меня пять раз
 С душистой березовой чагой вы руках¹
 Многочисленные женщины поселка,
 Многочисленные мужчины города
 Толкают друг друга.
 Они возятся в снегу, как свертки оленьих шкур,
 Они перекатываются в снегу,
 Как свертки весенних шкур.
 Затем вносят меня в дом,
 Наполненный озерной пищей,
 В дом, наполненный обской пищей
 На широкий стол из трёх досок,
 На широкий стол из четырех досок
 Сажусь я, как лесная женщина,
 Сажусь я, как горная женщина.
 Начинается праздник с веселой пляской рук,
 Начинается праздник с веселой пляской ног.
 Кай – яй –ю – их!

¹ Березовая чага – наросты на березе, издающие при сжигании приятный запах. Когда убитый медведь прибывает в поселок, женщины, обычно старухи, обходят вокруг него с тлеющей березовой чагой в руках. То же самое ежедневно несколько раз проделывается и в период праздника. Таким путем «священный зверь» оберегается от нападения злых духов.

– Ты нужен дома!

Наступил ноябрь. Уже выпал снег.

Отец вытащил на берег лодку, в которой ездил по Конде и вверх по её притокам в глухие леса за рыбой. Внимательно осмотрел лыжи – не потерял ли мех. Мои, маленькие, стояли теперь в снях рядом с его большими. Я все ходил около отца, старался как мог услужить ему. Очень хотелось мне заговорить с ним, но я не решался: отец сердитый – лучше с ним не заговаривать.

Сегодня он вернулся с первой своей зимней охоты. Ружьё и котомку он оставил в снях, связку беличьих шкурок положил в избе на лавку, а две горностаевых из рук в руки передал матери и, передавая, гладил. Я боялся, что он рассердился, если я заговорю, но он был доволен своей охотой. Я заговорил – и он не рассердился. Он ломал сушеную рыбу и молчал. Весь обед молчал, а когда встал из-за стола и закурил свою короткую трубку, пристально посмотрел на меня. Он, наверное, хотел, чтобы я замолчал и отпустил свои глаза. Но я, не знаю почему, не сделал ни того, ни другого, и отец, поперхнувшись дымом, сказал:

– Ладно! – и, уже направляясь к постели, добавил: – Завтра же возьму у соседа лошадь и отвезу...

Отец отдыхал.

Мать и бабушка собирали мне еду и одежду. Братишки поглядывали на меня недоверчиво, а я то и дело выбегал в сени и скакал там на одной ножке вокруг отцовской котомки. Скакал и пел:

– В школу, в школу, в школу...

Никакое другое слово не приходило мне на память, хотя мне исполнилось уже семь лет и я умел петь настоящие песни.

2

Село Шаим большое. После моей деревни Ушьи оно казалось особенно большим. Потом-то я понял, что это маленькое село. Но здесь были кооперативы, заготовительная контора, сельсовет и, главное, школа. И я никогда не думал, что может быть столько народу. Идешь по улице, а навстречу все незнакомые, в кооператив заходишь – а там ещё больше незнакомых. И ребята в школе – незнакомые, и слова, которым учат на уроках – незнакомые.

Так казалось сначала, а потом и ребята стали друзьями, и разные слова я стал понимать.

Вот одно такое слово. Я так и помню: только что начался урок, учитель, имени которого я ещё не успел запомнить, раскрывая букварь, сказал:

– У нас – коллектив, – и объяснил, что это значит.

Ребята сразу поняли, в чем дело, а я стал думать. У меня не случилось так, чтобы все вместе, все заодно. В Ушье соседские ребята были старше меня и в игры свои не принимали. Здесь, в школе, я тоже ещё ни с кем не подружился.

Я был самым маленьким и сидел впереди. Я видел даже, как шевелится язык учителя и рот раскрывается в лад словам. Учитель говорит много: и о ребятах одной школы, и о людях, строящих одну фабрику. Я заглянул, помню, в букварь, который лежал перед учителем, чтобы представить себе, какая она, эта фабрика. Своего букваря у меня ещё не было.

А учитель тем временем стал рассказывать о большевиках, которые все вместе, все заодно, и борются, чтобы на земле не было ни бедных, ни богатых, а все бы одинаково хорошо жили. Учитель сказал, что и он большевик. Тут я вспомнил, что большевиком у нас, в Ушье, называли охотника, который в партизанах был. Я спросил, даже не подняв руки:

– Разве вы знакомы с дядей Сашей? Он – тоже большевик.

Учитель засмеялся и сказал, что перед ответом с места надо поднять правую руку, а потом стал серьёзным и объяснял до конца урока.

Помню, мне тогда очень захотелось стать большевиком, потому что было обидно: как это у богача Сатыги целых десять лошадей, а у моего отца не то что лошади, а даже хорошей собаки для охоты нету.

Через несколько дней я уже подружился с товарищами. Скоро мне выдали собственный букварь. Я часто раскрывал его на той странице, где была нарисована фабрика, и ещё на той, где были нарисованы Ленин и Сталин – самые великие большевики, которых знают все.

Один раз в коридоре школы, во время перемены, я увидел учителя и подошёл к нему:

– Анатолий Николаевич!

– Ну, что, Миша?

Я очень удивился, что учитель знает, как меня зовут, хотя я и не говорил ему. Я удивился и два раза повторил:

– Анатолий Николаевич!...

Он стоял молча и только внимательно смотрел на меня. Наконец я вспомнил, зачем подошёл к учителю.

– Анатолий Николаевич, я очень хочу быть в коллективе большевиков! – За эти дни я много раз повторял эти слова про себя и поэтому произнёс их без запинки.

Анатолий Николаевич положил мне руку на голову и сказал:

– Будешь, будешь, Миша! Подожди! А пока занимайся как следует. Ты ведь очень отстал!

Я хотел было ответить, но меня испугало слово «отстал». Когда отец шёл охотиться в недалёкий лес, он брал и меня с собой. К вечеру он двигался по чаще все так же легко, а я с непривычки спотыкался о корни и не поспевал за отцом. Тогда он оборачивался и, не замедляя шага, сердито бросал через плечо:

– Ну-у, отстал!

При этих словах мне становилось всегда стыдно. А теперь и Анатолий Николаевич говорит – «отстал».

Я тихо пошёл в комнату, где на дверях висела надпись «Интернат» и где около теплой печки стояла моя койка. Я вынул из меховой сумки букварь и сел за стол. Весь вечер я так и просидел над букварём, не обращая внимания на возню товарищей. И следующий, и ещё много вечеров подряд...

У меня была хорошая память, и к весне на вопросы учителя я стал поднимать руку раньше всех в классе. Я так и решил: буду всегда впереди, и никто не сможет мне сказать: «Ну-у, отстал».

Наступило лето. Я вернулся домой. Теперь на охоте я уже не отставал от отца; как мне не было трудно, я всегда держался с ним рядом, и на следующую осень отец всё чаще говорил мне:

– Ты нужен дома!

И я понимал, что действительно нужен, потому что я умел бить уже не только тетеревов, но и белок.

А я ходил по лесу с отцом и думал: всего за каких-нибудь двадцать пять километров, там, за холмами – Шаим, школа, Анатолий Николаевич. Ребята в классе учат новое, то, чего я не знаю. Отец и берданку свою старую мне подарил – вот она на плече – и разговаривает со мною, почти как с настоящим охотником. А мне невесело. Тут я и понял. Что такое – коллектив!

С ползими отец решил отвезти меня всё-таки во второй класс, и я, пожалуй, обрадовался ещё больше, чем в прошлом году. Только на одной ноге не прыгал – я уже не маленький!

3

Прошёл ещё год. Я стою на красивой трибуне, выстроенной перед большим, под железной крышей, домом заготовительной конторы. Перед трибуною площадь, на площади очень много народу.

Я первый раз на трибуне. Рядом – Анатолий Николаевич, улыбается председатель сельсовета, и ещё секретарь райкома что-то записывает в свою красивую книжечку. Я не знаю, куда глядеть, то ли на площадь, то ли на секретаря – он настоящий большевик, а меня недавно приняли в пионеры. На груди у меня новенький красный галстук, и мне хочется, чтобы секретарь обязательно на меня поглядел.

Люди на площади все одеты по-праздничному, и на легких светлых малицах – узоры. Одна малица, другая, третья – все узоры сливаются в один. Я волнуюсь не могу различить – какой узор на какой малице.

Я посмотрел в лицо секретарю, а он уже взмахнул шапкой и начал говорить, приветствуя рыбаков и охотников, пришедших сюда с красными обозами. Я вспомнил: сейчас и я должен говорить, и ещё больше заволновался: может быть, и из моей маленькой Ушьи пришёл обоз?

Когда я произнёс первое слово, на площади раздались крики:

– Не видно, не видно!

Я никак не мог понять, что же охотникам не видно. Мой голос перестал быть звонким, и я вдруг забыл все слова, которые так хорошо лежали в памяти. Не успел я ещё вспомнить их, как кто-то подхватил меня подмышки и поставил на узенькие перила:

– Продолжай, товарищ пионер!

Я обернулся и увидел секретаря, он улыбался, и зубы у него были очень белые.

На площади засмеялись, и я понял, что наконец-то охотники увидели то, чего не видели раньше – я был маленького роста, и из-за перил меня, почти не было видно. Я вдруг перестал волноваться и стал звонко выкрикивать:

– От имени пионеров и школьников Шаимской школы разрешите ...

Я чувствовал, как меня поддерживает за малицу большая рука, и я ни разу не побоялся упасть, хотя на узеньких перилах стоять было неудобно.

Потом не один ещё раз поручали мне выступить с приветствиями. Я сначала считал, что это за хорошую память и звонкий голос, а оказалось, за то, что я был лучшим учеником школы и примерным пионером. Но о том, что я лучший ученик, я узнал лишь тогда, когда из всей нашей школы только троих мальчиков взяли в четвертый класс семилетки села Нахрачи.

Тут трудно рассказывать по порядку. Я, помню, сначала грустил о дорогом своем учителе Анатолии Николаевиче, но в Нахрачах было много учителей. Они называли меня Мишей и были довольны, когда я за один год кончил сразу четвертый и пятый классы.

В новой школе было ещё больше ребят. И среди них были комсомольцы. Мне нравились комсомольские флажки, которые горели у них на груди, и я аккуратно ходил на открытые комсомольские собрания, хотя сначала и не все понимал. Но я очень хотел стать комсомольцем, потому что они во всем – первые, и учатся хорошо, и в избе-читальне книжки вслух читают, и самостоятельность налаживают, и в международной обстановке разбираются.

Один раз я шёл с почты и нёс письмо от отца, в котором он общал, что в Ушье организовался рыболовецкий колхоз и что рыбаки избрали отца своим председателем. Я очень был рад, что наши охотники и рыболовы завели теперь коллективное хозяйство и отец убедился, как это хорошо, когда все вместе и все заодно.

Снег уже начинал подтаивать сверху и блестеть, ноги скользили, и в лыжном костюме мне было жарко. На школьном дворе

я сдернул с головы шапку и, заслонясь ею, поглядел на солнце. Потом стал смотреть на снег под ногами, и он перестал быть белым, а стал красным и синим, весь в искорках. Меня кто-то окликнул по фамилии, а кто – я не видел, потому что и лицо человека, который шёл мне на встречу, сверкало красными и синими искорками.

Человек взял меня за рукав и спросил:

– Твоя фамилия – Казанцев?

– Казанцев.

– Ну, так я тебя ищу. Ты назначен членом редколлегии нашей стенгазеты. Меня зовут Коля Свешников. Пойдём, я расскажу, что надо делать.

Я надел шапку, сунул письмо в карман и сказал:

– Пойдём.

Входя в школу, я обернулся: снег был опять белым, а лицо Коли в веснушках. Я спросил:

– А ты комсомолец, Коля?

– Нет. Очень хочу быть комсомольцем.

Я вздохнул и ничего не ответил.

В тот вечер я слушал стихи Коли Свешникова и смотрел, как рисует Гриша Бабкин, а через несколько дней мы уже наклеили на большой лист фанеры красивую стенгазету. Ребята со всей школы столпились около неё, а мы отошли в сторонку, хотя нам было очень интересно, что про нашу стенгазету говорят.

Мы втроём стали дружить: в общежитии наши койки стояли рядом, мы вместе занимались, вместе играли в школьном драмкружке и вместе готовились стать комсомольцами.

Заявление о приеме в комсомол я написал заранее, и оно хранилось у меня в тетради, куда я, по примеру Коли Свешникова, записывал свои стихи. Я рассказал об этом только Коле и Грише, а они засмеялись, потому что заявления о приеме в комсомол и они уже заготовили. Но всё-таки мои друзья были счастливее, они были на целый год старше меня. Я тайне завидовал им: они скоро вынут свои заявления из потайных мест и отнесут в комитет комсомола. А мне целый год ещё надо ждать.

Наша стенгазета с каждым номером становилась все лучше и красивее, и один раз, когда в школьном коридоре никого не было,

я стал разглядывать рисунки Гриши Бабкина. Когда выпускаешь газету – некогда смотреть, а теперь я удивился: какие весёлые рисунки, ай-да Гриша!

Около стенгазеты остановился секретарь комсомольского комитета, посмотрел на рисунки, и, видимо, ему тоже понравилось. Потом он стал вдруг серьёзным и сказал:

– Ты почему не подаёшь заявление в комсомол? Ты же отличник, Казанцев!

Я перестал смотреть на рисунки и ответил, что очень хочу стать комсомольцем, но меня не примут, потому что мне ещё не хватает одного года.

– Какого такого года? Имей в виду, Казанцев, комитет считает, что ты достоин. Подавай заявление.

Потом мы попрощались, он пошёл к выходу, а я, запыхавшись, вбежал в общежитие. Коля и Гриша посмотрели на меня удивленно, а я достал из тетрадки своё заявление и стал его перечитывать. Я читал долго и нарочно по складам, и мне показалось, что заявление написано недостаточно хорошо и красиво. Я сел за стол, отодвинул все книги, чтобы они мне не мешали, и переписал заявление заново. Я поставил подпись, число и прочел заявление вслух, а Коля и Гриша в один голос сказали:

– Хорошо. Когда понесешь?

Мне хотелось отнести заявление сейчас же, хотя я знал, что в комитете никого нет. Мне очень хотелось, и я даже встал из-за стола и пошёл к двери, а Коля и Гриша смотрели мне вслед и ничего не понимали. У самого порога я подумал, что в комитете всё равно никого не застану, и сказал:

– Отнесу тогда же, когда и вы!

Это я Коле и Грише сказал, а потом вернулся к столу, и мы сели готовить уроки.

Принимали нас в комсомол через неделю. Мы все трое сидели у печки в большой комнате комитета комсомола, и все трое были очень серьёзными. Члены комитета не спеша задавали нам разные вопросы, чтобы проверить нашу политическую грамотность.

Мне задавали вопрос: кто может быть членом ленинского комсомола. Я хорошо ответил, и по ответу выходило, что сам я не могу

быть членом ленинского комсомола, потому что мне не исполнилось пятнадцати лет. Меня ещё подробно спрашивали о германском фашизме и о моих отметках за последнюю четверть, а потом встал секретарь комитета и сказал:

– Комитет решил принять тебя, Казанцев, в ряды ленинского комсомола, оправдай наше доверие! – и пожал мне руку.

Гриша и Коля тоже меня поздравили, а я поздравил их, и мы все трое ходили по улице и мечтали, что вот окончим семилетку, и все вместе поедem в Ханты-Мансийск, и опять будем дружить, и заниматься в педагогическом училище.

Ночью я долго не мог уснуть.

4

Наши мечты сбылись: мы занимались в педагогическом училище и хорошо дружили, а вот теперь разъехались по разным районам. Где вы, мои друзья?

Меня сначала не хотели отпустить из Ханты-Мансийска, с комсомольской работы. Но я сказал, что работа для комсомольца везде найдётся, и меня назначили учителем в глухой Берёзовский район.

И вот я уже сам учитель. Такой же молодой, каким был когда-то Анатолий Николаевич, только что из педагогического училища.

Я хожу по проходу между партами, смотрю на вихрастые головы учеников и думаю: давно ли я сам был таким же – мне ведь ещё нету восемнадцати лет. Нет, я сегодня не об этом думаю, об этом я думал вчера.

Я только что вызвал к доске мальчика – его тоже зовут Миша, и у него тоже хорошая память, и тоже упрямый характер. Я задал ему вопрос, а он смотрел на меня и молчал. Я переспросил его на языке манси, он немного оживился, а потом заморгал своими глазёнками и ничего не ответил. А я был уверен, что Миша знает, как называется столица нашей родины. Почему же он молчал?

Я хожу по классу и медленно рассказываю о Москве.

Я был в Москве всего год назад, с экскурсией отличников педагогического училища. Я видел Москву и хорошо все понимаю, а вот рассказывать трудно. Если кто не видел Москвы, тому легче рассказывать, а кто побывал – у того слов оказывается мало.

Мы приехали в столицу с Казанского вокзала. Вокзал огромный и весь гудит. Я до сих пор вижу, какой он огромный, и слышу, как он гудит, а передать словами не могу, и ученики не могут представить, какой он огромный и как он гудит. А потом мы вышли на площадь и увидели многоэтажные дома. Я знал, что они не до неба, и знал, что они никак упасть не могут, а всё-таки проходить мимо них было сначала немного страшно. Я негромко сказал об этом Коле Свешникову, который стоял рядом со мной и тоже удивлялся, а Коля не услышал. Я сказал погромче, а он только вздрогнул, и я понял, что в Москве на улице надо говорить совсем громко, потому что здесь очень шумно. Шумно как раз, наверное, потому, что все так громко разговаривают. А ещё потому, что, куда ни взглянешь перед собой, – по крайней мере сто колес в разных местах вертятся: у грузовиков, у легковых автомобилей, у трамваев, у троллейбусов, – вертятся, и даже не шумят, а грохочут...

Я и раньше книги о Москве читал. И в Омске был, – видел там и большие дома и много трамваев, но когда все сразу увидишь – кажется, что ты ничего не читал и все видишь впервые. К вечеру того дня у меня болел затылок и у Коли тоже.

Зато в московских музеях такая тишина, что страшно даже ходить. Больше всего я боялся не успеть что-либо там посмотреть или забыть то, что уже видел. В Третьяковской галерее я стал даже записывать названия картин и имена тех, кто их нарисовал. Я очень старался, чтобы Гриша Бабкин, который остался в Ханты-Мансийке, меня не засмеял потом. Я сломал два карандаша, а потом сказал Коле Свешникову, что и сам Гриша Бабкин не запомнил бы всего, хотя он и увлекается рисованием.

Всё это я вспомнил на уроке, когда про Москву стал рассказывать. И мне показалось, будто хожу я не по классу, а по улицам столицы. Я рассказываю ученикам так, будто и они ходят со мною вдоль Кремлёвской стены и снимают шапки у мавзолея, а потом мы спускаемся по движущейся лестнице глубоко-глубоко под землёю, чтобы мигом очутиться на другом конце города, подняться по движущейся лестнице и попасть в зоологический сад, где живет большой лось, пойманный в наших местах, и мы вместе улыбаемся ему, как земляку.

Сорок глаз следят за мной и даже не мигают, пока я рассказываю о Москве. И маленький Миша слушает, не чувствуя, как по его щеке бегают муха.

Вчера вечером я был у его отца, и старик говорил мне много хорошего. Глухое это село – Няксимволь, куда я приехал работать учителем. Не любят здесь новых людей. А старые сидят по избам, и вечером редко-редко встретишь кого-нибудь на улице. Разве только оленья упряжка обдаст тебя снегом, да подружки пойдут, взявшись за руки, к бывшей часовне, откуда слышится музыка.

Я как-то заглянул в эту бывшую часовню.

Там помещалась теперь сельская изба-читальня, но книг мало, единственная полка загнана в дальний угол, а от пустых стен пахнет сыростью. На столе – патефон, и высокий парень по-хозяйски ставит новую пластинку, а на глаза ему свешиваются волосы, и лицо блестит от пота. Я посмотрел, как танцуют, в сводчатом помещении было накурено, и я вышел на улицу.

Мало было комсомольцев в Няксимволе, ребята больше слушались этого высокого парня, чем секретаря своей организации. Я спрашивал многих – почему они не вступают в комсомол. Некоторые молчали, а агроном, давно небритый, ответил, пожав плечами: – Зачем?

Агроному-то совсем стыдно не быть комсомольцем.

И отец Миши, когда я спросил его вчера, почему он не вступает в колхоз, долго на меня смотрел: как я могу ещё спрашивать! Я отказался от предложенной махорки и сказал, что я комсомолец и поэтому должен спрашивать. Старик ещё больше удивился, помотал головой и ничего не ответил. Потом посмотрел на печку, где под оленьей шкурой спал Миша, и снизил голос:

– Ты – учитель, ты – комсомолец, ты – государственный человек, и я тебе скажу. Не хочу, чтобы Мишка слышал, – с председателевым Санькой дружит, а того не понимает, что жила у Саньки отец, для себя колхоз организовал. Из богачей наш председатель, дед Рында – ух, какой богач был, много оленей после себя оставил.

Старик закашлялся, а потом сплюнул.

– Вот и колхоз оленеводческий, чтобы богатство не пропало.

Подходящих дружков завел. Рындинских оленей берегут! Не хочу в такой колхоз, государство обманывают.

Старик опять сплюнул.

– И к избачу, что русских не любит и всегда лицом потеет, приглядишься – дружок председателей, одного поля ягоды.

Я закурил махорки, она была крепкая, своего заводу.

О словах старика я думал и вечером, когда возвращался домой, думал и наутро, в школе, когда маленький Миша не хотел отвечать на мой вопрос. А следующие дни и недели мне уже некогда было думать. Я стал делать ту работу, о которой говорил в Ханты-Мансийском окружном комсомоле, когда меня не хотели отпускать в село.

В школе не было дров, а леса вокруг подступали чуть ли не к самой школе. Я пошёл в колхоз, к председателю. Он встретил меня вежливо и даже предложил сесть. Но когда я ему объяснил, зачем я пришёл, коротко сказал:

– Людей нет. – И сощурился.

Вечером я пошёл в избу-читальню – там опять танцевали. Я остановил пластинку и громко сказал:

– Пускай комсомольцы, если они в воскресенье не хотят идти в лес заготавливать дрова, отойдут к той стенке.

Я увидел, что к той стенке никто не отошёл, и только некоторые посмотрели на высокого парня с волосами на лбу. Я тоже посмотрел на его потное лицо, подумал и сказал:

– В лес пойдут только комсомольцы. Подарок детям будет только от комсомольцев, – детям холодно заниматься.

Но комсомольцев было мало, а дров нужно много, и я ещё зашёл к отцу маленького Миши. Мы вместе пошли по избам. Неразговорчивые старики смотрели на меня удивленно, но говорили, что придут, и Мишин отец всем отвечал:

– Приходите, пожалуйста!

В субботу я узнал, что подано несколько заявлений о приёме в комсомол, те, кто их подал, пришли в воскресенье с топорами и пилами.

После работы в лесу у меня ныли руки и ноги, и когда я сидел в теплом классе, мне очень хотелось спать. Но вечером я опять пошёл в избу-читальню. Избач был очень недоволен, что я пришёл,

а комсомольцы довольны. Я им рассказал, как ездил в Москву, и они слушали два часа.

Потом я часто приходил в избу-читальню и всегда что-нибудь рассказывал и даже делал доклады на серьёзные темы. В тот день, когда комсомольцы избрали меня секретарём своей организации, я сказал:

– Ребята, давайте танцевать!

Мне сначала никто не поверил, когда я сказал, что люблю танцевать и петь – многие даже засмеялись, и я засмеялся. Тут мы все стали танцевать, а высокий избач накинул свою малицу, вышел и сильно хлопнул дверью.

Мы танцевали наш «медвежий» танец. И не под патефон – таких пластинок нету, – а под песню. Встали в круг, покрыли головы платками и, не сходя с места, начали изображать, будто по лесу крадёт-ся охотник. Вот он медленно идёт, вот увидели медведя, затаился. Платки на головах качаются в лад нашим движениям. А танцоры передают и движенья медведя – увалень-медведь, сытый, переваливается с боку на бок. Потом танец становится быстрее, охотник вскидывает ружье, стреляет в медведя и подбегает к нему. А потом танец опять идёт плавно – охотник сидит на корточках и свежует теплую тушу, и песню поёт:

Шёл я по лесу и убил медведя,

Шёл я по лесу и убил медведя.

Много мяса свезу домой,

Много мяса свезу домой.

Охотник везет домой медвежью тушу и показывает её жене. Тут танец кончатся. Мы откидываем платки, смотрим друг на друга и смеемся.

Хорошо было, я давно уже не танцевал!

Я возвращался домой по снежной улице и думал, что хорошо бы показать наш танец всему народу, чтобы все радовались и смеялись.

«Обязательно, надо будет показать, – решил я. – А то очень глухо в Няксимволе, отвык народ веселиться».

И я стал думать о Няксимволе. Мне только что сказали, что из округа приехал прокурор Тандалов. Я сам его вызвал – умный

человек: он-то разберётся, почему в Няксимволе так невесело. Я шёл и думал, и сначала даже не заметил, что впереди меня идут те, о которых я думал. Председатель колхоза за плечи обнимал избача, и они все время оступались в глубокий снег, хотя дорога была широкая. Я неторопливо прошёл мимо них, они долго глядели мне вслед, стоя по колено в снегу. Я усмехнулся: небось, и они знают, что приехал прокурор!..

Один весенний день был для меня особенно радостным: вечером ко мне одетый по-праздничному пришёл Мишин отец. Я подвинул гостю табуретку. Он положил передо мной узорный кисет с махоркой и сказал:

– Кури. Крепкая. Своего заводу.

– Знаю, – ответил я и свернул папиросу.

– Пришёл советоваться с тобой, Михаил. Как думаешь? Другой у нас теперь колхоз в Няксимволе, по правильному пути идёт. Хочу завтра вступать. Как думаешь?

Я зажег спичку и вспомнил, что два часа назад бюро принимало в члены комсомола того самого агронома, который мне когда-то говорил – зачем? Сегодня я спросил агронома: зачем он вступил в комсомол?

Он был тоже одет по-праздничному, тоже вынул узорный кисет, но не закурил, а сунул кисет обратно в карман и сказал:

– Другие теперь комсомольцы в Няксимволе, по правильному пути идут. Не хочу быть один. Прими заявление!

А ещё раньше, когда я утром вошел в класс и посмотрел на солнечные окна, я сказал:

– У нас – коллектив! Кто ответит, что такое коллектив?

Маленький Миша поднял руку первым.

5

Лучше всего я почему-то запоминаю дни, когда яркое солнце. И синее небо, и синяя вода.

Я очень люблю синюю воду. Только она всегда по-разному синяя. В детстве я смотрел на быстрюю свою Конду, и от реки шли лучи, вода как будто горела. В Ханты-Мансийске я видел Иртыш: он тоже синий, но всегда такой, будто это небо перед самой грозой.

А сейчас – Нева, и мне нравится, что она по-другому синяя и не похожа на наши реки. Она – спокойная, потому что пришла уже к морю.

Я думал, что после Москвы я ничему не стану удивляться в Ленинграде. Я хорошо знал, что в трамваях держатся за ремни не для того, чтобы трамвай шёл быстрее, а просто для того, чтобы стоять удобнее, и не боялся переходить через дорогу на самых больших перекрестках. Но в Москве нету Исаакиевского собора, и я никогда не поднимался так высоко. Прямо надо мной летали птицы, но я позавидовал не птицам, а нашим летчикам, которые забираются ещё выше, а вокруг – яркое солнце и синее небо, и видно сразу много-много синей воды. Это море и впервые я увидел в Ленинграде.

В Ленинград я приехал не на экскурсию, а учиться. Я много уже учился и понимал, что всё-таки учился мало, а хотел знать много, больше, чем до сих пор.

Я готовился в Институт народов Севера и жил под Ленинградом, в Пушкине. Помню, когда я в четвертом классе учил наизусть «Памятник», я все старался себе представить, какой он был, великий Пушкин. А теперь я его вижу: вот он сидит, бронзовый, на скамейке, подперев кулаком щеку, и около памятника не зарастает тропинка. Сюда приходят все народы, как сам Пушкин предсказывал, и я, манси, пришёл к нему по этой народной тропинке, и мой друг, эвенк Сумрин пришёл, и ульчи Ван пришёл. Мы садимся около памятника и готовимся к экзамену по Конституции народов СССР. Я поднимаю голову, и мне кажется, что бронзовый Пушкин слушает, как мы разговариваем.

Экзамены в Институт я выдержал хорошо. Потом целый месяц ходил на лекции профессоров. Но однажды я пришёл в Институт в военной форме и сдал в библиотеку все книги, которые брал. Женщина отложила книги в сторону, а я попросил, чтобы она не выкидывала мою читательскую карточку, потому что через два года снова приду сюда учиться и мне нужны будут книги. Женщина подняла очки на лоб, строго посмотрела на меня, а когда я повернулся, чтобы уйти, улыбнулась:

– Счастливо служить, товарищ Казанцев...

Я пошел в свою часть, которая стала моим новым домом, пешком через весь город – до конца увольнительной ещё оставалось сорок пять минут. Я шёл и думал о товарищах по Институту и о том, какую лекцию они сейчас слушают и какой профессор им читает. Я проходил по широким улицам, мимо садов и памятников, мимо красивых домов. Они все казались мне давно знакомыми, и весь город был родным, и я шёл по ровному асфальту так, будто ходил по нему всю жизнь.

В одном месте, кажется за Невой, мне на глаза попала надпись: «Центральный Военно-Морской музей». Я подумал, что это, наверное, очень интересный музей, и я обязательно, как вернусь из армии, пойду посмотреть разные корабли. Потом я вспомнил, что не дочитал интересную книгу, и решил, что снова возьму её из библиотеки сразу же по возвращении в Институт. Было яркое солнце, и синее небо, и синяя вода, и мне казалось, что я вернусь завтра и опять начну заниматься.

Но вернулся я в Институт не так скоро, как думал: через два месяца началась война с белофиннами.

6

Война уже началась, город по вечерам был совсем темным. В учебном батальоне мы занимались, опустив на окна плотные бумажные шторы

Но я знал, что за каждым окном, за каждой опущенной шторой учится и работает много людей. Я любил этих незнакомых людей, и мне было очень радостно, что они избрали меня своим депутатом во Фрунзенский районный Совет, хотя я только полгода живу в Ленинграде и не привык ещё говорить – мой город. Но через несколько дней я пошёл за него в свой первый бой.

Вот как это было. Я получил приказ уничтожить вражескую «кукушку», её огонь мешал продвижению роты. «Кукушку» никто не видел, и я не видел её, хотя заметил, откуда огонь. Белофинн сидел высоко на сосне, и его белый халат сливался с небом, которое было тоже очень белым, потому что стоял сильный мороз.

Я взял с собой двух бойцов, и мы встали на лыжи и пошли по маленькой лощинке немного в обход. Вокруг стояли сосны и невысокие

скалы, но и они казались белыми, как небо, как земля. Даже плохо было видно, где кончается одно и начинается другое. Мы прошли на лыжах по лощине, а потом поползли. Ползти в глубоком снегу нелегко – на ногах лыжи, которые нельзя снимать. И винтовки нельзя поднимать высоко – они без чехлов.

Я старался ползти так, как полз за отцом, подкрадываясь к зверю. Зверем у нас называют лося. Волки и медведи – это волки и медведи, а лось – это зверь. И охота на зверя – самая трудная охота.

Начинается она на рассвете, ещё до солнца. Сидишь на опушке, а перед глазами – янга, на целую версту поляна. Сидишь – и всю видно. Маленький туман, и очень тихо, не дрогнет тайга. А потом просыпается какая-то птичка, это зяблики раньше всех просыпаются, и вот уже первый звук...

Я теперь городской человек и часто занимаюсь до рассвета. Выходишь под утро на улицу, вокруг тоже тихо-тихо, и вдруг очень издали – трамвайный звоночек. Еле-еле...

И тайга просыпается, будто город. Уже несколько птичек щебечут сразу; шурша листьями, из нор выходят бурундучки; белка роняет первую шишку; из кустов взлетает тетерев. И ветер начинает раскачивать вершины, шумит, шумит, и солнце показывается.

И вот, до всех этих звуков, до солнца, из леса выходят лоси. Охотник видит, как они медленно перебирают ногами и высоко поднимают большие рога. Они отходят подальше от опушки, но и на середине янги ещё не скоро принимаются выщипывать мох – все слушают.

Охотник крадёт по лесу, крадёт вокруг янги по опушке. Сучком не хрустнет – лоси очень чуткие. Остановится против зверя, а стрелять нельзя – пуля не долетит. И вот охотник ползет. Ползет, и все время смотрит на зверя, глаз с него не спускает. Зверь поднимет голову, и охотник прижимается к земле. Если в лесу нельзя хрустнуть сучком, то на открытой поляне даже дыхание охотник задерживает. Час, а то и два задерживает дыхание, а руки и ноги всё время в движенье, и ружье становится таким тяжёлым, что кажется, невозможно будет его поднять.

И сейчас, к невидимой «кукушке», старался ползти так, как полз вслед за отцом, подкрадываясь к зверю. Только сейчас было ещё

труднее ползти. Правда «кукушка» не такая чуткая, но вокруг снег и мороз, а на ногах лыжи, которые нельзя снимать. Если обнаружишь себя на охоте, зверь просто убежит, а белофинн подстрелит тебя, и приказ не будет выполнен.

Я с одного выстрела снял вражескую «кукушку». Я не видел, как с сосны упал белофинн, но обстрел позиций нашей роты прекратился. Товарищи похвалили меня за удачный выстрел, а я был доволен, что одним врагом у моего города меньше.

Стоял сильный мороз, и, не докурив сигарку, мы поползли назад.

Коренные ленинградцы говорили, что они не помнят, чтобы так было холодно, как в эту зиму. И мне было холодно, но всё-таки меньше, чем другим, потому что я с детства привык к сибирским морозам. А это очень важно: я мог личным примером подбадривать своих бойцов.

Во время штурма линии Маннергейма и во время марша нашей дивизии в обход Выборга у нас даже пища была часто холодная, потому что мы двигались очень стремительно, и походные кухни не поспевали за нами. Бойцы очень мёрзли, а я их учил, как надо растираться снегом и работать руками во время ходьбы на лыжах, если они хотят согреться. Я так старательно показывал, что мне становилось даже жарко, и я расстегивал полушубок.

Потом меня ранило. Я был политруком роты и шёл впереди, когда белофинны били из миномётов. На следующий день Выборг был взят моими товарищами. Ещё через день окончилась война, и в госпитале я лежал уже в Выборге.

Это была короткая, но нелёгкая война. Потом пришла другая, с немецкими фашистами. Я знал, что рано или поздно эта война должна прийти. Но под утро я проснулся по боевой тревоге и не поверил, что пришла именно сейчас, именно в эту ночь.

7

Через несколько дней я должен был окончить срок службы и вернуться в свой Институт. Я очень хотел учиться, и о книжке недочитанной не забыл, и о Военно-Морском музее хорошо помнил. Штаб составлял уже списки подлежащих демобилизации, и я подал

рапорт о передаче военных складов, которыми тогда заведовал, другому лицу. Мой рапорт был удовлетворён, и в субботу вечером я приехал в расположение моей постоянной части. Только документы у меня ещё не были оформлены.

Под утро – боевая тревога. В несколько минут – все на своих местах, а у меня до понедельника ещё и места нету. Я выбежал из домика, где мы спали, и стою возле крыльца. Небо чистое и очень светлое, уже не ночь, уже утро, на траве большая роса, сапоги даже обрызгала – хороший день впереди. А за домиком слышен голос нашего командира.

Вот он оборвался, прозвучала команда: «Разойтись», и, придерживая винтовки, навстречу мне побежали бойцы. На бегу кто-то крикнул:

– Война, Михаил!..

Я назначен был политруком роты связи.

Сначала мы отступали, и это было очень горько. Злые были тогда солдаты и дрались ожесточённо, а я был злой вдвойне, потому что мне тоже хотелось ожесточённо драться, а я был в роте связи, и в разведку командование меня не переводило.

Я солдатам не говорил, почему я злой, ведь политрук во всём должен показывать пример. А на партийном собрании нашей части, где меня принимали в члены партии, сказал. Сказал, что в разведке принесу больше пользы, а мне ответили:

– Выполняйте задание командования, товарищ Казанцев!..

Партийное собрание происходило на открытом воздухе, я глубоко вздохнул и отошёл за берёзу. Там спрятал партийный билет в левый карман гимнастёрки, опять вздохнул, а потом сам себе улыбнулся и шагнул обратно на поляну.

Я не совершал героических поступков. Это мой друг, лейтенант Вася Нестеров обвязал себя гранатами и бросился под вражеский танк. Это раненый солдат моей роты Пётр Обметка, будучи не в силах уже срastить разорванный провод, взял оба конца в рот, прижал языком, и вся связь во время большого боя шла через него. Это майор Савельев со знаменем в руках повёл своих солдат на штурм Мустоловских высот и на вершине был сражён пулей. А я воевал просто, обеспечивал связь, ликвидировал повреждения, воспитывал бойцов.

Во время прорыва блокады меня назначили начальником направления связи армии к дивизии.

Я недавно вернулся из Ленинграда, где окончил курсы младших лейтенантов, и перед началом операции говорил солдатам о Ленинграде.

Я говорил, что не узнал города. Окна магазинов заставлены большими ящиками с песком. Народу на улицах мало, и все ходят осторожно, словно бояться упасть. На стенах – синие надписи: «при артобстреле эта сторона наиболее опасна», и рядом, на штукатурке, глубокие следы от осколков. Через десять шагов – другая надпись: «Не разжигайте времянок бензином – это приводит к пожару»; выше этой надписи, вокруг второго этажа, неровные следы копоти, и вместо стёкол – фанера.

Несколько раз я заходил во Фрунзенский райсовет. В вестибюле – синяя лампочка. В помещении холодно, работники сидят в пальто, даже машинистки работают в пальто. Трещит телефон, заведующий отделом медленно снимает трубку и медленно начинает говорить: он экономит движенья, он выбирает слова, ни одного лишнего слова. Изо рта идёт пар.

Потом к нему подходит девушка-секретарь и с подписанной бумажкой идёт в другую комнату, идет медленно и сосредоточенно, едва кивая при встрече.

Услышав, что я воюю на Ленинградском фронте, они оживляются и обязательно спрашивают:

– Скоро ли прорвёте блокаду?

Конечно, я отвечаю, что скоро прорвём. Я отвечаю так, потому что иначе этим людям ответить нельзя. У каждого кто-нибудь умер из близких, и каждый верит, что мы отомстим.

Я говорил своим солдатам о Ленинграде, и сразу же после таких разговоров солдаты поднимались, чтобы ещё раз проверить телефонный провод и ещё раз доложить мне:

– Всё в исправности, товарищ младший лейтенант!

И вот начался бой, о котором с таким нетерпением спрашивали меня ленинградцы. Я не мог следить за ходом всей операции, знал только, что она развивается успешно. Связь, которую мы налаживали, работала бесперебойно. Мы радовались, что по всем проводам к командующему армией идут хорошие вести.

В один из решающих моментов боя связь прервалась. Командующий вызвал меня к себе и посмотрел прямо в глаза:

– Пятнадцать минут...

Я понял, что на восстановление связи мне даётся пятнадцать минут. У меня на руке были часы, сверенные сегодня утром перед началом нашего наступления.

Я выбежал с командного пункта, выкрикнул на бегу несколько фамилий и схватил провод в руку. Провод скользил по ладони, он был холодный и мокрый, потому что лежал в снегу. За мной бежали солдаты, а я бежал впереди, и провод бежал через мою руку, и секундная стрелка бежала, и я видел её.

Противник вёл ураганный обстрел наших позиций, снаряды ложились густо, и перед глазами всё время стояли чёрные столбы. Иногда я пригибался к земле, дёргал провод: не даст ли он где-нибудь «слабинку». Потом снова бежал вперёд вдоль провода, прямо на чёрные столбы. Я бежал и не боялся, что меня убьют, я знал, что провод сейчас подхватит кто-нибудь другой, почувствует, наконец, долгожданную «слабинку», ликвидирует повреждение, и приказ будет выполнен.

Провод вёл мимо редкого леса, по открытой местности, и привёл к большой дороге. Дорогу пересекал узенький ровик, вырытый специально для провода. Всего вероятнее, повреждение находилось именно здесь, потому что края ровика были вмяты танковыми гусеницами. Но я дёрнул провод и «слабинки» не почувствовал.

Совсем рядом вырос чёрный столб, и сзади меня упал солдат, раненный осколком. Я хотел подбежать к нему, но чёрный столб вырос ещё ближе, и ещё двое упали, а я посмотрел на часы и увидел, что до конца срока остаётся меньше, чем три минуты. Я выпустил провод из рук, перебежал дорогу и снова схватил его. Машинально сделал несколько шагов вперёд и вдруг почувствовал, что провод в руке перестал быть упругим, а сделался вялым-вялым. Вот она – «слабинка», и не впереди меня, а сзади! Я обернулся, дёрнул провод посильнее, и конец его выполз из ровика, извиваясь по снегу, как змея.

Ровно через пятнадцать минут после получения задания концы провода были соединены, и, как мне сказали потом на командном пункте, командующий армией, приложив трубку к уху, проговорил:

– Молодцы!

Через месяц я с гордостью прикрепил на свою гимнастёрку орден Красной звезды.

8

Я еду с Дальнего Востока, где тоже воевал и тоже получил орден. Сейчас война уже кончилась, и я еду в университет, потому что я по-прежнему хочу продолжить ученье.

Поезд подходит к Омску, а мне хочется снять с верхней полки свой чемодан, чтобы, как только будет станция, выпрыгнуть из вагона и, не оборачиваясь, идти к Иртышу, на пароходную пристань. Восемь суток вверх по Иртышу – и будет Ханты-Мансийск, а оттуда по Конде до самой Ушья.

Мне очень хотелось снять с верхней полки свой чемодан, но я не снял его, а когда поезд остановился, отошёл от окна и развернул сегодняшнюю газету. За окнами бегали люди и что-то кричали, а я не слышал, хотя окно было спущено. Я смотрел в газету, а видел нашу избу, видел отца, мать и бабушку, и даже себя в пионерском галстуке, сидящего перед печкой. В печке горит огонь, трещат сыроватые сучья, и мне очень тепло и спокойно, и я негромко пою песню.

А потом – мальчик в красном галстуке пропадает, и я вижу невысокого парня с волосами на пробор. Это тоже я. Я о чём-то спорю с отцом, а отец очень доволен, что у него сын учитель. Отец смеётся. Он меня спрашивает, что такое – Лига наций, и я ему объясняю, и он кивает головой и опять смеётся. Мы садимся за стол, и отец говорит, сколько в этом сезоне колхоз сдал на консервный завод рыбы, и два часа мне рассказывает, какого большого язя на днях поймали рыбаки.

Я тогда уезжал в Институт народов севера и потом воевал, и отец воевал тоже. Но я остался жив, а его убили фашисты. И теперь я никак не могу себе представить, что не увижу отца, если даже доеду до самой Ушья и войду в избу.

Я рассказал бы ему о разных странах, где мне пришлось побывать, о хороших и плохих людях, с которыми мне пришлось встретиться за эти восемь лет. И отцу было бы интересно, и он улыбался бы и обязательно повёл бы меня охотиться на зверя. Я полз бы

вслед за отцом, подкрадывался к зверю, и вспоминал бы, как полз по снегу в лютую зиму войны с белофиннами.

Я рассказал бы отцу, что опять через восемь лет еду учиться, но у меня теперь другая заветная мечта, я буду не учителем, а прокурором. Отец только засмеялся бы, а я объяснил бы ему, что не могу равнодушно смотреть на несчастных людей, которые неправильно себя ведут и не понимают, что в нашей стране – все вместе, все заодно, а они сами по себе и ищут только выгоды для себя. А такие люди есть, и на войне они сидели в стороне, за кустиком, и теперь они прячутся за разными бумажками, и только делают вид, что работают. Они прячутся, и мы их часто не замечаем, а вот я хочу научиться замечать несчастных людей и поступать с ними так, чтобы они не мешали моему государству. Я хочу быть прокурором.

Поезд уже идёт полным ходом, и за окном, рядом с поездом, бегут деревья и навстречу им телефонные столбы. Они бегут очень быстро, и мне кажется, что поезд идёт еле-еле, и я высовываю голову в окно, чтобы убедиться, что он идёт полным ходом.

Передо мной проходит вся моя Родина: леса, реки, горы; города, заводы, деревни; люди на дорогах, люди на полях, люди на больших и маленьких станциях. Я всё-таки уверен, что поезд идёт слишком медленно, хотя он идёт быстро, потому что мне кажется, чем раньше я приеду, тем раньше окончу юридический факультет и войду в большую жизнь моей Родины.

Вот теперь уже три года каждый день я вхожу в красивое здание университета.

И опять встретился с Колей Свешниковым. Он тоже учится в университете, только на северном факультете, и мы спорим, чей факультет лучше, и читаем друг другу свои стихи.

Прошлым летом мы ездили с ним в Ханты-Мансийск, настоящий город теперь. Я был там у Анатолия Николаевича, первого моего учителя. Он теперь уже не учитель, а инструктор окружного комитета партии. Я пришёл к нему и заробел, как ученик. Он сразу же узнал меня и хотел положить мне, как в детстве, руку на голову. Но поднял и засмеялся, и положил мне руку на плечо.

ДУМА У СПИЛЕННОГО ДЕРЕВА

Запах свежеспиленного дерева,
Как ты душу растревожил мне!
Пахнет хвоей, горьковатой серою,
Каплями янтарными на пне.

Ветки, будто лапы глухариные,
Вписаны в брусничник навсегда.
Дерево, я с мудростью свиною
Для себя беру твои года.

Может, стану осторожным более,
Знаю, что перед коварством
слаб.

В странном мире за одним застольем
Пьют владыка, и поэт, и раб.

В странном мире лицемера жалкого
Люди часто носят на руках...
Было схоже дерево с гадалкою.
Взгляд искал чего-то в небесах.

Я и сам гляжу туда с надеждою,
Брата жду из дали голубой.
Взглядами лаская тучи вешние,
Слышу:
вновь сюда идут с пилой.

Мы с ним пили чай, вспоминали войну, говорили о последнем выступлении Вышинского, потом Анатолий Николаевич вдруг сделал серьёзное лицо и сказал:

– У нас – коллектив!

Я посмотрел на него удивленно, а потом вспомнил эти слова и ответил Анатолию Николаевичу, что и я, следуя его примеру, говорил так своим ученикам. Вот и во время войны я был в Германии, и там никто и никогда не говорил этих слов. У немцев – благоустроенные дома, чистота, вежливость, а я смотрел на них с сожалением, там каждый в одиночку и благоустраивает только свой дом.

Анатолий Николаевич засмеялся, а я ему сказал, что скоро приеду в Ханты-Мансийский округ насовсем и буду здесь работать прокурором.

– А не учителем, Миша?

– Нет, не учителем, Анатолий Николаевич!

И я рассказал ему, почему решил заниматься на юридическом факультете. Он похлопал меня по спине:

– Ну, ну, хорошее дело! Нам учителя нужны и прокуроры нужны. Все нужны, видишь, какой город растёт.

Анатолий Николаевич кивнул на окно. Я увидел очень много огня, дым заводских труб сливался с облаками.

Перед самым отъездом я встретил и своего ученика. Того самого Мишу из Няксимволя, у которого хорошая память и упрямый характер. Он уже не выглядел маленьким, а был даже выше меня ростом. Как я когда-то, он занимался теперь в Педагогическом училище и, как я когда-то, мечтает поехать учиться в институт. В его глазах отражалось по маленькому солнцу, и я спросил, чему он так радуется. Миша ещё больше заулыбался:

– Во-первых, я встретил вас, Михаил Александрович! А во-вторых, меня сегодня избрали членом нашего комитета комсомола. Я сейчас пойду к Иртышу и буду петь.

Я постоял немного и услышал песню:

Широка страна моя родная.

Было очень легко дышать: страна моя, город мой, Ханты-Мансийск мой – всё моё! Я хочу, чтобы каждый так чувствовал. Я очень люблю тебя, моя Родина!

Черный идол поседел от горя:
На сто верст в округе – ни души.
По чужой беспрекословной воле
Вы, мои язычники, ушли.

Парус мой разлукой озабочен.
Видно, и на мне – печать вины...
Принеси мне, ветер, запах сосен
С той далекой дикой стороны.

УТРО ВОЗНЕСЕНИЯ

*Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!*

А. Блок

*Поэма посвящается
поэту Виктору Жорнику*

Пролог Голос космоса

Несчастный! Ты Бухту затишья искал
От горя, страданий и слез.
Среди голубых и оранжевых скал
Ты Храм удовольствий вознес.

В разгуле бездумном проходят часы.
И что тебе беды людей!
Не чуешь, не видишь движенье грозы
По воле бессмертной моей.

И снова бокал наполняют тебе.
И я говорю, как судья:
Поэтом назвал я тебя по Судьбе,
Но вижу –
ты предал меня.

Позор свой погасишь душевным огнем,
Прозренье, заблудший, познай.
Застольные звоны заглушит мой гром.
Ты бурю под утро встречай.

Первая глава Шторм

Я ночью проснулся от рева валов.
Стучал в мое сердце неистовый зов.

Ты к морю иди! – грохотало кругом.
Громадные камни разбрасывал гром.

Рыдали деревья и, падая ниц,
Кричали – преступник! – при свете зарниц.

Мой Храм содрогался. Стенали вокруг
Ужасные маски вчерашних подруг.

Мой радужный кубок взлетел к потолку
И... бликами света истек по стеклу.

Не помня себя, – только знала душа, –
Я выбежал в ночь, потрясенно дрожа.

Разумная сила меня подняла
И бросила к дубу, нарочно спасла.

Ударили молнии, белым слепя.
О, Господи! – крик проглотил я в себя.

Качалась у кручи земля подо мной.
Я к дубу прижался прощально душой.

Ревела, рычала стихия воды.
Знобило от страшной ее красоты.

От молний пожар во Вселенной пылал.
И, к тучам вздымаясь, накатывал вал.

Шли белые горы, крича на меня,
Малюсенькой пташкой казался им я.

Но, видимо, что-то я значил для них,
Коль нужен был им
мой задумчивый стих.

И снова услышал я голос небес:
«Тебе неудобно, наверное, здесь?»

Ты хочешь, конечно, в свой розовый Храм,
К вину и бесстыдным холеным телам?

Но я тебе дам только соли глоток.
На пользу пойдет тебе этот урок.

Я волю даю справедливым громам».
И с грохотом рухнул мой розовый Храм.

Почудилось –
падаю я между скал...
Вселенский орган рокотал, грохотал.

Очнулся я, видимо, от тишины,
От ласковых звуков прибрежной волны.

И дуб – мой спаситель –
стоит чуть живой.
Лежу я, как прежде, прижавшись душой

К прохладной и пряной от ливней коре,
Явился я заново в мир на заре.

Повсюду обломки деревьев, колонн.
Сквозь трещину в тверди послышался стон.

О, боги! Мой Храм проглотила земля.
А камни – насмешка того бытия.

Но – что это? Посох, и рядом сума.
Я понял – она мне с намеком дана.

На посохе надпись – Всевышнего труд:
Нас тени великих на встречу зовут.

Взяв посох, суму, я спустился к волне, –
Я верил, что тайна откроется мне.

И вот он... баркас,
истории дань.
На парусе буквы сияют – Тамань.

Я замер. Я верю давно в чудеса, –
Вы парус прислали за мной, небеса.

В Тамани мятежный поэт меня ждет.
Скорее, скорее в желанный поход!

Отринув на обочину поэтов
(Пророков, мол, в России больше нет),
Забыла власть верховная при этом,
Что перед Богом ей держать ответ.

Судьба твоя, Россия, светоносна,
Идет к тебе
твой страждущий Пророк.
Святой Георгий бой победоносно
Закончит скоро над крестом дорог.

*Анапа – Тамань – станция
Старотитаровская – Ханты-Мансийск
Октябрь 1997 – апрель 2001*

К ТЕБЕ, СТОЛИЦА

Когда-то я спешил к тебе, столица,
Была ты шумной славою страны.
А нынче ты – огромная больница,
Где москвичи измученно-больны.

В сердца людей вселились боль и смута.
Громадный город – беспощадный спрут.
Здесь корни мафий, заговоров, блуда,
Здесь в высших кабинетах вечно врут.

Витают страх повсюду.
Зябко. Душно.

Для рэкета всегда добыча есть.
Столица, ты –
те самые конюшни,
Которым нужен новый Геркулес.

Мое спасенье –
здесь я ненадолго.

Уже я болен. Дума горяча.
Но, слава Богу, есть Сибирь,
есть Волга
И есть костер в долине кедрача.

* * *

Спешите говорить: – Люблю! –
Я вас почти о том молю.
Ведь слово может промолчать,
Ведь слово может камнем стать,
А может вербой расцвести
И верным другом стать в пути.
Я слово нежное пою.
Спешите говорить: – Люблю! –
Смотрите –

жалок и угрюм,
Идет замкнувшийся молчун.
Ни разу в этом мире слез
«Люблю тебя» не произнес.
Теперь идет он в никуда,
Такая в мире есть беда.
Спешите говорить: – Люблю! –
Я вас почти о том молю.

УТРО ДОСТОЕВСКОГО

Семеновский плац опоясан штыками,
Семеновский плац окольцован клинками.
И вдруг загремели кругом барабаны,
И красное солнце взмахнуло крылами
Над ним, Достоевским,
и над палачами.
Надели уже на друзей балахоны.
Прощальные вздохи, прощальные стоны.
Он в смертном нелепом стоит одеянье.

Он станет отныне
Поэтом страданья.
И вечность, и миг –
познаются пред смертью.
Он пережил это.
Теперь вы доверьте
Ему свои судьбы, и горе, и думы –
Все бедные люди России угрюмой.
Доверься, студент, и чиновник, и нищий,
И князь, по наличию совести – лишний.
Идут россияне: Раскольников бледный,
Мечтатель спешит вдохновенный, рассветный.
С Настасьей Филипповной, гордой и бойкой,
Рогожин летит на игреневой тройке.
И братьев зовет Карамазов Алеша...
Россия идет исповедаться, Боже!
О, судьбы людские! – сомнений лавины,
Увидел он тайные в душах глубины.
Сказал он: «Я понял вчера поутру:
Есть в муках –
свободная воля к добру».

Шесталов Иван Николаевич

ОТКРОВЕНИЯ КРЫЛАТОГО ПАСТЭРА

*Когда забудешь заповедное слово,
Затеряешься навечно, потеряв «Мутру»¹*

Камлание² первое

Священные Мутры мудро Торума
Мудростью живой
Живо живы
В заповедном слове священносказания.
Манси мутра

Кай-о! Кай-о! Кайф!

Проснулся. Обливаюсь потом. Жарища! То ли я в бане, то ли у солнечного моря оказался. Вода кругом. Земли не видно. На воде качается лодка, в которой обливаюсь потом. А ведь, помню, пошел в баню. То ли погреться, то ли принять омовение в шаман-чуме на берегу шаман-речки, то ли просто уйти от суеты «на Тот Свет»... В каком же свете оказался? То ли я в сауне, то ли под жарким солнцем тропиков плыву... Плыву, значит, живу. Живу как в мифе о «Сотворении земли».

«Женщина и Мужчина живут. Живут в своем домике, на клочке земли. Земли не видать: вокруг вода. Есть у них ворон белоснежный. Мужчина из дома не выходит, не знает, каков мир снаружи. Жили они так, жили, да однажды раздался с неба грохот. Мужчина выглянул в окно, видит: с самого неба летит гагара. Железная гагара спускается на воду, ищет Землю...»

В мифе гагара достала в клюве щепотку земли, из которой выросла планета Земля.

¹ Мутра – мудрость выживания.

² Камлание – священнодействие, шаманский ритуал.

Женщина и Мужчина плавали в теплом море-океане, плавали и общались с Нуми-Торумом, Верхним Миром¹.

А плавали они в домике-лодке ОТЦА, спущенной на воду священного океана с Нуми, с Нуми-Ма, с верхней Земли-Неба.

А на чем я плыву? И почему я один? Где моя Женщина?

Оказывается, я плыву в Товлын-хапе².

В Крылатой лодке на меня никто не обращает внимания. Меня среди них будто и вовсе нет. Для них я Сам-Сай³.

Или они, эти роботы, получили задание без надобности не замечать и не трогать меня?..

И все же один подошел ко мне. Он долго рассматривал меня, потом грубо изрек:

– Думаешь, тебя не найдем! Из-под земли достанем! Ишь ты, в землю закопался, пещеру построил. Тоже мне «чудь, ушедшая под землю». Не то что из-под земли, с «Того Света» достанем!

И он исчез, растворился, и я видел тень, темную, мерцающую, лишь глаза горели угольками гаснущего костра.

«Я – Куль⁴! – изрек он угрожающе. – Разве ты меня не знаешь?»

Как не знать: каждый манси знает. С первого проблеска сознания каждый манси знает, что подстерегает его Куль, если что не так...

Дрожь пронизала мое тело. Космический холод противоречил недавнему теплу и восторгу, наполнявшему меня с головы до пят. Я был потрясен до потери сознания.

Особенно потрясли меня его последние слова:

– Верни волшебный кристалл, который вручил тебе Няйт в миг просвещения. Этот волшебный кристалл теперь нужнее нужного. Время близко, время настало... Цекнай⁵.

Никакого кристалла у меня нет. Помню, только в свертке, пахнущем смолой, была книга с загадочными письменами. Я посмеивался над Нярмишкой и его книжкой, берестяной, допотопной...

У нас в школе были настоящие книжки из настоящей бумаги, а не из бересты. На обложке берестяной книги, пахнущей смолой, смутно «светился» орнамент, содержание которого пытался разъяснить мне Нярмишка, человек особый, которого «новые люди» презрительно называли шаманом... Но тогда я ничего не понял.

«Ты думаешь о той берестяной книге с орнаментом?» – послышалось мне то ли в ушах, то ли из моего нутра. Этот голос был мне знаком, кажется, с мгновения, когда я падал на костер. Было мне тогда года три-четыре. И как я мог упасть на костер? Неужели я еще не знал, что в огне можно сгореть? А от ожогов бывают невыносимые боли. Дедушка мой схватил меня и вытащил «из священного огня», над которым дымился священный котел с жертвенным мясом жертвенного коня. Кажется, с этого мгновения я познакомился с огнем и с Голосом.

«Я – Мирсуснэхум!⁶ – воскликнул он тогда. – Будешь жить, как все! И в горе, и в радостях! Но будь не только Смотрителем, но и ...»

Меня только что вытащили из огня. И больно, и страшно было мне. Потому, наверное, мне было не до его слов. Тогда я ничего не помнил, кроме боли. Но я знал уже не только имя Мирового Смотрителя, но и чуял его присутствие, как дедушку и бабушку. Этот таинственный Голос всю жизнь будет учить меня, разъяснять что-то. А я не хочу верить. Долгое время я верил учителям новым, книжным. Иногда этот Голос уходил от меня на годы. Потом снова являлся. То во сне явится, а то и наяву... А миф жил во мне своей жизнью.

«Женщина вышла из домика и видит: земля выросла, и куст рядом с домом вырос.

Женщина выкопала куст, домой принесла.

¹ Нуми-Торум, Торум – Верхний Мир, Бог.

² Товлын-хап – по-мансийски – Крылатая лодка.

³ Сам-Сай – невидимка, дух тайный, дух «по ту сторону глаз».

⁴ Куль – Царь тьмы, подземелья, дух смерти, болезней и недугов.

⁵ По угорским пророчествам, после Всемирного потопа воды наступит огненный потоп.

⁶ В мансийском пантеоне Мирсуснэхум – Мировой Смотритель, младший сын Торума, Мутра, блюститель морали и нравственных норм, защитник людей, картель зла, всадник на белом коне, блистательный, солнечный Спаситель, рассекающий животную плоть человека, высвобождающий светлый дух – Ис, доставшийся от Отца – Ась. «Мир-суснэ-хум» - Ис-Ась, Исус, душа, тень Отца, Спаситель.

- Что за деревце выросло около нашего дома?
- Карликовый кедр, должно быть.
- Тогда вынеси и посади обратно!

Мужчина никогда не выходил на улицу. Легли спать. На другое утро Мужчина не нашел свою женщину: ушла куда-то. Через неделю принесла мальчика. Мальчика назвали Мир-суснэ-хумом. Женщину звали Эви¹. Мужчину звали Атя².

Так появились на Земле первые люди: Адам и Ева и их сын – Эк-вапыгрись».

Сын Женщины – кем-то он будет? Может, рыбакам-охотником станет, может, жалким сыном Торума будет шастать по тайге, как медведь голодный, а может, проснется в нем воин или сам Мир-суснэхум – Мировой Смотритель... О, пути земные неисповедимы, как и небесные...

В теплом море-океане качался домик Адама и Евы. А откуда взялись они – одному Торуму известно. Меня же родила женщина. Обыкновенная женщина из земно рода манси родила меня, бросив потом на произвол судьбы. Судьба оказалась судьбой человека, связанного не только с растительным миром Природы, но и с таинственным миром Духа. Дух мой – Крылатый Пастор – мучает меня, бросая из одной стихии в другую, причиняя невыносимые боли, даря неопишуемую радость. В радости Творений открывались мне откровения Крылатого Пастора.

Кто такой Крылатый Пастор?

Говорящая книга рассказала об этом миф:

«Жил-был Пастор, Крылатый Пастор. По небу – летал, а по земле – ходил. Когда шел он по земле, тогда его звали Ногастым Пастором. А когда летел, то величали его Пастором Крылатым. Жил он с Золотой женщиной в городище с Сорни-варом³.

¹ Эви – по-ханты – девушка.

² Атя – по-манси – Отец. Атя – Адам, Эви – Ева.

³ Сорни-вар – золотая крепость, дворец.

Золотой Сорни-вар стоял на золотой горе. Из-под корней золотой березы, стоявшей рядом, вытекал золотой ручей с серебряной водой. Этот ручей был истоком реки по названию «Ас»⁴. Некоторые люди Оси обладали особой способностью – могли не только необыкновенно быстро ходить, но и крылато летать. Их называли Асами. Асы иногда творили такие чудеса, что простым смертным казались богами-чудотворцами.

Однажды Крылатый Пастор устал жить. Решил схорониться. «Схорони меня, – сказал он жене, – да так, чтобы обновиться, вновь родиться». «А как это так можно?» – удивилась Золотая Женщина.

«Можно! Только сделайте гроб из липового дерева. Положите меня в гроб по обычаям предков: на голову – корону, на ноги – камень положите», – сказал Пастор и уснул.

Сделали люди гроб из липового дерева. Поставили гроб посреди дворца – городища и стали пировать, позабыв закрыть золотые двери. А Куль, царь Нижнего Мира, тут как тут. Проник как-то в застолье траурное: то ли собаки, лежащие у дверей, куда-то запропастились, то ли они просто не учуяли появления «духа-трака». Сумрачно стало и в застолье: вместо скорби все развеселились, а кто-то даже и заликовал. Звучали тосты, лился мед-вино. В винном веселье «позабылась» и жена, Золотая Женщина Золотого века. А Куль тут как тут: вьется вокруг, нашептывает: «Положи корону к ногам, а камень – на голову». Захмелевшая жена так и сделала: золотую корону опустила к ногам, а камень положила на голову. Сама плачет, слезами умывается... Так и схоронили.

День ли прошел, век ли прошел – Крылатый Пастор проснулся. Камень тяжелым сном давит на голову, а ноги растворились в золоте короны. Хочет встать – не может: ноги не идут. И голова окаменела камнем мертвым. Лишь душа крылатая не хочет лежать в гробу. Соединившись с Жизнедухом, душа его вырвалась на простор и полетела снова Крылатым Пастором. То был уже Жизнедух с третьим глазом во лбу, а с ладоней и стоп ног летели искры крылатой энергии! Туда смотрит: горы стоят как прежде.

⁴ Ас-Ось. Река Ас – ось Земли, ось планеты.

Сюда смотрит: ручей серебряный журчит. Только не шумит золотая береза золотыми листьями и дворца-городища нет... Будто не было и золотой крепости Сорни-вар, и Золотого века... И полетел Крылатый Пастор вокруг Земли. Семь раз обогнул планету. Ничего хорошего не увидел. Люди кишат как черви, суетятся муравьями, дерутся как звери... То ли воюют, то ли пируют... Единого Бога-Творца почти все забыли. Все ждут Спасителя. У каждого племени свой Спаситель... Каждый доказывает, что его Бог истинный, за истинную веру бьется не на жизнь, а на смерть...»

Долго жил человек. Тысячу лет жил человек. Изначальный человеческий век был укорочен. До ста лет укорочен был век человека, когда женщина похоронила мужа, Крылатого Пастора, нарушив обряд.

Тысячу лет жил Человек,
Рожденный Женщиной.
Укорочен человеческий век
Злодейкой – женщиной.
Ах, злодейка женщина!

Вот и я живу. Живу на земле, человек сурового Севера. Не Бог, не дух какой-то.

«Кто вы, духи вездесущие?» – задыхаясь от непонимания, спрашиваю я. А Голос, преследующий меня, отвечает так: «Мы, Духи, деятельны: живее всех живых!.. Наши голоса, звучные и беззвучные, звучат в ощущениях, в откровениях знаний. Открываясь духам, вы открываетесь себе, воспринимая нас как единое существо, хотя нас множество. Множество и единство в бесконечной игре и экстазе жизни. Жизнь – игра

И вот теперь я снова слышу этот магический Голос: «Орнамент ... с четырьмя лучами. Звезда изысканности и искусства. Четыре луча между четырьмя кругами – знак совершенной уравновешенности восьмерки. Восемь – число галактической гармонии, целостности разума. Восьмеричная звезда – щит защиты в мире тьмы и холода. Подобно рыцарскому щиту, он имеет круглую форму бубна: форму первичного круга магии. Но в отличие от бубна, он «сшит не из кожи», а соткан из электромагнитных волн. Он таит в себе

кодированную информацию, целительное знание и знаки судьбы. Лишь с помощью телепатии эти знаки начинают магическое вещание. Этот исторический поток, известный только отдельным мудрецам, можно возродить благодаря возвышению в космическую телепатию. Отойдя от серой массы обывателей, став личностью, преодолев в себе мелкие земные страсти, можно вернуть себе телепатическое искусство, бывшее когда-то у первых настоящих людей, людей творческого поиска».

Я Его (Мирсуснэхума) хотел увидеть, как других чудищ нашей Крылатой лодки. Но по лодке двигались, дышали, мерцали другие необычные существа. Кто они? Почему я оказался с ними? Я не думал, что окажусь в одной лодке с такими чудищами. Правда, была среди них одна особа. Она «плыла» в особом отсеке у кабины пилотов. Это не называлось бизнес-классом, так как таковых на Крылатой лодке не было. Эта особа вела себя особо. То сидела на откинутах назад кресле, а то просто лежала в специальной лежанке. Полуголая. Груды как два стожка. А ноги как две нельмы. Будто загорала под искусственным солнцем чудо-техники. А техника в нашей Крылатой лодке действительно была сверхчудной. Сверхчудной казалась и эта женщина. Тело этой женщины – не золотой слиток, а будто сияющий кристалл. Она излучала многоцветие радуги. Великолепная своим великолепием, тайной силой притяжения заковывала не только мои глаза. А может, эта тайная сила всех женщин? Находясь вдали своей таинственной магии, не включает ли она в себя всех мужчин? И мужчины, пронизанные пламенем ее плотской глубины, оказываются в ее глубине, бредущими к ней путями мироздания? Перекрестки дорог, трудных и легких, лучезарные дали из звука и радуги настроений, сплетаются и перетекают друг в друга в бесконечной игре, называемой любовью. И все это внутри одной женщины?!

Ты околдуешь меня вновь,
Колдунья-женщина?
Ты очаруешь меня вновь,
Чаровница-женщина?
Ах, чаровница-женщина!

Камлание второе

Глаза видят, уши слышат... –
Услышишь шаги перемен –
Заповедным Словом слово молви
Манси мутра

Но я не о ней думал.

Кай-о! Ой-е! Ой!

Все нутро мое горело от недавно пережитого потрясения.

Что же меня так жарит, качает, казнит молитвой?

Молю молитвенной молитвой,
Молю, живи, не умирай!
Рай не рай, а жизнь была.
Была полнее полной чаши.
Чаша разбита,
Ты – жива!
Жива. Права в высокой чести.
Честью раскаянья молю: Молю, живи, не умирай!

Ее большие глаза, не утеравшие свет былой красоты, смотрели на меня понимающе-ласково. Лаская грешника взглядом великодушной женщины, она великодушно принимала мое позднее покаяние.

Не умирай, прошу, не умирай!
Хочешь, чудо вновь я сотворю?
Сторю в аду и брошу себя в ад,
Яд приму, встану на колени,
Тенью грешной в ноги упаду.
Пропаду, сгину пусть, но ты
Не умирай, молю, не умирай!

Двадцать один день сидел я у ее ног. Молился, каялся, слезы лил. Но она умерла. А вот теперь и я собрался умереть...

Что такое смерть? Возможно ли перестать бояться ее?

Страх смерти велик... Как преодолеть его? И возможно ли? Почему мы до сих пор не знаем этого? И что такое наше тело? И кто

в нем обитает? После того как тело отслужит свой срок, что происходит в нем? Если бы человек знал это, может, он вел бы себя совсем по-другому? Если в мире никто не может избавить человека от смерти, то к чему стремления избежать этой жестокой кары? Попытки уверить себя, что жизнь и после смерти продолжается, фантастично зыбки. Как назвать это состояние? Иллюзией из иллюзий? Не зная о сущности смерти, об истоках страха смерти, может ли человек считать, что он постиг суть жизни? Иллюзия жизни, иллюзия смерти, жестокая кара... За что?!

И вот
Я плачу.
Плачу без слез.
Слезу мои застыли
В крике ледяном.
Ледяное безмолвие
Ледяного одиночества
Пророчеством ледяным
Леденят мою душу.
Кажется, и Природа плачет
Плачем сбывшимся
Сбывшегося пророчества
Ледяного одиночества.

Как я оказалась в Крылатой лодке, если пошел в баню умирать? Умереть в пещере-бане, а не в башне Мирового Смотрителя, которую так мечтал построить. В жаркой пещере, под землей, есть что-то такое мистическое!.. Вместо печи – камелек из «священных камней». И притаилась эта пещера под Шаман-деревом, на берегу Шаман-речки, вытекающей из Шаман-источника. Рукотворное Шаман-озеро и сияющая даль великой Обь-реки, слившись с Иртышом, сиянием величественного простора навевали когда-то душе, уставшей от суеты, сияние величия природы.

Кто вселил в меня ощущение величия природы?

Величие природы начинается с мамы. Она кажется самой-самой. И самая ласковая, самая добрая, самая сильная. Сможет и на руки взять, поднять, если упадешь. Но никогда не уронит...

Мать!
Твой взгляд я помню нежный,
Треск лучины в тишине.
Вихрь в пыли купался снежный -
Ты тепло дарила мне...
Но нагрязнул несчастье,
Омрачился неба взор.
Где ты, синь? Кругом ненастье...
Мать ушла в дремучий бор...

В дремучем бору, на берегу реки, «текущей вспять», похоронили её... Краснощекая, сияющая, глазастая тридцатилетняя моя мама, почему ты покинула меня, малолетнего?!

Где же ты, моя родная Женщина?

С тех пор меня частенько охватывает страх смерти. Я не столько, может, боюсь Куля, сколько страха смерти.

Вдруг опять слышу голос Говорящего Духа:

«Вы, земные люди, любыми способами стараетесь избежать смерти. Вы творите собственную жизнь в страхе перед произволом властей, бандитов, церковных пастырей многочисленных религий, наводящих смертный ужас на ваши чувства, не окрыленные знаниями. Этим успешно пользуется Куль, чудотворец лжи и тьмы. Эта иллюзия перерастает в кошмар страха смерти... Ваше стремление любой ценой избежать смерти разрушительно для тела, разума и души. Ваши умонастроения о жизни и смерти приближают личную катастрофу. В катастрофе личности страх смерти играет не последнюю роль...»

Камлание третье

Женщина, которая была в нашей Крылатой лодке, однажды, кажется, обратила на меня внимание. В кристаллах ее глаз что-то сверкнуло. И во мне сто-то зазвучало. В этом сенсорном полнозвучии я что-то, кажется, начал понимать. Будто жизнь опять подала знак. И бытие стало наполнять нас и как бы воссоединять в общей устремленности. В нашем духовном слиянии нам стали открываться ключи нашего нового дара. Говорить глазами, седлать незримые пульсары незримой энергии, жить чувствами тайной силы.

Но поняли ли мы, что отныне может строить жизнь по-новому и даже изменять ход событий?

«Кто ты?» – спросил я ее глазами.

Глаза ее заговорили на моем языке: Я – Сорни-Най, Богиня Золотого огня, мать матерей... Я – родная сестра Торума, а не жена его. История моя ложно искажена. Будто я сброшена с неба, не знаю за какую вину.

«Во всем виновата женщина!» – возможно, этот клич родился и не на земле. Даже в Арктике, где люди сохранили еще естество, история моя помутнена. Повсеместно стали называть меня Бабой-ягой¹. Да, я дочь отца Торума, но не какая-то баба, колдунья с кочергой.

Видение моих целей и моей истории сохранено лишь в узком кругу Посвященных, и то куце. Память человеческая слаба... Я – древнейшее существо, принявшее растительный корень... И известна лишь племенам, чудом сохранившим Дух вечно обновляющейся Природы. Мое мастерство рождения «пульсирует» не только в женщинах из человеческого рода, но и в любом живом существе, даже в букашках...

По своей природе мы, земные боги, не «надземные» существа, как думают верующие, а «подземные». Нет лучшего места для воспоминаний о будущем, чем Кристальная Арктика. Сотворив тонкие формы и генотип, мы «прокопали» животворные туннели в ту часть Земли, которая называется «Ас». Это по сути «ось» планеты. Я, Богиня Золотого огня возрождения, ожидаю, когда у вас проснется вера в гармонию, которая может вызвать нас, Богов Природы, на поверхность Земли. Эта энергия придет к вам вместе с огнем недр, благодаря полету «Крылатой лодки воспоминаний будущего».

«Юван! Ты проснулся?» – слышу я голос откуда-то спереди. Это голос другой. Женский. Давно я не слышал женского голоса. Все какие-то духи... Неужели я слышу божественный женский голос?

¹ Баба-яга – Опа-яги. «Опа» – отец, «аги» – дочь.

Услышать голос родной
У черта на куличиках
Как приятно, как отрадно!
Отрада! Радость! Нашла! Отыскала
За тридевять земель,
На тридесятом царстве!
Царского спокойствия,
Спокойствия, спокойствия
Желаю Тебе, Милая,
Богиня моя вещая!..

И этот голос, женский, ласковый, я помню, кажется, вечно. В вечном плавании моем по великим водам этот чудно-теплый голос взывал меня в жизни. И жизнь проснулась во мне сознанием теплоты волшебной, сладкой. Сладость лилась, разливалась, расплывалась из титьки¹ волшебной, вызывая в теле моем космическом земные грозы, слезы, грезы. Грезы вечной сладости. Слез расставаний, грозные ливни ливнями теплыми плескались в сознании, как живительное мамино молоко...

Молочная река, Млечный Путь, и теплых два стожка на солнечной груди женщины.

Загадка моя теплая,
Тайна нежная моя!
Мне и стыдно, мне и сладко,
И смеюсь, и плачу я:
Солнце, солнышко, постой,
Что ж ты делаешь со мной?

Сладко мне от маминых грудей... Стыдно мне, четырехлетнему, сосать титьку! Бесстыжие людишки стыдят меня, и я плачу. Да и мама мажет груди горчицей, чтобы я больше не лакомился. Но я хитрый, смою горчицу со смачных сосков, снова сосу. Сосу сколько хочу хохочу, смеюсь над ними. Но однажды они оказались хитрее меня: они не стали закидывать невод, чтобы наловить сосвинскую следку, а стали ловить меня. И поймали.

¹ Титьки – по-манси – груди. Тыгункве – кормить, кушать.

Загадали загадку:

– Посмотри, кто сидит в лодке?

– В лодке сидит девочка.

– Не девочка, а невеста твоя!

– Знаю.

– Знаешь, так почему держишься за мамины титьки? Давно тебе пора жениться.

– А это как?

– Садись рядом с невестой. Ее папа покатает вас на лодочке-калданке. Вы уже большие, и пора вам вместе кататься! Попробуйте красного вина – оно тоже сладкое, – сказав эти вещи слова, папа девочки отчалил от берега легкую калданку, и мы поплыли, как во сне, по реке сонной, сияющей от большого солнца...

Солнце, солнышко, постой,
Что ж ты делаешь со мной?
Нежное твое тепло
С неба лучиком слетело
И в прекраснейшее тело,
В душу девочки вошло!
Как смогло ты превратиться
В эти брови и ресницы,
В этот взгляд из-под платка,
Напоенный светом ясным,
В эти, на лугу атласном,
Млечных, теплых два стожка?

Я стал искать эти два стожка у моей невесты-попутчицы. К моему большому удивлению, я у нее не нашел «этих млечных два стожка» И возмутился. Находчивый папа «невесты» на мое возмущение подал нам рюмки красного вина.

Рюмки красивые-красивые! И вино было не таким уж горьким! Даже сладким оказалось вино, обруганное не раз мамой! Без мамы проснулся я в Хомрат-павыле, зимней деревне. Был там папа, председатель колхоза, а мамы не было. Не было рядом со мной «невесты». Остался сон...

Мне снится русая Богиня,

Я в сон по сердце погружен.
И он сбывается
Уж ныне,
Наверное, то вещей сон.
Она зовет меня: «Смелее!»
И приближается ко мне.
Я словно ветка пламенею
На обжигающем огне.
Я напрягаюсь, замираю.
В душе моей и свет, и грусть.
И наконец-то я сгораю
И человеком становлюсь...

В сознании моем сладость сладостная «двух стожков».

Мама, меня ты почему покинула? Почему оставила среди чужих, холодных душ? Душа моя сжалась. Травинкой сохнувшей стала. Сохло тело, глух слух, зрение туманилось не слезами, а какой-то мглистой пеленой то ли мгновенной грусти, то ли безысходности. Безысходная вечность ледяной тьмы холодила, кажется, не только меня, но и Духов, вошедших в меня в миг рождения. От неожиданного поворота судьбы Духи предки, кажется, и те растерялись. Время от времени они проявляли себя неожиданными вспышками энергии, возбуждая меня к безрассудным действиям. И я бросался в объятия Торума¹, Природы живой. Живой снег падал на меня белыми хлопьями – и я рвался из снежного плена, суровый сиверок колот мое сухощавое лицо – и лицо пламенело от пламени живой зимы. Зима, казавшаяся вечной, как во сне, сбрасывала с деревьев снег и, журча, звеня, превращалась в звонкую весну, неся на крыльях уток крылатую радость пробуждения, просветления. И душа моя светлела на время. И души предков снова оживали во мне сказочными богатырями. И мое беспокойное «я» ликовало в ликующей жизни... Жизнь продолжала ликовать в Торуме, Природе... Я радовался весне, солнцу, солнечным глазам моей собаки-лайки.

¹ Торум – Бог. Это же слово означает понятие «Природа».

Из дощатой будки
Выглянули разом
Два веселых солнца –
Два собачьих глаза.
Старые осины
С детворой шумели.
Щебетаньем птичьим
Небеса звенели.
Я проснулся. Сердце,
Чтоб такое спеть нам?

Спеть о любви? О любви к Природе? Природа живет, клопочет во мне, выливаясь в какое-то неизъяснимое чувство, которое невозможно выразить словами... Оно будит бури желаний и воспоминаний, сплетая невинность и страсть в единое целое. Душа моя полна эмоций, сентиментальности и прочих неизъяснимых чувств, пронизывающих все мысли. Мысли витают, опьяненные влюбленностью к плеску воды, шелесту листвы, дуновению теплого ветерка... Влюбленность... Что это такое? Измененное состояние сознания? Беззаботность, открытость к новым переживаниям, обновление? Возбуждение волшебное чую я... Почему? Лишь от любви к безмолвной природе? Земных забот, даже трагедий, будто и не было! Я начинаю осознавать волшебство и тайну жизни... и хотя жизнь балует меня лишь ласковыми собачьими глазами, я полон желаний показать силу своей любви к любимой. Пусть пока она лишь миф, сладкая сказка. Белая сказка, Белая Женщина, нежная белая рыба, как за большой добычей, я за Тобой поплыву. Я совершу что-то героическое, совершенно невозможное. Я сделаю невозможное возможным! Но я пока только мальчик, оставшийся без мамы. Мама моя умерла, когда мне было мало-мало лет. Лишь вода журчащей реки да птицы на воде продолжают радовать, как первая любовь...

Первая любовь? В каком возрасте она казнит человека? Наверно, трудно сказать, что назвать первой влюбленностью. И все же... Что-то можно заметить... Русская учительница посадила рядом со мной девочку. Кажется, было это в третьем классе. Парта наша

была черной, а девочка казалась светленькой, как уля¹, как огонек искрящийся. Кажется, ее так и звали. Я не знаю, кого больше полюбил, то ли учительницу, то ли Улю. Глаза большеглазой Ули частенько косились на мою тетрадь. Знала, что задачки я решаю быстро и правильно. Оттого ее большие глаза стали раскосыми. Долго мне нравились эти глаза. Аж до седьмого класса! Пока не пронзили мою сакральную душу черные, загадочно-огненные глаза... они стояли передо мной даже ночью. Как черные колдуньи, они прожигали до печенок, переворачивали нутро до боли неизъяснимой. Мы встречались у качелей. Качались, говорили. Но говорили не словами, а глазами. Я словно онемел. Слова окаменели. Однажды написал письмо. О любви, конечно. Но горячие слова признаний она подняла на смех. На всю школу, на все свет, на весь мир. Не знаю, хохотал ли свет, но она хохотал. Как халей-чайка захохотала, увидев добычу на воде. Водой ледяной будто облила меня. Не мог я плакать даже стихами. Стихами решил я овладеть, чтобы не смеялись дуры... Через несколько лет, окончив курсы учения в институте, овладев рифмами, она «замуж» со мной сама побежала. Но через три дня после опереточной свадьбы я сбежал от жуткой «красавицы» с лживым огнем в лживых глазах. Разве можно назвать это любовью? Конечно, это было что-то другое. Меня, наверное, влекло желание «испытать любовь». Мне хотелось больше близости, больше чуда, ибо душа стремилась испытать «воссоединение с Духом». Такого Духа у нее не было.

Вдруг опять откуда-то появился Говорящий Дух. Так мне было хорошо без него. А тут снова завопил: «Большинство землян не настроены на свою духовную сущность. Не потому ли Торум в своем сострадании к человеческим существам одарил их редкой способностью влюбляться? И кое в ком вспыхивает преобразующая сила Духа. Любовь личности позволяет ощутить вкус Космической Любви. Но мало кто понимает, что Любовь и Дух одно и то же».

¹ Уля – огонь, огонек.

В ясном взгляде ребенка – выражение Духа и Любви.
В милостыне бездомному – выражение Духа и Любви.
Согреть вниманием грустившего – выражение Духа и Любви.
Каждый акт Любви – акт мистического, божественного выражение Духа.

Дух Любви рождает ощущение бесконечности, вечности мгновения...

Мгновения моих юношеских увлечений покрывались мраком бездуховности, непонимания... Холод, мрак, мразь...

Та особа, которая летит в нашей Крылатой лодке, не та ли Женщина, что «стоит у порога вхождения в земной мир» Не Сорни-нэ ли? О Золотой Женщине я и немало дум передумал. Но мои думы оказались иллюзиями человека-сказки, человека-песни. Я всегда хотел вырваться из иллюзий человека песни. Но иллюзии моих устремлений оказались сильнее меня. Я хотел жить обыкновенной жизнью земного человека: ловить рыбу, стрелять уток по весне. Но уток я чаще всего видел в городских прудах. И счастье ловли рыбы, которое испытали мои отец и бабушка, я не испытывал в полной мере. Мне снилась охота, мне снилась рыбалка, но то был сон, иллюзия удачливого добытчика и искателя иллюзионной Сорни-нэ. Сорни най, молчаливая как «белое безмолвие» Арктики, безмолвно передавала мне золотую тайну Золотой Женщины:

«... В ледяной мгле Арктики я стала искусной хранительницей кодов памяти Луча Природы, утерявшего большинство землян. Живя земными интересами, я вполне овладела искусством магического сохранения памяти чистоты рождения чистейших младенцев у значительной части женщин планеты. Но мутная жизнь с мутной философией растит чудовищ вместо творцов... А ведь Земля могла бы стать планетой не только искусств, но и творцов чудо-техники, которые ей не знали боги других планет. Уж очень богата Земля исходным материалом».

Женщина нашего ковчега не обращала внимания на чудовищ. Лишь иногда смотрела на меня так, как никто не смотрел... Зато часто заглядывала в кабину пилотов. И о чем она с ними толковала – тайна из тайн. А пилотов я и вовсе не видел, возможно, они такие же роботы, как все другие обитатели нашей летящей лодки...

Но что-то они исполняли по её указаниям?. И что она им указывала, куда мы плыли-летели, одному Торуму известно... Меня раздирало чувство разлада, дисгармонии. Я хотел знать, что это такое. Куда запропастился мой Говорящий Дух?

Камлание четвертое

Говорящего Духа я вызываю с помощью молчаливого камня – «Мариусам»¹. Глаз у моего магического камня много-много. С каждой хрустальной грани смотрит на меня «всевидящий глаз». Молчаливо смотрит, пронизывая меня до печенок, облучая лучами магической энергии. От этой энергии прихожу то в «состояние жизни», пылая, светясь разноцветием многогранного живого кристалла; а то мертвею, падая в спячку тяжелого «каменного сна». В такие мгновения меня охватывает дрема таежного медведя. Могу лежать неделями, не замечая ни дня, ни ночи. Но если в «этой дреме» я не сплю и где-то шастаю – все вокруг хрустит, шумит, наполняя мир таинственными звуками жизни, полной загадочных «неожиданностей». «Неожиданные действия» потрясают мир чуть ли не до основания.

В один из таких «мгновений дремы», видно, я и захотел умереть. Умереть – не больше, не меньше. А может, просто умиротвориться хотел, а не любви беспокойной. А ведь так хотелось думать о любви, говорить о любви, искать любовь... Так хотелось выражать любовь в каждом акте взаимодействия не только с женщинами. Душа вспомнила о своем совершенстве лишь в редкие мгновения любви. Мне казалось, что Любовь и Дух – одно и то же. Жить духовной жизнью – значит любить. Уроки любви – уроки жизни. Мне хотелось сделать любовь главной сутью своей жизни, надеясь благодаря ей омолодиться и жить долго-долго, как любовь, не подвластная времени.

Особенно усилилось это чувство, когда одна из моих женщин в сердцах сказала: есть привычка жить вместе, а любви, наверное, нет. Так было обидно. На самом деле от нее я не слышал ни одного слова про любовь. Будто у русских это не принято. Больше четырех

десятилетий прожили вместе. Не заметили, как пролетели сорок три года! Как один день! Была она ласковой мамой, и кормилицей, и «постельной принадлежностью», как любила она выражаться. Только я-то жаждал Любви.

...Встретил я её в парке. В ЦПКО. На «проводах белых ночей». Белые ночи в Ленинграде были сказочно белыми. Белые платья, белая музыка, белые танцы. На белый танец меня никто не приглашал. А приятеля моего Борю приглашали. Он был толстый, упитанный. А я был тощий, как уличная собачка. Собачки, и те были находчивее: они умели просить. Просить ласково, быть самыми ласковыми. А я в гордом одиночестве стоял, неизвестно чем гордясь. Находчивым оказался Боря: он подвел её ко мне с загадочными словами: «Станцуйте с поэтом. Не скучайте!» Последнее относилось ко мне. Я, наверное, казался «скучнейшим типом» в белом ликовании белой ночи. Душа моя стала возвращаться ко мне. Особенно после его слов: «Станцуйте с поэтом». Большие глаза смуглолицей незнакомки удивленно посмотрели в мои глаза. И она осторожно положила руку. Танцор я был неважный: спотыкался, наверно. Но важно было не это: я танцевал с самой незнакомкой. Незнакомка Блока давно пленила меня волшебной магией магической Богини. И, казалось, Богиня снизошла с небес и прикоснулась ко мне. Тепло ее руки в моей руке, а от прикосновения грудей девичьих, кажется, искрюсь, пламенею, немею. От пламени, кажется, пора бы заговорить стихами, а я был нем как рыба. В ту пору были в моде не бизнесмены, не торгаши, а поэты. Я был благодарен другу, что он представил меня не как танцора, а как поэта. Мы вместе с ним посещали литобъединение при университете, где он учился на журналиста. Но он больше писал стихи, а не статьи газетные... Нам с ним было хорошо. Но чего-то не хватало: богинь, что ли? Жил я тогда богинями поэзии. И вот она в реалии, наяву, совсем рядом. Её жизнь была, конечно, далека от стихии стихов. Но в глазах её вспыхнуло, кажется, любопытство.

Танцы кончились. Парк двинулся в сторону мостов, к трамваям. Девушки, с которыми мы станцевали несколько танцев, направились в ту же сторону. Так просто пошли и мы, не попрощавшись. Кажется, они и не взглянули на нас. А я глядел в след. След мог

¹ *Мариусам* – по манси «сам» – глаз, «ури» – охраняет, «маа» – земля – Глаз, охраняющий Землю.

потерять сию же минуту: тысячи молодых ленинградцев пришли проводить белых ночей волшебство. Волшебство уплывало от меня... Я сник, как веточка под тяжестью холодного снега. Выручил Борей, предложи: «Пойдем с ними, проводим, как положено! Это же Сорни-нэ!» Борей знал кое-что из мансийской мифологии: «Сорни-нэ – «Золотая Женщина»... Мы догнали их уже в толпе, перемешанной молодыми голосами, телесами... Телеса и танцы, танцы и телеса; а душа где-то там... Моя душа тоже была заворожена: не только большими цыганскими глазами, но и статным телом и волшебными грудями. С младенчества преследует меня это волшебство. Долго сопротивлялся этой пакостной тяге: десять лет, пока учился в школе, я придавливал эту мелкую страсть, презирая себя, проклиная себя высоким штилем высокой школьной литературы. А теперь – вздрогнул, провалился... Заговорило во мне телесное, а душа будто потерялась. Особенно когда её груди оказались рядом, когда мы втерлись в трамвай, полный такими же, как мы, жаждущими близости... Близость стояла рядом, вынужденная терпеть толчею трамвайную.. Трамвай позвякивал, вздрагивал – вздрагивали и мы т прикосновений, вызванных внезапными остановками... Я ошалел, потеряв всякий стыд, прижимался к ней, давая понять, что это не случайно. Она пыталась освободиться от бесстыдной толпы, прижимавшей ее с боков, слева и справа. Я был справа и чувствовал себя правым, имеющим право вести себя так, потому что эта незнакомка меня очаровала...

...И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу.
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

Блок нашептывает мне колдовское заклинание. И глядя на ее модерново закрученные в пучок волосы, во мне снова и снова оживали колдовские строки моего кумира:

...И каждый вечер в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне...

За окном трамвая плыл уже не блоковский Петербург, а советский Ленинград. Но стан ее очаровательный был схвачен шелками чуть ли не петербургских времен. В городе, названном Ленинградом, жил не только блоковский дух, но и незримо дышала загадочная магия Петербурга...

Трамвай остановился. Остановилось мгновение очарования. Поплыли обыкновенные слова прощания. Проститься можно было навечно. Но Борей, мой приятель, прочитал такой стих, что одна из незнакомок согласилась на встречу, предложив два «пропадающих билета» на футбол. Это была моя незнакомка. Другая же, сославшись на важные дела, отказалась от футбола. И видно, от нас. Но незнакомка дала надежду на встречу с нами, назначив время и место. Правда, она обращалась больше к Борей, а не ко мне. Во мне это не гасило радости встречи с загадочной незнакомкой...

В ту белую ночь я спал и не спал. Перед глазами стояли ее глаза. Большие, излучающие спокойно-загадочный свет, глаза ее показались мне до боли знакомыми, будто я их знал вечно, потеряв когда-то случайно. То ли по недомыслию, то ли по недоразумению. И, кажется, я их искал вечно, ожидая мгновения встречи. И вот эта встреча... Но она же обращала внимание не на меня, а на упитанного Борей. И с ним, а не со мной, договаривалась о свидании. О свидании же грезил я, вертясь в постели. Постель моя превратилась «в место жертвоприношения». Я обливался не кровью, а потом. «Жертвенный пот» мыслей, сомнений, надежд превратил ту белую ночь в ночь казни на смертном одре. Секунды, минуты, а не часы стали мерилom времени. До встречи было далеко-далеко. Бесконечно далеко... Вечностью казалась ночь ожидания встречи с незнакомкой... Под позднее утро, кажется, я уснул. На мгновение. И это мгновение показалось тоже вечностью. Во сне я был уже с ней, с моей знакомой незнакомкой...

Придя в квартиру приятеля, я нашел его в сладком сне. «Иди, чую, это твоя Сорнинэ», – изрек Борей в полусне... Я испугался встречи с незнакомкой один на один. Пришел встречи «не в час назначенный», а немного раньше. Крутился ли, вертелся ли, оглядывался ли по сторонам, ожидая ее чудного появления, не знаю. Но состояние свое помню. Весь сжался, как береза под снегом,

как звезда в ожидании взрыва... Все космические силы, кажется, сжались во мне, как в сказочном Мировом Наблюдателе. И наблюдал я, кажется, каждую сторону, откуда могла появиться незнакомка. Наконец, она появилась. Удивилась, что я один. Но признаков особого сожаления не проявила. Я стал оживать, как таежный ручей от весеннего солнца. Солнце искрилось на листьях какого-то невзрачного деревца, стоящего на берегу Финского залива, искрился и залив, на берегу которого возвышался стадион, куда направлялись мы. Футбола, конечно же, я не видел. Глаза мои, душа моя и все мое сущее было поглощено ею. Я потерялся в ней, как сон, как утренний туман в свете сияющего Солнца. Солнце озарило меня, и я забылся, кажется, навечно...

Внезапно вспыхнувший огонь в моей душе сжигал меня. Что за огонь, что за страсть? Страсть духовная или плоть молодая во мне взыграла? Как у всех молодых, может быть, горело тело, следуя вековому инстинкту размножения? Случайна ли страсть молодость или это любовь?

Пусть хоть звезды дремлют –

Я Тебя целую.

Пусть хоть месяц смотрит –

Я Тебя целую.

Пусть хоть стол стоит –

Я Тебя целую.

Пусть глаза хоть пялят –

Я Тебя целую.

Пусть собаки лают –

Я Тебя целую:

Наверно, я Тебя

Очень ЛЮБЛЮ.

Любовь... Что же это такое?! Любовь с первого взгляда... Что это за чувство? Банальное сексуальное влечение, возбужденное образом женщины, нарисованным в молодом мужском мозгу? Разрез глаз, цвет волос, овал лица, запах тела, манера поведения женщины, случайно встреченной, доставили мне не только высшее удовольствие. Радость, сексуальное возбуждение, восхищение! И вдохновение до вдохновенных стихов и прочих признаний...

Но что это за чувство? Кажется, я когда-то настраивался на разумную жизнь. Чувства и Разум. Эти два Духа живут во мне то как соперники непримиримые, то как братья, ищущие согласия. Дух Разума должен был бы анализировать возникшую «обстановку», дать более или менее объективную оценку данной «ситуации», но на самом деле «по-братски» помогал усилением первой реакции, принадлежащей Духу чувства. Дух чувства – художник великолепный. Как положено художнику, Дух великолепия ориентируется на великолепие внешности, ничего не смысля ни в сути, ни в содержании. Да и хочет ли смыслить? Чувства не рассуждают, не исследуют. Дух великолепия дает заготовленные ответы, не анализируя ни мгновение, ни вечность. Не вечность живо чувство, а ощущением чудного мгновения... И все же Дух Разума должен дать ответ, анализируя мгновение. Но разве Любовь и для Разума дело неважное? Да, любовь – это не только важно, но и священное дело. И это дело надо обмозговать по-братски всей сущностью. Сущность же видит все под углом страсти: замечает достоинства, возможно, отсутствующие в действительности, игнорирует все недостатки. Кажется, именно в этом состоянии был я в то мгновение. Если не отвечают сразу моему чувству взаимностью, а я всеми доступными средствами уверяю себя, что вот-вот ответят. Я же глазастый, вижу симптомы... Я сгораю в пламени убеждения в правильности выбора. Я твержу себе во сне и наяву, что она не такая, как другие; она не просто необыкновенная женщина – она Богиня! И пламя моих чувств не иллюзия, а настоящее чувство, ведущее к настоящему счастью. И потому я просто обязан её зашаманить, добиться взаимности, влюбить в себя, чтобы в конце концов стать самим собой. Сто и случилось с нами.

От Любви Твоей высокой,

Человечной, тихой, чистой,

От меня такой далекой

И немислимо так близкий –

Я не красавцем становлюсь

И не высокою звездою –

Я смотрю в себя, дивлюсь:

Становлюсь я сам собою.

«Становлюсь я сам собою»... Нет, это не просто высокомерная самооценка. Это иллюзорное чувство рождено жизнью. Жизнь, не благосклонная ко мне в детстве и в подростковом возрасте, наконец-то улыбнулась улыбкой девушки. В девушке мне почудилась «моя женщина». Женщина меня родила. Женщина меня покинула, сделал меня сиротой.

Во сне я плакал. Пришла мама. Успокаивала. Слезы мои лились еще горше. «Где была столько лет? Почему покинула? Почему раньше не являлась?» – ругался я, заливаясь слезами безысходности. Лицо мамино. Румяное, молодое лицо. И ласки, как из детской сказки. Сказка оказалась обманчивой, как сон.

Сон «пришествия мамы» казался явью, и все же сном. Сон сомнения извергал из меня возмущение всего моего существа несправедливостью природы, лишившей меня так рано материнской ласки... «Не уйду я больше!» – выплыла, как из сказки Космоса. Сказка спокойствия овладела мной. Космос растворился в моем сне. Я проснулся. Рядом дышала Лиля¹ – душа живая второго пришествия.

Мне чудилась та, которой посвятил столько гимнов, песнопений, признаний...

Лили, душа моя! Я выбрал Тебя, как Маму,
Маму, ушедшую в вечную вечность,
Вечно я в Тебе искал.
Искал в ласке твоего прикосновения,
Воспринимая ее, как воскрешение
Маминой ласки.
Ласковая сказка,
Сказка чад наших ликовала.
Ликовало очарование жизни –
Жизни прозрения плоти неразумной
Неразумного человека.
Благодарением за рождение,
Благоговением
За воскресение.

¹ Лилия – имя; «Лили» – по-манси – душа.

Мой Дух Великолепия, Дух художника ликовал от сознания явления Женщины. Она, должно быть, была иллюзией гармонии. Это может произойти и происходит с любым человеком (особенно в молодости!). Человек, привлекающий меня внешне, может не соответствовать мне по духу. По духу близкий (родной)! мне человек, может быть, ходит рядом, но внешность его совсем не прельщает меня. Особенно избирателен мой Дух великолепия, Дух художника. Он своей магией подавляет Дух разума. Дух разума по-братски уступает, тоже наслаждаясь великолепием мгновения в оправе великолепной внешней красоты. Красота спасет мир! В этой спасительной иллюзии Дух великолепия черпает вдохновение. И не без успеха!

А вот когда вступил я в юность,
Она, Россия, для меня
Вдруг девушкой обернулась,
Глазами, полными огня.
В дни радостны и лихие
Женой и другом мне была.
И как подарок от России,
Она мне очку родила.

Родила и сына, и внуки у нас пошли. Не все просто было, но жизнь та была как полная чаша... И чаша полная, конечно же, подерживалась самоотверженным даром самоотверженной женщины. Много ли таких женщин на планете Земля, не знаю. Но со мной была не просто великолепная женщина: величие русской женщины проявлялось в ней в миг жизненных потрясений! Мой Дух великолепия пытался откликнуться словом признаний.

Лиле

Велика ты, женщина, велика!
Велика в любви и прощении.
В снисхождении нет равного гения:
И примешь сына блудного,
Заблудшего мужа согрешь,
Развеяв слезы жемчужные
Жемчужных мужских походов.
Гений, лишь материнский гений,

В свечении инстинкта спасения,
К спасению готов – и сына, и рода.
Род человеческий сгинет,
Покинет жизнь планету,
Когда в планетарном сознании
Иссякнет вера в величие,
В величие женского гения –
Гения погибели и спасения.

Женщины ласкали, обнимали и обещали жить вместе аж до гроба! А я, дурак, верил. Будто я и на самом деле был такой-сякой. И сильный, и умный, и талантливый, и даже гений! Про красоту, правда, никто не говорил. Да я и сам знал... Но красота и ласка женщин извергала из меня слова:

Мои женщины, мои славные,
Мои милые, мои милейшие.
Милейшие ваши признания
Незнанием вас приоткрываются...
Приоткрываются, не открывшись
Откровениями милейшими...
Милейшие, мило-милые,
Как без вас нам самим открыться
Откровениями
Неоткрытыми?!

В чем тайна женского очарования? Магией женского притяжения хотел обладать и я. Красивых женщин хотел. Но хотели ли они меня? Не попытка ли испытать иллюзорную мужскую силу привела меня к другой жизни? Может, Дух великолепия так постарался?

Камлание пятое

И проснулся я на льду.
Кай-о! Кай-о! Кай!

Во мраке. Мороз жжет. А я куда-то иду. Кувыркаюсь, но иду. Замерзаю, но иду. У крутого берега сухой валежник. Добрался до валежника, костер развести замыслил. Нож оказался в ножнах при охотничьем поясе, и топорик кА-то не потерял. Вырубил две

плашки из сухого дерева, добыл огонь трением, разжег костер, вскипятил кипятку... Листья продрогшей смородины превратили кипяток в живительный северный чай. Выпил чаю: глаза приоткрылись, мысли потекли, душа зашевелилась. По щекам потекли слезы. Что за слёзы? Слезы безысходности? Слезы любви? Слезу надежды? Слезы замерзают ледяными шариками. И звездный купол неба как большой звонкий шар. Звенит мороз. Звенит и звездный Млечный Путь. Среди морозных звезд ода светит ярче. Аж глаза режет. Манит, будто шаманит. То морозит, то греет, то пугает, то вселяет надежду. Надежде на тепло, на свет... светит высокая звезда, и слезы, кажется, начинают оттаивать... И что за звезда? Волшебница какая-то! Не та ли самая?! Не Полярная ли? И чей-то Голос сверху: Полярная Звезда.

Шаманская Звезда.
Жгучая Звезда.
Путеводная Звезда.
Живучая Звезда.

Живучесть этой звезд оживляет во мне замирающую душу. В душе моей просыпаются искры то ли солнца, то ли желаний...

Чаю попил – глаза проснулись. Из-под снега железяка какая-то выглядывает. Копье, что ли? Давно, кажется, не воевал... Век, два, тысячу лет оружием моим было не железо! Откуда копьё здесь взялось? Приподнимаю железяку, вижу: пешня, который рыбаки долбят лед. Иду к реке, начинаю долбить лед. Долго ли, коротко ли долбил – выдолбил: вода забурлила, рыбка выскочила... «Дай подышать! – молвила рыбка человечесьим голосом, плескаясь в струях, хватая воздух раскрытым ртом. – Ох, этот вечный зимний загар! Ох, это тягучее черное золото! Чем захлебнуться в этой вонючей жиже – лучше съешь меня!»

В желудке моем что-то зашевелилось, заурчало, закричало, неистово требуя жратвы. Не стал я жрать рыбу, как зверь. Сварил уху, как рыбака, как манси. На поясе моем спасительном я нашел не только котелок, но и кремень, и точило, и шило... Если есть пояс – манси не пропадет не только в тайге дремучей, но и на льду жгучем!

И снова Голос с высоты:
Темень.
Мразь. Мороз.
Мороз до жгучих слез.
Живучесть высоких Звезд.
И звездность Жизнедуха.

Жизнедух? Что это такое? Это Торум? Это свет, тепло, любовь?
Любви все возрасты покорны. А тепло от Любви и Солнца? Неужели за светом звезд скрывается Солнце?

Голос с высоты:
За Северным сиянием
Скрывается зимнее
Солнцестояние.
Воспоминание.
Воспоминание о тепле и лете,
О белом, белом свете!
И просыпается слух –
Космический Жизнедух.

Вдруг замечаю, что я еще и думаю. Задаю вопросы. Жизнедух...
Чей Жизнедух? Мой или Крылатого Пастора, моего двойника?

Живучесть этой звезды оживляет замирающую душу. В душе моей просыпаются искры то ли солнца, то ли желаний. Желание пить, желание есть, желание любить... Любить... А что это такое? По-моему, я помешался на этом слове. И теперь уже не знаю, но что-то я чувствовал, даже слышал.

Голос с высоты:
Любовь не рассуждает.
Любовь безумствует,
Горит,
Творит чудеса,
В небесах витает,
Летает по земле грешной...
Грешная, святая, искренняя.
Искрою зажигая душу, поднимает падшего.
Падшая, возвышенная
Возвышенного на землю ставит.

Не оставит.
Не оставит в покое ни Бога, ни раба.
Раб Божий жив любовью.
Кровью упиваясь,
Умываясь слезами горечи,
В горьком подземелье стонет,
Схороненная, но не убитая.
Не убивай любовь рассуждением.
Гением наваждения души
Дыши...

Умник нашелся. Учит. Сверху легко поучать. А Ты, Верхний дух, внизу побывай... Посмотрим, кем ты проснешься. На Земле – нет любви. Если бы любовь была – я бы не мерз. Теперь вот продрог до нутра... И за что так не любит меня Земля? Прижимаюсь к ней – а она холоднющая, знобит, а не греет. Не до любви тут, тепла хотя бы чуточку!

Голос с высоты:
Сквозь мрак Полярной ночи
Сияет жизни зренья,
Приоткрывая завесу
Духовных тайн
Космического слуха
Жизнедуха.

Жизнедух опять будить во мне какие-то неясные чувства, желанья. Желание любить и быть любимым. Но любимой нет, как и Солнца. Только темень да мороз о слез...

И просыпается слух –
Космический жизнедух.
В ночь зимнего солнцестояния
Родится новый Дух;
Дух просветления,
Дух обновления
Тела и души.

Да ведь это опять тот Пу-Пыг, Говорящий Дух, и не сверху говорит, а изнутри. Да как он надоел мне! Когда оставит он в покое мою душу!

Душа моя замерла, как и ветки склоненных снегом деревьев. Состояние мое морозное, не звездное. Звезды высоко, но они искрятся, будто подмигивают, мол, все еще впереди. И я шепчу молитву:

Звезда любви угасшей,
Не угасай, прошу!
Твори, сотвори вновь чудо!
Чудо, чудо, чудеса любви!
Любовью не согревшись, сгинуть?
Застыть, не познать горенья?
В свечении неугасшем есть отрада!
Отрада, радость, радостно сверкни,
Сверкни лучом в кромешной стыни.
Стыну, стыну, стыну!

Молитва: «Мирсуснэхум всевидящий, разве ты не видишь, в каком я состоянии! Ты же мудр и всесилен, как Торум. Помоги мне, отчего я стыну? Помоги мне, отчего я мерзну?»

Мразь, мороз, лед. И кажется мне, что сливаюсь со льдом, с небом, со звездами. Звезды мерцают таинственным светом. Таинственный свет искрится и во мне. Я не хочу жить в этой мрази. Но и умирать не хочу. Чую, что не живу, а просто искрюсь. Искрою лечу среди звезд Крылатым Пастором. Озаряясь звездным светом, хочу глядеть на мир как наблюдатель мира, Мирсуснэхум. Мирсуснэхум – брат Крылатого Пастора. Но где же Крылатый Пастор? Вместо Крылатого Пастора появляется девушка.

Поет:
Я – Северяночка
Белоснежная.
Сиянием Северным играющая
Во тьме полярной ночи,
Для тебя, мой заснеженный,
Стану пламенем заснеженным;
Тьму твою развею
И, может быть, согрею.

Согрею? Согреться бы мне надо! Да только как может согреться какая-то снегурочка! Вся сама завьюженная. Вьюг еще мне не хватало: кругом и так одни вьюги да ветра колючие. А глаза-то не

колючие: то ли умненькие, то ли ласковые, теплом от них веет... А тепла так хочется!.. А почему кругом мороз да темень?

Глаза... То ли синие, то ли зеленые... Стоят перед моими глазами, сияют. Загадочные глаза не уходят из моих глаз, загадочные воспоминания будят в душе моей близость блаженную. Припоминаю... Даже помню: синяя весна, зеленое лето и эти глаза... Они не уходили от меня, светили всегда. И когда я был на коне, сияли, и когда был под конем, светили... Даже на Том Свете я шел на этот свет. Когда червячком родился – полз на этот свет. Загадочный свет загадочного сияния будит во мне благостное состояние... Будто эти глаза меня целовали... Будто эти глаза меня миловали... Мило-милые... Да это разве возможно?! Только может быть в сказках! И то не бывает! Чудеса случаются. Но то чудеса! И творит их только чудотворец расчудесный! А я лишь расчудесно из берлоги вышел. Лапу не сосу – и то хорошо! Чаек пью – и то хорошо! Хорошо, когда кому-то хорошо! Хорошее идет к хорошему. Хорошее не забывается, как глаза, как женщина!

Женщина! Опять эта женщина! Однажды она меня похоронила... А может, мне это показалось? Многом людям кажется. Кажется, кажется... Кажется, эти глаза меня вновь чаруют... И вместо медвежьего рычания я шепчу молитву:

Ты моя соломинка,
Соломинка спасения;
Ты моя спасительница,
Богиня зеленоокая.
Далекая и близкая,
Близкая душа,
Душевный трепет ласки сказка наяву.
Наяву, а не во сне
Светопреставление.
Становление из ада,
Адское горенье,
Кипенье льда
В ледяной купели.
Летят звезды искрами.
Искренность жива!

В пляшущих лучах Северного Сияния кружится Сорни-най, Золотая богиня. Богиня-Любовь, Богиня-Мать, искрятся золотыми искрами, серебряными, бронзовыми, всеми цветами Северного Сияния, спускается с неба прямо ко мне. Я теряю разум, схожу с ума... И слышу:

«И жива я воспоминаниями будущего тепла и гармонии. Я поделюсь с тобой своими видениями... Существо я давнее, с Сатурна я. Там я приняла «растительный корень жизни». В кристалле моего холодного тела я извлекла код тепла, ген разумного существа. И родила я первенца. И брошены мы были на Землю. Арктурианские нити энергии помогли рождению разумных в Среднем мире. Познакомившись с обитателями Среднего мира, я стала искусной «внедрительницей кодов памяти иных миров, иного, Высшего разума. Мне не удалось лишь освоить искусством во внесмертия. Зато я вполне овладела искусством магического полета. И хотя корень по-прежнему был небесным, я, войдя в круг земных существ, стала думать о плане освоения Земли, наполняя ее энергией Женщины-Любви, освобождая ее от грубой мужской силы. Канал связи между Женщиной и Мужчиной должен быть постоянным, но не односторонним. Грубая мужская сила и женский свет, излученный из тайных глубин живого кристалла, - явления разные, несовместимые. И все же, и если...

Как только два этих магических существа симметрично сплетают свои лучи в объятиях, в неповторимом частотном резонансе рождается Существо, Луч Разума, Манас... Но рождение тел с искаженной мужской силой расплывает генетическую память Арктура, пришедшего из Сатурна. И Корабль Времени может полететь в тартарары, утратив видение будущего через несколько поколений».

Сойдя с ума, уйдя внутрь себя, вдруг чую: ее я знаю! Много лет, много веков, много тысячелетий я знаю ее. Знаю с того мгновения, когда в первый раз она попала на мои глаза! Впервые тогда я сошел с ума. О, что было со мной: то ли в горячем море плескался, то ли в ледяном океане стыл! То ли материнской лаской грелся, то ли в женском лоне плавал... Я ликовал вновь, как когда-то! Когда-то родила меня женщина. Когда-то не стало хватать мне женщины,

моей половинки сладостной! Радости стало мало, мало стало жизни! Жизнь дает только женщина! Женщина – чудо! Чудо из чудес – женщина, почему у меня опять казнишь?!

Посланица небес си чудес земных,
Земной голос свой где ты спрятала?
Спряталась? Сгинула? Меня покинула?
Покинутый, мучимый разлукой-скукой,
Скукой-мукой мучаюсь,
И стыну не от мороза, а от разлуки.
Скука-мука гнетет и давит разум,
Разумом лишая разумную энергии.
Энергии любви, энергии горения,
Творенье чудного, чудного мгновения
Прикосновения лишен я.
Опустошен я!
Опустошенный,
Голову склони,
Склонился сам...
Глазам своим не верю:
Неужели это ты?

Пришел в себя, вижу: ворона сидит. На вершине ели расселась ворона и каркает. «О чем ты каркаешь, родная? – вырвалось у меня. – Вороний день, что ли, наступил?» Наступил! Наступил! Наступил вороний день! Вороний день! Вороний день! Кар-кар! Вставай! Вставай! Я ждала! Ждала! Ждала! Ла-ла-ла! Кар-Кар!

Почему меня ждала ворона, а не Сорни-най? Помню красавицу из красавиц! Белолицая, краснощекая. Не высокая, но не низкая. Косы у нее развевались как «семикратная Обь вместе с устьем». Из кос её исходило днем дневной свет, а ночью лунными лучами развевались её косы сияющие. А тут ворона черная!

Голос с высоты: «Что ты гонишь Уринэкви, охранительницу свою? Разложи слово «уринэква», и ты поймешь суть: «ури» – «охранять», «эква» – «женщина». Уринэква охраняла твой сон, пока был ты «в коме»... А теперь настал Вороний день. «Пойксям Сянь хотал» – «сакральные дни молитв»! Молись, молись!»

Кай-о! Кай-о!
Кайф утраты,
Кайф расплаты
Меня настиг.
Чего хотел –
Того достиг:
Кайф расплаты
Меня настиг.
Кай-о! Кай-о!
Кай е-е!
Одиночество
Мое!
Ой-о! ой-о!
Ой-ее!

Голос с высоты: «Молись, не стесняйся. В молитве есть тайна. Входи в тайну открыто. Признайся, пока можешь признаться».

И из меня поплыли слова, которые я в другом случае постеснялся бы произнести:

Во имя мощи Торума,
Мощью присутствия Природы
В природном теле моем
Мою молитву выслушай, Многоликая!
Великой мощью сакрального огня
Меня одарившая да одарит теперь послушанием.
Послушание, слушание – мудрости дар.
Даром слышать убого одари!
Озари грозовой мой дух зрением
Прозрения Закона прощения.
Прощения прошу у всех, кого обидел!
Обидел кто меня–и его прощаю!
Прощаю, зла не знаю с мгновения
Постижения Закона прощения.

Не успел закончить молитву, вижу чудо: лежу не где-нибудь, а перед Урой¹. Священная избушка перед святилищем. Там, должно

¹ Ура – избушка на курьих ножках.

быть, «сидят пупыг» среди сокровищ, даров верующих. Добрался до Уры, бревнышко-лесенку подправил, вверх взобрался, дверцу открыл, вижу чудо: Сорни-най сидит, смотрит на меня глазами-бусинками, не шевельнется даже!... Посвященные знают призывный гимн Калташь-най, Сорни-нэ:

Стоит незримое капище
Золотой богини без золота
над белой горой,
над самой низкой впадиной,
где начинается Нижний мир –
мир огня золотого
и золотой воды очищения.

А летает Золотая Баба богиня в то время лебедя-журавля, то в ворону обратится, а то зайцем белым скачет, выполняя роль посредника между тьмой и светом, смертью и жизнью, между ненависть и любовь.

Камлание шестое

Что же случилось с нами? Почему я оказался на льду? Кай-о! Вслушиваюсь себя. Слышу, кто-то во мне говорит: то ли Жизнедух, то ли Дух Великолепия, то ли Слово-Песня начало снова петь. Да, наверно, Слово-Песня! И откуда он явился? Как он мог выжить на льду? Поет ведь несмотря ни на что! Послушать, что ли, о чем он поет? Как бы со стороны послушать своего песенного духа...

Что такое Любовь? Тайна? Тайна для двоих. Двое смертных земных существ волею судьбы как-то оказались связанными. В Космосе все связано, взаимосвязано. О то же самое и в микромире. Электроны, атомы, молекулы... Это могут объяснить физики. От физики я далек, как до Луны. Но о Луне я, человек белого безмолвия, могу молвить стихи и могу размышлять, как она действует на влюбленных.

Сияет луна – снег неспокойно искрится,
Точно легкие волны по небу плещут
И по сердцу легкий трепет...
Трепет грусти, печали качнет волну,
Волну любви, счастья...

Лунные грезы, лунные сны,
Лунные настроения,
Лунные чувства.
Чувство любви под северной луной острее...
Острее тревога расставания...
Тревожно под луной.
И в сердце вечный лунный прилив,
Прилив без отлива.
Прилив грез,
Настроений,
Любви...

Любовь – одно из божественных чувств. И чувство связи, взаимосвязи в Торуме, Природе, Космосе знали древние без физики. И все же физика кругами окружала жизнь наших предков – в орнаментах, в священных рунах письмен. Письмена эти – магические послания постижения действительности *человеком смертным*.

Я и ты.
Ты сама собой.
Я сам собой.
Кто же мы?
Мы свободные! Мы – благородные!
Благородные ли?
Свободные ли?

В свободе есть отрада.
Но я тебе рад.
Рад встрече.
Не зажечь ли
Нам свечи?

Нас двое.
Ты и я.
Мы – не случайные.
И наша встреча не случайная.

Мгновение встречи – переломный момент нашей жизни. Вздонем жизнь поной грудью, взглянем в лицо событиям, разведем

страхи сомнения, зарядимся надеждой на позитивное будущее, полное терпимости, прощения и сострадания. Так не хватало мне сострадания, научиться бы нам терпимости!... Хватит слушать голос страха, парализующий любовь! Любовью подышим, указаниями любви поживем. Избыток чувств даст возможность преодолеть пессимизм, угнетавший нас особенно ночью. Ночь темная, сгинь! Свет зари, озарись умением сосредоточиться на обретении трех сокровищ возрождения: уловить ось нашей общности, научиться прощать и сострадать! Гораздо легче погасить свет в себе, чем рассеять мглу вокруг.

Круг Любви, круг горения,
Озарения круг, круг откровения,
Вдохновения круг, круг творения...
Твори Творение, Творец!

Хватит страдать одному (одной)! Войдем в круг двоих, соединим круги наши в один большой круг общности, круг мудрости. Соберем в круг мудрости скрытые сокровища наших тел и душ. Честно и мужественно отбросим прочь все мелочное, попытаемся построить более сознательную жизнь, наполненную состраданием и пониманием. Попробуем, а?! Нас двое! Но мы – во тьме.

Мы – во тьме.
Тьмою окутана даль.
Даль манит лучезарностью
Лучезарных мгновений встреч
И расставаний...
В мгновениях встреч
Лучезарные мгновения прозрения.
Прозрение... Мы жаждем прозрения...
В чем наше прозрение?
А мое гордое «Я»
Как быть с гордыней моей?
Ей-ей! Ой-ой!
Гордыня
Должна смириться?
Смирение...
Прощение...

Как настроиться
На волну смирения?
Смирно? Мирно?
Примириться
С миром?
С миром в мире жить!
Жить и не тужить!
Мир двуедин?
В единении –
Наша жизнь,
Как в Природе, Торуме, Космосе?

И вот теперь я «в коме». Лежу ли, лечу ли, не знаю. Только от меня что-то требовали. А, вспомнил, требовали кристалл. И не только духи угрожали... Духов можно назвать мифическими. Миф есть миф. Сказка, выдумка, приведение... Но приведение – это не видение, не реальность. Реальность «видится» глазами, «слышится» ушами. А дух?..

Впрочем, мы о кристалле. Кристаллы не приведения какие-то, а камни сияющие. В сиянии их есть что-то живое, действующее не только на глаза... Душа, бывало, шевельнется, тело вздрогнет от «мигания шаманских лучей». В детстве я любил «шаманить с кристаллами». Сидишь у железной печки с полуоткрытой дверей, смотришь, и вдруг струи какие-то заструятся, зашевелиятся в хрустальных гранях, - и окрыляешься, и летишь над тайгой, над замерзшей рекой аж к Уралу – «Поясу Торума¹ с хрустальными вершинами гор. Игрушечных кристаллов у меня было много: отец привозил их с Мань-пупыг-нер² духа Опа-Пыг³, куда ездил он к своим оленеводам как председатель колхоза...

Отец мой к кристальным камням относился, как все коммунисты, каменно. Для него они были неживыми, как для дедушки. Впрочем, это он выказывал больше для вида, изображая борца со старыми предассудками.

¹ Пояс Торума – «Когда Бог Торум «садил» Землю, он для укрепления Земли опустил свой драгоценный пояс с магическими камнями, в которых энергия жизни «окаменела» ждала мгновения нового рождения».

² Мань-пупыг-нер – Малая гора Урала.

³ Опа-Пыг – Сына-Отца.

Дедушка относился к кристаллам как к живым созданиям. Когда он брал в руки семиголовый кристалл, он преображался, становился необычным дедушкой. Поприветствовав своего Говорящего Духа, он долго и терпеливо вызывал «душу» магического камня на душевный разговор. Для него этот семиголовый кристалл был приятным собеседником, обладающим феноменальной памятью. Память времен минувших, события, канувшие в Лету, оставили не только отпечатки в прозрачных гранях, но и светились лучами будущего. Этот волшебный кристалл мог не только предсказывать будущее, но и таил код спасения. Какого спасения? Спасения тот чего, от кого – оставалось тайной дедушки... Этот кристалл был многогранным, умел вытворять все: и записывать, и хранить информацию... Молчаньем каменным он говорил на своем кристальном языке, понятном только посвященному. Посвященный же, общающийся с этим магическим камнем, переводит эти откровения на человеческий язык, анализируя и делая прогнозы...

Кристаллы, давно попавшие в руки людей, как молчаливые свидетели человеческих судеб несут вести новым поколениям, принося одним удачи человеческого счастья, другим – мучительные болезни и смерть.

Камлание седьмое

Као-о! Кай!

Была у меня женщина. И дочь, и сын, и внуки... Где же они? Что стряслось в нашем мире? Почему я оказался в ковчеге, летящем в иные миры?

«Дисгармонию Жизни, которая могла быть райской, кто внес? Да, тот же самый Куль, брат Мирсуснэхума. Чтобы стать сильнее сильного, Куль пошел на хитрость. Он решил заключить союз с мужской силой. Мужская сила против женской. Это соперничество привело к раздроблению энергии творения. Энергия разрушения стала набирать невиданную мощь. Ситуация на Земле стала неузнаваемой. Но Мирсуснэхум и все светоносные силы планеты и раньше учитывали энергию, которая таит в себе вызов. Творцы света были уверены, что эволюционный опыт творения позволит светоносцам с честью выбраться из этой разрушительной

катастрофы. До катастрофы было еще далеко... Но Кулю удалось вовлечь энергию созидания в борьбу. Борьба мужской энергии и женской силы приводит к дисгармонии, к которой стремится Куль и все хитрости зла, кишащие рядом со светом Добра».

Просил же: не приход во сне! Просил, умолял, молился всеми молитвами. Ты меня достала. Достала даже в полете, даже в космосе. Ты же космос мой не признавала. Дурачество, мол, исписавшегося стихотворца. Мол, лишь мои юношеские стихи были настоящими. Ты знала их наизусть. Те книги для тебя были библией. А космос мой почему-то невлюбила. Что ж ты сама оказалась в космосе?! Что ты мучаешь меня, почему не отпускаешь? Почему приходишь в сны мои?

Когда-то ты просила меня: «Отпусти!» Умоляла, проклинала, что прицепился как клещ. Клещ, не клещ, а я был влюблен! Глубоко, искренне любил. Не мог иначе!

Хоть клещом быть, лишь бы любить!

Мама наша родная,

Родные твои с Тобою!

С Тобой даже сбежавшие,

Познавшие родство иное.

Иноков простишь ли?

Простишь ли Ты сына родного,

Родного чужака?

Чужака-отца поймешь ли?

Поймешь ли ты страждущих

Любви и новых творений?

Творения требуют жертв.

Жертвенная и святая,

Поймешь ли Ты нас, не святых?

Не святые, грешные,

Нездешние – в затмении.

В затмении – тропа творения.

Творение жаждет Музы,

Творческого союза.

Муза замолкнет – конец.

Конца ли Ты нам желаешь?

Желаемая, великодушная,

Душой постигни душу!

Даже Твоей высокой,

Волоокой красоте –

Красотой сиять и цвести!

Цветы за нами

Мама, милая Мама!

Прости, прощай!

Любила ли ты меня, не знаю. Ты не любила говорить об этом. Мол, русские женщины о любви не говорят. Часто слышал одно и то же: «Тебя я пожалела, без меня пропал бы, превратился бы в коколика (алкоголика), как говорил твой отец». Мне было обидно, особенно за жалость! «Неужели я достоин только жалости? Неужели я так и не испытаю чьей-то любви?» – гложут эти вопросы меня до сих пор. Даже в полете, даже в космосе.

Нет радости больше, чем любить и быть любимым.

Любим был ли я? Был ли я любимым?

А я любил, как Бог! А больше не мог.

Бог любит – не голубит. А я любил – ласкал,

Увлекая в космос обычную постель.

Постели. Ах, постели! Постели каждый стелит.

Стелется и метелится магия любви.

Любви так не хватает! Хватает лишь словес –

И бес бесится рядом с бесом небес холодных.

Холодно мне, холодно. Голодно душе.

Душа в сомненьях странных странного огня.

Меня огонь сжигает, увлекая в космос.

В космосе летаю, а рвусь в земле Любви.

Я старался искать слова признаний:

Милая Лиля,

Осталась ты милой.

Белая лилия в мутной волне.

Волненье Женщины,

Венчанной Богом,

Глубоко женственно.

Высоко божественно.
Божественная,
Неземная,
Земным радостям
Хоть чуть порадуйся!
Порадуйся встречам
Случайно не случайным!
Тайной открытия
Открыто насладись!
Оглянись вокруг,
Кругом друзья:
Друзья – не враги,
Враги далеко.
Далеко-далеко
Кто-то плачет
О милой,
Милой, милой
Белой Лилии.

Помнишь, я благодарил тебя за ласку, за тепло, за свет. Казалось, что внуки и правнуки тоже будут полны благоговения перед природой, родившее их. А природой той ведь были мы с тобой... Все оказалось не так просто. В какой-то миг кто-то стал их отлучать от меня... Я впал в уныние. И все же продолжал петь. Я попробовал встать на путь поучений-предупреждений.

Сыну

Маму свою сокровенную
Сокровенно поймешь ли ты?
Красоту ее неземную,
Неземную ее высоту
Высотой земной не измеришь!
Веришь – не веришь,
Но когда-то поймешь,
Поймешь – не поймешь,
Но в миг просветленья
В прозрении чудном

Чудной мамы русской
Русскую сокровенность
Сокровенно откроешь,
Как откровение
Гений женщины,
Русской тайной увенчанной!

Я впервые, кажется, приревновал тебя. Это чувство мне незнакомо? Знакомо или незнакомо, но это чувство меня резануло. Во сне. Ты лежала в постели. Не в нашей с тобой, а чужой. И ты была чужой среди чужих мне людей. Правда, среди них была одна знакомая. Чудилось мне когда-то, что она меня любила. Но я любил тебя... и поэтому, побывав несколько раз в нашем доме, она шла... Но почему она приснилась мне вместе с тобой в одной постели? Правда, там лежала и третья женщина. Незнакомая. Совсем неизвестная. Рядом с ней лежал неизвестный мужчина. Далеко от тебя лежал. Но все же вы все спали под одним одеялом. Мне стало жутко. Как это так: ты, святуха, и в чужой постели? Во мне что-то перевернулось. То ли жгло, то ли леденило. Стыло мне стало, стыло... В моих руках появился топор. Почему именно топор? Топором решить вопрос? Какой вопрос? Вопрос ревности? Какой ревности, если такому чувству ты не давала повода?! К тому же я сам ушел от тебя. Покинул, можно сказать... Хотя были причины. Но не ревности ради я ушел к другой женщине. Почему же теперь во мне проснулась ревность, когда тебя даже нет в живых?! Это был лишь сон. Сон-ревность... Значит, и я могу быть ревнивым? Но почему так приподнилось это откровение? Мне жутко от этого сна.

Дочери Оринэ

Твоя Мама святая.
Святее святынь.
Не остынь в русской святости:
В святости богинь
Найди ключ движения
Гения женщины,
Увенчанной славой
Отравы
Вечно правой

Матери Матерей!
Стервенею не стервенею –
Святее нет доли:
Воли рождения,
Продолжения рода!
Природы вечной
Вечную святость
Свято и ты как-нибудь сохрани!
Храни тебя Бог!
И себя сохрани!

«И себя сохрани!» Неужели это я сказал? И почему я сказал так? Может, это говорю не я, а какой-то Дух, использующий мой язык для своих каких-то тайных целей? И почему я болтаю стихами, а не говорю на нормальном человеческом языке, которым пользуются нормальные люди? Почему стихия стихов казнит меня?

Камлание восьмое

«Часто причиной любви двух людей бывает не красота или удовольствие, а лишь сходство душ, скрытое соответствие между любящим и любимым. Это также один из удивительных видов любви»

Газали (1058-1111)¹

Женщина, которая была в нашей Крылатой лодке, однажды обратила на меня пристальное внимание. В кристаллах ее глаз что-то сверкнуло. И во мне зазвучало ее откровение:

«Я, Дух Высшего разума, женщина зимнего солнцестояния. И стою за свои принципы стойко, как морозы зимние, декабрьские. Во всем виновата женщина? Возможно, этот клич родился и не на земле. История моя ложно искажена. Я, древнейшее существо, принявшее растительный корень... В ледяной мгле Арктики я стала искусной хранительницей кодов памяти Луча Природы,

¹ Великий поэт и теолог, философ, мистик, оказал влияние на средневековую философию, в том числе, в том числе Европы. Родился в Иране.

утраченного большинством землян. Кристальная мудрость женщин мутнеет, тонет в животных инстинктах наслаждения и безумного размножения... Мутная жизнь с мутной философией растит чудовищ вместо творцов.

Смогут ли женщины планеты перейти из животного состояния сознания к космическому совершенству земной женщины с высшей мерой разума и чувств?»

А я живу, наверно, чувствами. Меня возбуждают эти глаза, клонят к молитве.

Ты опять приснилась мне,
Северная колдунья.
Колдунья сиянья
И снега,
И неги спелой,
Спелая-спелая,
Перезрелая клюква красная
Распрекрасно меня пьянит.
Пьянею ли я от сочности,
От сочной ли молочности,
Не знаю.
И знать не хочу!
Лечу я в Млечность,
В бесконечность магии.
Магия белая, спелая,
Не перезрелая.
Зрелая, зрелая.
Прозреваю. Молодею.
Лечу. Свечу. Освящаю.
В тайны Торума вас посвящаю.

Ну да! Посвящаю. Вынужден посвящать: такая моя миссия на это тысячелетие.

Тысячу лет жили когда-то люди. Даже те, кто остался чудом после Потопа. Даже вот женщины... все из-за женщины! И мало стали жить, и плохо стали жить!

Виновата женщина.
Всему виной женщина.

Женщина. Женщина. Женщина.
Ах, баловница-женщина!
Ах, какая женщина!

Крылатый Пастор? Кто я? Я – существо загадочное, крылья есть у меня. Но и лишен я ног, частенько ковыляю среди обыкновенных смертных. И в се же я крылат. И знаю наивысший путь к звездам. Наводя мосты между мирами, я знаю такое, что недоступно простым смертным. Смерть и для меня тайна из тайн.

Я – Крылатый Пастор,
Пастор – мое имя.
Я – Ногастый Пастор.
Иду по Земле я ими.
А на крыльях – летаю:
Крылатый мой Дух
Видит невидимое,
Крылатый мой слух
Слышит неслышимое.
Вижу, слышу, прозреваю:
Тайны тайн открываю.

Однажды я вдруг услышал зов. Зов наполнил меня светом. Всего, до краев – свет изнутри. Он жег и пылал во мне сиянием Северного Сияния. Я понял, что должен оставить эти занятия.

Гораздо больше меня привлекали контакты с другими сферами космического бытия. Меня пронзило озарение, что именно к ним влек меня свет и зов. Зов манил меня и чаровал, затопив в конце концов все мое существо. Двигался ли я сам, или свет крутил меня в своем водовороте – я не знаю. Только чувал, что я катапультируюсь во все стороны одновременно. Вдруг спиральные струи света угасли. И я внезапно почувствовал глубинное облегчение. Кто-то стал манипулировать мной? Не стало ли это следствием моего стремления к контактам с необычным?

Скоро я почувствовал, как какой-то необычный, сияющий интеллект зондирует меня, мое нутро до нутра. Кажется, я был пронзан насквозь, насквозь исследован и насыщен магически-загадочным восторгом, а потом возвышен обратно, на свое место. Я так и не понял, что сотворилось со мной. И кто манипулировал мной?

Куль, Мирсуснэхум, Гермес или Сорни-най?» То был, наверно, чудотворец.

Чудо. Чудодей. Чудотворец.
Творец чудес.
Чудесами без чудес
Расчудесно чарующий
Очаровательнейшую чаровницу,
Умницу-разумницу
И Мутру мудреца,
Где ты?
Чудесами бодрости
И Энергией мудрости
Разве ты не исцелишь,
Из пепла разве
Не возродишь?
Возможно ль возрождение?

Надоел ты мне, Потыртан Пупыг! Говорящий Дух, ты высасываешь мои жизненные силы. Жизненных сил мне хватит, конечно, для произнесения откровения, необходимого моим братья и сестрам. Братья мои в агонии огненной воды. Сестры мои потеряли веру в мужчин и пытаются мужеподобным видом заменить мужское достоинство... Достоинства женского стало мало! А о продолжении рода и говорить не приходится... Скудеет род, мельчает... Где ты, Мать Матерей?! Кто помутил твой инстинкт трепетный, природный? Кто опустил тебя ниже нижайшего? Нагая, ты вертишься вертушкой вертлявой, не подозревая костлявой старушки, крутящейся рядом. Не взглядом чаруешь, телом торгуешь. Смакуешь вино и телевизионную муть. В мути эфирной эфемерной девой ликуешь, забыв повториться в сыне, дочери. Дочь не родишь, кто родит тебе защитника, продолжателя рода? Род оскудеет, обессилеет народ. Плачь ни плачь, молись ни молись, царь не услышит, а Бог не поймет...

«Как не поймет?!» – слышу возмущенный голос.
Возможно невозможное!
Осторожно! Только осторожно!
Осторожнее с волшебством!
Волшебство разное!

Несуразное,
Дикообразное,
Молодое безобразие
Безобразно ликует,
Торжествуя на сцене,
Цены не зная Богом данной Жизни.
Жизнь не безысходна!
Исход в любви, исход в восходе
И в восхождении разума,
В разумном творении бытия.
Бытие и питание.
Не в питании чудеса!
Чудеса расчудесные
Чудодеями творятся!
Твори Творение, Творец!

Я слышу, слышу твои камлания, Говорящий Дух. Ты говоришь во мне, говоришь изнутри. Ясно слышу я каждый звук, а слово каждое как кнут откровения хлещет по телу, хлещет по сердцу. Сердце дрожит, но гонит с кровью энергию. Энергией слова уже дышит эфир. И мир, даже сонный, сонно позевывая, слышит в себе свой Внутренний Голос, дарованный Торумом, ослабленный бытием.

Ах! Ух! Да ну их Яснослышанье им не грозит. Это мне и грозно, и звездно. Звезды со мной говорят: и я слышу и вижу, ясновидящим шагая, страдая от яснослышанья.

Куда летим, не знаю. Знаю, кажется, ту особу, которая в кресле рядом с кабиной пилотов. Почему она рядом с пилотами? И кто она, собственно, такая? И эту такую-сякую откуда я знаю? Спокойный взгляд ее больших зеленоватых глаз успокаивает меня, и я готов не задавать вопросов. Вопросы же зреют в моей беспокойной душе, звенящей всеми струнами многострунного журавля¹. Журавля моего то ли ликующего, то ли плачущего звуками оборванных струн слышно за семь рек, за семь гор. Не знаю, склоняли ли седые головы седые горы, но реки пенились, и люди порой не только восторгались, но и плакали. Люди плакали не от откровений несчастного

¹ Журавль – мансийская арфа.

журавля, а от собачьей нашей доли. Доля жизни, доля смерти, доля ненависти, доля любви. Любви, наверно, жаждет каждая душа, а ей надо думать о хлебе, хлеве, деньгах... Деньги-доллары, какие-то зелены зеленью отравы мутят, крутят жизнью, опьяняя страстью колдовской энергии самых энергичных. Энергичная любовь (если такая бывает!) гаснет в энергии зеленого доллара, а не в красоте зеленых глаз.

А меня волнуют эти зеленые глаза. Впрочем, они не столько зеленые, сколько синие. «Синь сосет мои глаза». ...В глазах моих – не слезы. В глазах моих раскосых – косой стих, как дождь косой, как коса острая.

В зеленый бор я рвусь.
Рвусь их желтизны и сини.
Синью очищаюсь, розовею.
Млею от воды и неба,
Небо опускается к огню.
Огонь во мне и в заре красный.
Красной силой желаний и страстей
Загораясь, сливаюсь с мудростью любви.
Любовь звериная, звериная душа моя
В мудрости природы
Обретает луч свободы.
И в энергии свечения
Гаснущего гения
Я ловлю последний луч
Последнего творения.

Острым глазом гляжу в зелень ее глаз, хочу понять себя, как и зеленую землю, как и синий космос. Закон космоса, требующий гармонии, в конце концов становится понятным. Непонятны законы Земли: одни требуют жить по законам, другие – по понятиям. Я не понимаю ничего нив том, ни в другом. Я просто хочу Любви.

Гарем космической любви
Любовным очагом опять искрится,
Теплится среди снегов и льдов.
Во льдах хрустальных вновь цветет
Цветок, пылающий сиянием души!

Душа, раскройся до седьмого неба.
Неба не хватает и любви земной.
Земная, человечная до дрожи...
Дрожащая, манящая струна,
Струна очарования, обмана,
Обманом ты опять меня даруешь!
Чаруешь, пируешь, колдуешь,
Зачем меня ты вновь чаруешь?

Я хочу Любви. Почему? Не знаю. Наверно, я сумасшедший. А с ума сошел я от взгляда зеленых глаз. Это я помню. Эти глубинные глаза говорили. Говорили стихами. Беатриче.

Все в мире этом – звуки повторенья,
Чтобы к неведомому перейти,
Великий Данте завершил творенье,
И Беатриче на его пути.
Она все та же – искренняя нежность,
В которой новая любовь жива,
А с нею молодость и неизбежность
Иной мечты, иного торжества.
Венок поэта я несу, не зная,
Какими терниями он обвит,
Любовь небесная, любовь земная,
Куда зовет, на что благословит?
И снова Данте, Беатриче снова,
Душа освободилась от оков,
Опять горит и побеждает слово,
Как это было в глубине веков.

Да, помню, кто-то называл меня «Данте», добавляя слово «северный» – Северный Данте. Данте. Данте. Данте. Конечно же, я Данте. Данте¹.

Поэт был такой. Великий итальянский поэт. Много веков назад он воспел Беатриче. И в миг сумасшествия зывал Беатриче, заклинающая: «Неужели Ты не Беатриче!»

¹ Данте Алигьери (1265-1321) – великий итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка, автор «Божественной комедии», воспевал в стихах женщину по имени Беатриче и оплакивал её смерть (1290).

Неужели я не Данте!
Данте! Данте! Данте!
Конечно ж, анте!
Глянь ты,
Все же глянь ты!
Послушай,
Все же выслушай!
Зеленоокая,
Далекая и близкая,
Близкая, близкая,
Ближе поднимись!
Поднимись, высокая
К высокой глубине,
Глубине души.
Душа твоя печальна
Печалью далеко-дальной
И поет, и светится
Светом непроявленным.
Отъявленный, отверженный,
Приверженный к душе,
К душе глубинной льну...
И тону, и тону, чтоб подняться
Из пропасти старения
К чаще горения
Вечной Беариче!
Беатриче зеленоокая,
Далекая, далекая, и так близко-близая,
Ближе космоса и Данте!
Данте иль не Данте,
Послушай: я пою!
Пою про зеленоокою,
Охая и ахая
От любви жестокой!

Я охаю и ахаю от любви жестокой. А Данте перед Беатриче благоговел.

Благоговение... Что это за слово? Удивительное слово! «Благо» и «говеть»... Говеть благо... Творить благо... Благотворение... Выражения почти понятные. А благоговеть?

«Благоговение есть наивысшее чувство, которым обладает человеческая натура, является венцом всего естественного бытия. Это осталось таким, каким оно было вначале; вера – это великое, вечное, первоначальное; знание – это то малое, человеческое, производное», - произносил Голос с ученой пунктуальностью. Этот Голос был мне совсем незнаком. На мой неугомонный вопрос тут же ответил «говорящий ящичек», что это слова немца Эрнста Морица Арндта, государственного деятеля и поэта (1769-1860), обругав меня за незнание обычных знаний интеллектуалов. Я уже давно не удивляюсь причудам «говорящего ящика».

И правда, «О мире и себе» мы знаем очень мало, больше догадываемся, чуем. Вера – первоначальная человеческая сила. Великая сила, вечная. Вечное благоговение перед женщиной, будь то Беатриче или Сорни-най, никаким знанием не объяснить. Это какая-то «магическая вера» в ореоле мгновения и вечности.

Язычник вечный,
Проснись!
Ещё не вечер! Еще не ночь!
Прочь недуги! Прочь!
Улыбнись,
Заново родись!
Вено вечным
Творением зажгись!

Шаги моей обычной жизни, естественное земное бытие мое подвело и мою буйную натуру к венцу: к чувству благоговения.

Боготворю тот день, боготворю.
Благодарю тот день, благодарю.
Боготворю тот день –
Тот день слиянья
Земли и Неба в бликах ночи.
Ночью белой была ты смелой.
Смело-смелой, зрело-зрелой,
В бело-белом ликованье

Ты плыла и звала в сиянье.
Сиянье глаз и миг тот вещий
Завещан был, конечно, был завещан.
Завещанный обман боготворю.
Благодарю тебя, благодарю.

В сенсорном полнозвучии ее глаз я будто что-то начал понимать. Словно жизнь подала мне знак. И бытие стало наполнять нас и как бы воссоединять в общей устремленности. В нашем духовном слиянии нам стали открываться ключи нашего нового дара. Говорить глазами, жить чувствами тайной силы.

Мы с тобою связаны,
Связаны связями
Телесно-нетелесными,
Глубинно-прелестными.
Прелестная энергия,
Энергия притяжения,
Энергия откровения,
Энергия сотворения
Творит с нами чудеса.
Чудесная,
Расчудесная, не удивляйся полету.
Полет наш не случаен.
Случайно лишь мгновенье
Прикосновения
В поле единения.

Но поняли мы, что отныне может строить жизнь по-новому и даже изменить ход событий? Мы живем – летим. Летим неведомо куда. Я только знаю:

Живет моя отрада в высоком терему.
И в терем тот высокий нет входа никому.

Нет, не в тюрьме живет она, она летит. Летит! В Крылатой лодке, в тереме крылатом. Летит моя отрада в крылатом терему... И в терем тот крылатый нет хода никому.

Озарена душою непостижимой высоты,
В высоте той тайна глубокой красоты,
Красоты незримой, на первый легкий взгляд

Взглядом не измеришь, умом ты не поймешь...
Поймешь свое бессилье перед высотой
Высокой женской магии,
Магии явления,
Явленья,
Проявления чуда из чудес...
В полете том мне снится
Расчудесный лес.

Мужчина и Женщина... Супруги! Партнеры? Любовники? Или враги в ситуациях сложных? Ложно становится сильный пол слабым, нежизнеспособным... «Геном человека» творит чудеса...

В зеленый лес я рвусь.
Рвусь из желтизны и сини.
Синью очищаюсь, розовею.
Млею от воды и Неба,
Небо опускается к огню.
Огонь во мне и в заре красной.
Красной силой желаний и страстей
Загораясь, сливаюсь с мудростью Любви.
Любовь звериная, звериная душа моя
В мудрости Природы
Обретает Луч свободы.
И в энергии свечения
Гаснущего Гения
Я ловлю последний луч
Последнего Творения.

Опять слышу чьи-то голоса. Голос сверху, голос снизу, голоса с боков... особенно звучен внутренний голос. Наиболее громок голос Говорящего Духа, который сидит то ли во мне, то ли рядом со мной и говорит: «Любовь – игра. Чувственная и полнокровная, одухотворенная любовь – одна и форм наших развлечений. Любовь – искусство. Искусство – ритмичный узор выражений вашей и нашей одухотворенности. Соразмерность, мера чувств, гармония. Гармония проникновения во внутренние миры друг друга, одухотворенность... Все это вы называете искусством». В искусном человеческом духе – тайна духа, незримо живущего вокруг, рядом, внутри

каждого человека-творца. Даже в самом молчаливом человеке может проснуться Голос:

Запела она, запела.
Полетела.
Закружилась.
Заискрилась в танце.
В танце в трансе голубом.
Голубая ночь в белом пламени
Пламенеет в зелени летящих лаз.
Глаза сей ночи, белой-белой,
Спелой-спелой пьянят меня,
В огне любви сжигая.
Полета всем желаю!
Желание желанной
Дождитесь долгожданной!

В начале нового тысячелетия, космического тысячелетия, тайна Души осталась, как и прежде, тайной. Тайна эта может «узнаваться» про себя, открываться нечаянно только одному, самому себе, как откровение, как провидение божественное. И божественное становится обычным, доступным. И тогда можно развернуть любой сценарий жизни! Для себя, для сокровенной половины. Половина – женщина, половина – это мужчина.

Прелестная женщина –
Существо слабое,
Слабое в половинчатости
Половины единой силы.
Мужественный мужчина – существо слабое,
Слабое в половинчатости
Половины единой силы.
Сила женщины,
Сила мужчины –
В мужественном стремлении
К единению.

Мужчина явленный несет в себе женщину, а женщина – мужчину. Только надо проявить половину скрытую. Явленное «плохо» таит в себе скрытое «хорошо». «Хорошее» сокровенно! Сокровенный мир.

Мир двойственен во всем, дуален макро- и микрокосмос. Космические тайны открываются во взаимодействии видимых и невидимых противоположностей. На борьбе противоположностей, в мудром взаимодействии мужчины и женщины, плюса и минуса, «да» и «нет» основано развитие мира, творчества.

Творение стихии,
Стихия со-творения,
Со-участие в полете счастья.
Счастье же так призрачно!
Призрачное сокровище,
Сокровенная кровинка,
Сокровенная половинка,
Половинчатой не будь!
Путь твой озарен
Озареньем единения
Сокровенного творения!
Твори творение, Творец!

Творение, творчество начинается с соприкосновения. Соприкосновения мужчины и женщины, как и элементарны частиц, рождает энергию. Энергия и материя, материя и волна... Волнение, энергия, материальное и духовное – все едино! Двуединство горения – начало откровения сокровенного. Когда двух личностям удастся соединить явное и скрытое в себе, уравновесить материальные и духовные запросы – то лишь тогда открывается Тропа творений и Рай земной. Рай земной – в душевном спокойствии, в равновесии, в открытости сокровенного.

Укорочен человеческий век –
В том не виню тебя, женщина.
За магическую любовь
Спасибо тебе, женщина!
Ах, чаровница-женщина!

Камлание девятое

Кайо-! Кай-о! Ой-о! Йло!

Во сне меня мучили страшные видения. Мирсуснэхум летал на коне то вокруг планеты, то просто по земле заснеженной; Сорни-най возилась то с новорожденными, то с умирающими;

Куль чудил, вытворяя немыслимые зверства, страшна тьмой и холодом Царства Смерти. Смертным человеком я молил Говорящего Духа развеять мои видения спасительным камланием.

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йок!

Слышу знакомый голос Куля: «... Ваша стремление любой ценой избежать смерти разрушительна для тела, разума и души. Ваши умопостроения о жизни и смерти приближают личную катастрофу. В катастрофе личности страх смерти играет не последнюю роль...»

И выплывает из памяти мгновение камлания, которым казнила меня судьба.

В избе, полной народу, пахнет тлеющей чагой и вареной олениной. Ещё какие-то запахи витают, как духи незримые. Незрими-ми кажутся и люди в этом темном доме. Лишь дыхание да редкий кашель выдают присутствие других... Меня не трясет, не знобит, но какая-то таинственная сила вводит меня в неведомое состояние беспокойства... Состояние это не описать словами... Чую, что попал в мир особый, управляемый не людьми, а Духами предков. У каждого из них свое имя. У одного имя громкое, у другого поскромнее. Все по заслугам, по деяниям земных. Одни князья Неба и Земли, другие Отыры (славные), третьи просто войны или знаменитые Няйт. Каждый из них прилетал после исполнения гимна призыва. Я слышал полет летящих конец, оленей, птиц... Приземление к крыше легким ударом отзывалось в душе, вызывая воспоминания прошлых эпох... И казалось, со многими из них я прошел не малый путь. И падал вместе с ними, и чудеса творил такие, какие мало кому приходилось вытворять. Если в начале я дрожал, как рыбка, пойманная в сеть, то теперь я чувствовал себя в своем доме. Особенно после того, как удалили женщин и детей, к которым не относилось это» камлание посвящение». Впрочем, женщины и дети всегда удаляются со священнодействия, когда вещается что-то вешнее, сокровенное, не всегда понятное неподготовленным душам.

Моя Лили – крылатая душа моя, будто бы была подготовлена к восприятию Откровения.

Замолкают бубны и звонкоголосые санквылтапы. Лишь струны вешего журавля да скромный смычок уводят чувства во что-то тайное, сокровенное. И вот чей-то магический Голос начинает вещать:

«Кай-о! Кай-о!
Эква-пыгрись!
Кай-о! Кай-о!
Сын женицыны!
Кай-о! Кай-о!
Милейший сын
Милейшей женицыны!

История детства Эква-пыгрися¹, сына Женицыны, была не простой. Не только холод и голод пришлось испытать ему, но и коварство людского рода, черни земной. А рос он не по дням, а по лунным и солнечным мгновеньям. Быстро на ноги встал. Быстро возраста игры достиг. Играя и резвясь на берегу таежной речки, люльку серебряную заметил. То ли приплыл откуда-то, то ли с неба упала. Поиграв рядом с люлькой, Эква-пыгрись взобрался внутрь. И чудная люлька вдруг чудно полетела. Оказывается, люльку сдернул в небо сам Торум. Прямо из люльки повели Сына в отцовский дом. Дом на небесной земле – не избушка курная, а городище с башнями, водоемами, висячими садами. Днем растят мальчика, ночью растят. Сегодня ношенная одежда завтра ему тесной становится. Долго ли расти сказочному человеку!.. Подросший Сынок однажды и говорит: «В Нижнюю Землю человеческим небом отпусти меня, Отец!» «Кости твои еще не окрепли, ум твой еще детский», – отвечает Торум с заботливостью Отца. Сын же неугомонен: ночью просится на природу Нижней Земли, днем просится. Не выдержал Отец назойливой настойчивости Сына Женицыны. Посадил Сына в люльку из чистого золота, но не на землю отпустил, а меж двумя небесами стал качать. Дунет северный ветер – у южному океану относит люльку, дунет южный ветер – под жгучим морозом севера качается люлька. «Если уж сильно захочешь – любые испытания должен вынести», – с этой заповедью Торума Сын пытается вынести муку быть между небом и землей. Если материнским дождем дождит – тело Сына теплом наполняется. Если отцовским ветром обветривается – кости сына энергией ветра укрепляются. Год ли, век ли так качался

¹ Эква – женщина, пыгрись – мальчик.

между двух стихий, наконец-то укрепленный мощью Торума, Божественный Сын был спущен на грешную Землю.

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Отца Младший сын, Отца милейший,
Матери Младший Сын, Матери милейший, –
Наступит человеческая эра,
Вера нужна будет! –
Разве люди просто так поверят
Вере, даже самой высокой?!
Высокий Сын
Пусть познает и высоту, и низость!
Низость Нижнего мира,
Порывы дерзости усмирят, быть может,
Милейшего Сына Отца!
И отдали Сына
На воспитание земной
Земным дядям и тетям...»

Это говорится о Сыне Отца, о самом Мирсуснэхуме. Но слова эти, кажется, были обращены и ко мне. Ведь меня, а не кого-то другого, наставляли на путь жизни, полной не только радостей, но и коварства...

А Няйт продолжал историю детства сына Божьего, спущенного на Землю для воспитания в суровых условиях земной жизни:

«Долго ли, коротко и растят Сына человеческого! Сидят однажды тетя и дядя с русским другом в дружеском застолье. В застолье вкусно пьют, пируют. В пирушке радостной сыночек милейший милейше был продан. Продан не продан, а отдан по дружбе на службу важную важному русскому. Русский повез его в свои владения, владея теперь еще одной силой, силой молодости молодой природы. Природа как погода. Погода меняется, меняются и власти. Страсти-мордасти властей кажут порой порывы такие, что мыться помоями, побоями питаться – счастье земное! Земные пути неисповедимы: продан был Милейший милейшему ненцу – хозяину оленей и дымных чумов. Чумово, дермово было Сыну Отца в отцовском Среднем мире. Мир показал и свои природные прелести: прелестно волокли и за нартой оленьей, и к оленям

привязывали для потехи потешной. Потешался хозяин как только мог! Бог ты мой, где же Ты, Бог?!

Однажды хозяин оленей дал железный тынзян и говорит: «Сходи-ка в стадо, поймай мне двух животных с сорочьими глазами, глазами ворона». Милейший Сын милейшего Отца как ни тяжело, но поймал двух оленей с глазами глазастого ворона. Удивляется хозяин тундры, мол, не мог такой малый поймать двух величайших зверей. «Если так уж ты сноровист, запряги-ка мне оленей в упряжку!» – ухмыляется хозяин. И мальчишка запрягал оленей так, как запрягали оленеводы-мастера. Мастером быть учился, постичь старался законы белой тундры. «Неправильно все ты сделал, уродина из уродин!» – возмутился хозяин дымного чума, избив мальчишку до полусмерти. Проснулся Милейший на мусорной свалке среди кишок вонючих. Вокруг сороки стрекотали да вороны что-то клевали... Вытерев слезу, мальчишка на лыжи встает повзрослевшим. Кольчугу находит, саблю поднимает, решает расправиться со своими мучителями. Идет по той же дороге обратно и расправляется с мучителями с жестокостью мучителей...

Долго ли, коротко расправлялся, однажды слышит сверху: «Сын мой Милейший, разве я тебя отправлял на Землю для таких деяний?! Поднимайся как на Небо! Или сразу превратишь тебя в медведя? Побывав в звериной шкуре, может, что-то и поймешь!» В голосе Отца суровость соседствовала с заботой родительской.

О какой заботе может быть речь, если мне невыносимо жутко и жарко. Жарко не как в бане гарной. И где это меня так жарит-палит? И не только жарит, но и качает. Неужели я в лодке? И лодка моя качается не а воде, а меж облаками. Товлын-хап²⁶⁹ не велика, о и не мала. И в ней кроме меня, чую, есть еще кто-то. Откуда они взялись в моей лодке? Люди не люди и звери не звери. Странные какие-то. Рогастые, очкастые. Вместо глаз – круглые шары. Посверкивают, но как-то не по-человечески. Руки, как клещи, хваткие. Но меня почему-то даже и не пытаются хватать. Друг друга когтят, будто играют, как медвежата. Одно из чудовищ и впрямь на медведя похоже. Такое же черное, шерстистое. Только шерсть не шерсть, а ворсом

каким-то покрыто от головы до ног. Ноги тоже не ноги, а крюки какие-то. Но ходят довольно быстро, одаряя пинком каждого, кто окажется на его пути.

Впадаю в сон-уныние. Видения земные прошлой земной жизни казнят меня коварного земной казнью. И проснулся я от глубокого сна, но не знаю где. То ли в берлоге я, то ли где, не знаю. Чую – живой. Протягиваю ноги – приятно. Протягиваю руки – приятно. Но где же крылья? Крыльев нет. Да и руки как крюки. То ли руки, то ли лапы, не знаю. Слышу: где-то говорят. То ли в тайге, то ли еще где, не знаю. Говорят: «Его надо низвести!» Низвести – значит убить. О медведе так говорят люди. А люди подлющие, иносказаниями высказывают свои подлющие намерения. Мол, слишком высоко сел, священным сыном неба называют, гимны про него слагают, а про нас – ничего! Съесть его – и дело с концом! Все равно жрать нечего! А собаки-псы лают, лают... А снег скрипит, деревья качаются, будто стонут...

Как три черных ворона каркают луки (лук со стрелой): «Карр! Карр! Карр!» Лишь потом очнется душа моя, в людской избенке проснется... Сняв шубу мохнатую с могучего зверя, усаживают меня за стол, как сына Божьего... Веселится людская чернь дождевой игрой, снегом белым друг в друга швыряются, к небу высокому зывают, величают хвалебными гимнами, молитвами убаживают, духом земным быть просят, чтоб открыл я им сакральные тайны и не только медвежьего игрища, но и Неба, и Земли.

А на земле ее просто быть не только медведем, но и разумным сыном природы. Легче быть Иваном, с прозвищем «дурак». А как почуют люди, что дурак-то и вовсе не дурак, а творец чего-то тайного, тайно-непонятного, так и начнут сразу «жрать» его. Особенно если он окажется «за большим столом», станет «признаны мэтром среди мастеров», вознесясь над обыденностью славой творца земных творений.

За столом большим сижу,
За столом большим священным.
С высоты стола глажу
На людей, на пол, на стены.
Ночь к рассвету, я не сплю:
Думу думаю... поэта.

²⁶⁹ Товлын-хап – крылатая лодка.

Да, было время, назвали меня поэтом. Слушали меня столицы Земли. Говорил я языком сакральных символов. Не все откровения мои были понятны. Но сердца многих были тронуты... Возможно, кое-кто и в самом деле почуял, что говорит не медвежья голова, «посаженная на большой стол», а вещает Поэт, имеющий возможность говорить языком символов:

Обескровлен я, бессилён,
Но глаза мои глядят:
Люди, что меня убили, –
Супротив меня сидят.
Брагу пьют, мясо едят,
Злые речи говорят.

И ухо чуткое Поэта слышало, как, насмешку затая, чернь чернеющая мечтала превратить «слово» в «доллар», бизнесмена возвеличить, а словотворца низвести, «закормив горькими кусками, забив проклятьями-кнутами».

Я бы грыз и царапал
Опьяневших от вина,
Я б их сшиб когтистой лапой,
Да... отрублена она.
Я бы шкуру с них спустил,
Да подняться нету сил.
Я б в них выстрелил словами,
Как железною стрелой,
Но язык они же сами
Вырвали из рта. Долой!
Не раздастся громкий рык, –
Съеден с водкой мой язык.

И хотя шумел я как громовержец, сверкал молниями, выл вьюгой, ласкал солнечным теплом, но людское отродье, рассевшись вокруг стола, друг дружку хором продолжало захлеб хвалить, а черные дела они валили на так называемых русских. Будто русский и не демократ, и коммунизм придумал, и церкви разрушил...

Если ж людям не по нраву
Будет мой звериный взгляд –
То тогда они по праву

Влепят в черный лоб заряд,
Полетит в глаза зола,
Сбросят на пол со стола.

Не раз я сживал за таким столом, где ругали всех и вся. Я с трудом слушал кривые эти речи. Сечи горели, фейерверки сверкали. И что же чувствовала голова моя за таким столом?

Голова болит от шума, от мелькания теней...
Только думать, думать, думать
Разрешают люди мне.
В синем дыме, в полумгле
На большом сиду столе.
Я сиду, молчу как рыба.
Никого я не корю,
Людям в мыслях «пумасиба!»
Я сегодня говорю,
Людям, что в последнем сне
Не мешают думать мне.

Слышу Голос. Изнутри вроде что-то говорит. Да за что мне такая казнь? То сверху вещает, то снизу предупреждает, то из самого нутра несет какую-то чушь. Чушь не чушь, а прислушаться стоит. Какая-то горькая правда есть и в этом крике души.

Вот что поведал на этот раз Говорящий Дух:

«И не видел я коварнее ученых из родов аборигенов. Или недоучились, или переучились: уж слишком они «научно» вытворяют всякие проделки, где делом-то и не пахнет. И сюда пролезут, и оттуда вылезут. А как умеют плакаться о «вымирании народа»! А коснись, умертвят ближнего – и слезу не уронят. А пир устроят, да такой, что приемы властей меркнут в бликах хмельного ликования. А ликовать есть отчего: льготы какие-то обещают кандидаты в депутаты. Будто в «Департаменте малочисленных» запланированы льготы, называемые «похоронными»! И ждут «малочисленные» похорон, как праздника возрождения. Мол, тело уйдет, а душа возродится, успокаивают родственники умирающих. Да и на Том Свете «больше льгот»! Льготы, льготы, льготы... О «Льготах малочисленным» борются депутаты «коренных».

Эти уж совсем «закоренелые»! «Ученее их разве что Куль, пройдошный дух Царства Тьмы. Тьмой затхлою веет и от кандидатов в депутаты, и кандидатов наук. От их научного коварства тошнее тошного их родичам, живущим в «родовых угодьях». Угодья загажены, и родовыми они «не пахнут». Там такой же беспредел! Рыбак вместе с рыбой гниет, охотник... Да что охотник! Торгаши кругом! Пришлые! Эти уж на самом деле «ученые»! Оберут «по-научному», законно! Счастлив лишь охотник, что хоть как-то связан с Природой.

В ладу с Торумом, Природой живет чистосердечная Душа человека с глубинки. Как умели когда-то люди Севера принимать гостей, угощать! А теперь угощают северян обещаниями «улучшить жизнь» после выборов депутатов в «северную ассамблею», которая якобы «борется за счастье аборигенов». И кто это такие загадочные «аборигены»? Не те ли «ученые», что устроились в нефтяных городах? У этих аборигенов и свет, и газ! Радоваться бы теплу и свету! Да нет, ругают и газ, и нефть, и нефтяников, как первопроходцев! Проходимцев, конечно, среди них больше, чем первопроходцев славных! Но уж такова природа земная: рядом со славой устраивается бесславие, ликуя на пирушке первооткрывателей. И все это происходит по единому закону Космоса: свет и тьма, мир и антимир, добро и зло... Все в Космосе устроено по принципу полярности. Все двойственно, все имеет свою противоположность. Но противоположности различны по степени крайности. Все истины могут не только казаться, но и быть полустинами. Но все парадоксы можно примерить.

Не в этом ли заключается парадокс парадоксального понимания назначения деятельности человека, называемого разумным?

Почему эти северяне так пали? Может, они нарушили главный принцип Югорского миропонимания?

Главный принцип гласит: «Все материальное переплетено с духовным, как нож и песня в честь ножа, как охотник и миф о божественном боре, где деревья, как духи, видят, слышат, понимают человека. Любая бытовая вещь человека – от ружья до медного котла, в котором варят мясо добытого лося, связана незримыми узлами с ритуалами, обычаями, религиозными представлениями.

Эти узы вырисовываются и в сказках, и в поведении людей. Удачливые охотники, сноровистые рыбаки являются превосходными рассказчиками, даже шаманами. Совмещение утилитарного назначения вещи с функциями духовного начала является основополагающим в философии выживания не только в экстремальных условиях:

Все космические законы особо зримо проявляются на севере, где люди только-только начинают отрываться от Природы».

Стремление развивать какие-то отдельные стороны культуры ли, хозяйственной ли, общественной ли деятельности приводят к успехам, но временным и ложным в своей основе.

«К жизни надо подходить комплексно!» – так сказали бы современные философы, не обращающие (как правило!) внимания на «Арктическое миропонимание» коренных обитателей сурового, но справедливого Севера».

Один из обитателей нашей Крылатой лодки вроде похож на человека. Почти не говорит, не суетится, но что-то делает. Что он мудрит, непонятно? Белый, как полярная сова, но не старый. В молчании его какая-то энергия скрыта. То ли энергия действия, то ли энергия мысли. Во всяком случае, это не просто «телесная машина», а в нем кажется, скрывается человек-мутра, мутра-тор.

А мне так не хватает своей мутры, даже ума обыкновенного. Не случайно, наверное, оказался в какой-то допотопной Крылатой лодке. Поговорить бы с кем-то, посоветоваться. Да, кажется, со мной никто общаться не хочет. А мне бы хотя бы словечком перемолвиться. А-ха, да ведь я знаю такого деятеля. Не однажды писал ему послания, а он редко реагировал: то ли не понимал важности, то ли просто заелся. Может, камланием разбудить его совесть?!

Кай-о! Кай-о! Мутра-Тор! Если ты действительно Мутра, помоги навести порядок! Разыгравшиеся «малочисленные» не хотят ловить рыбу, не хотят ходить за оленем, за бутылками охотятся, начальниками быть хотят.

Хотеть не вредно – мочь трудно. Труднее руководителя разве есть работа?! Поработай, Мутра-Тор, с трудными аборигенами,

как кто-то назвал детей Природы! Гены аборигенов помутнены переменами жизни, нефтяной революцией, техногенной экспансией... Экспансия денег, долларов зеленых зеленит глаза молодым северянам... И северяне жаждут «красивой жизни», клокочущей на телеэкране с утра до ночи... Ночь полярная опустилась на аборигенов! Гены выживания помутнены мутацией техногенных ген. Техногенная иллюзия Севера гибельна для ушедших из Природы. Лишь Природа когда-то спасала коренных...

Тур Мутра-Тор, что же ты пустил на самотек жизнь «коренных»? Почему бы не поднять «вопрос малочисленных» если не на государственный, то хотя бы на уровень Югры? А, демократия! На демократию киваешь! На самостоятельность намекаешь! Так «самостоятельность малочисленных», не обеспеченная финансам, – фикция! Тур Мутра-Тор, если ты действительно мудр, как Ур-Творец, сотвори чудо: помоги вернуться к вековым Законам Торума, законам спасения таежного человека в таежной стихии! Или ты не можешь? Тогда как ты смеешь носить имя Мутра-Тор?

Ах! Ух! Рух!

Учти, есть еще коренные! В избушках живут они, радуются речке, в которой плещется еще рыбка, радуются кедру, на который прилетает еще глухарь. А аборигены, обзываемые «учеными», разучились радоваться! Да им некогда радоваться, они в вечной борьбе за «права аборигенов», за «лучшую долю себе». Городских же «аборигенов», потерявших «гены предков», клянут в тайге и тундре на священных камланиях у священных святилищ... Благо шаманы не извелись. Шаманство вечно, как Природа, Торум, Космос! Когда-то северяне жили по всем принципам выживания в экстремальных условиях. Особенно важен второй принцип, который извечно нес идеи взаимопроникновения, параллельности, гармонии.

Гармония в порядочности порядке и в хаотичном хаосе, в светлом позитиве и черном негативе, все переплетается, организуя стройные ряды, несущие себе минус, организуя стройные ряды, несущие себе минус и плюс жизнедвижения мироздания. Хорошо половодье для рыб, плохо для человека, живущего в низине. Хорош глубокий снег для медведя, нехорош для оленя и собаки. Хорош наст для охотника, плох для лося. Человек не должен забывать, что он – не венец Природы, а скромная часть её. Разумный северянин

знает, что он должен подчиняться законам природы, которые одинаковы и для дерева, и для собаки, и для человека любой национальности.

Ах! Ух! Ой-е-йо!

Не утратить бы все!

Камлание десятое

Пожалуй, я «долетел» до новой высоты откровения. Магические знаки священной «берестяной книги», да и простые орнаменты на одежде мансийских женщин, давно «говорят» со мной, неся каждый раз открытия моему книжному разуму. Мой книжный разум, казавшийся мне верхом учености современного человека, на самом деле низвел мое видение до европейского миропонимания, оторванного не только от Природы. Мое природное начало в какой-то момент жизни взяло верх. И во мне начала оживать магическая энергия «откровения». И кажется, я стал видеть не только глазами, слушать не только ушами. А знаю, то ли это новое прозрение моего «третьего глаза», то ли проснулось виденье моего слабого физического тела, обретя энергию возрождения. Впрочем, дело не в деталях. Вижу – и все! Узнаю – и все! Знаю – и все!

Мы летим – куда, не знаю. Мы летим – на чем, не знаю. Сначала я думал: плывем в лодке по морю-океану, оказалось, летим в Крылатой лодке над Землей, над морем Жизни. Оказывается, летим не в самолете, не в вертолете, а летим в звездолете, и уже в космосе. Узнал я это сегодня утром. Проснулся, вижу: у тумбочки, рядом со светильником появился кент, шапка, напоминающая островерхий чум. Ночью я несколько раз зажигал светильник, читал какую-то книгу, удивлялся удивительно загадочным мыслям автора, задавал себе вопросы. Никакой там шапки не было. И вот она, эта шапка с тремя сторонами-гранями, с тремя загадочными орнаментами-треугольниками, напоминающими и стрелу, и чум, и еще что-то загадочное, не подвластное разуму, подпорченному «европейским всезнанием». Треугольник – знак угрозы: кто угрожает мне, нам, всему летящему? Но во сне, кажется, мне никто не угрожал, значит, это не угроза. Тем более верх шапки не острый, а пушистый, будто лучистый. Лучи рвутся ввысь, лучистая энергия полета разума, полета звездолета.

Звездолет... Какой звездолет, когда мне понятнее чум со срезанной верхушкой-дымоходом. В дымоходе концентрируется не только энергия огня, греющего чум, но и энергия мыслей, молитв, плачей, угроз, просьб обитателей странного жилища, имеющих возможность быть слышимыми Верхним Разумом. Но я уже давно не в чуме, а плыву, лечу на звездолете... Но что означает появление треугольной шапки с треугольными орнаментами? Треугольник – знак угрозы, предостережения. Треугольник со срезанной верхушкой знак мощи, силы, знаний... Верхушка шапки, пушистая, лучистая, тоже будто срезана и, как в чуме с дымоходом, концентрирующем энергию огня, мыслей людей, тоже что-то вещает мне. Я надеваю кент, лучистую шапку-корону, сажусь за письменный стол и перевожу на компьютер «сказанное» говорящей шапкой с говорящими знаками... А Крылатая лодка наша лети, куда не знаю.

Время Великого Забвения. Великое похолодание. Великое потепление. Цунами природы, цунами душ униженных, волнение вод, волнение масс и кровавые теракты несут великую катастрофу Планете Земля. Мыслеформа этики жизни забыта.

Истинная правда спасения – в длинной истине размышления.

Лучшие силы мыслителей и патриархов Арктики должны собраться и разгадать знаки грядущих событий. Время близко, ситуация созревает... Трагические события могут застать нас врасплох. Необходимо всестороннее наблюдение за Торумом, за погодой.

Священные Мутры
Мудрого Торума
Мудростью живой
Живо живы
В заповедном слове
Священносказания.

Погода Арктики – барометр Земли. Поведение людей Севера – барометр спасения. Кристаллы льда таят в себе отсвет магического кристалла сине-розового Луча спасения.

Падшим народам стали манси
тысячелетия назад –
зарубки об этом без слов говорят.

Великое Забвение торжествует, правя Землей, бездумно черпая

из недр энергии Жизни. Жизнь на Земле в опасности. Великие народы исчезнут в планетарной катастрофе, как и малые.

Говорят об этом и безмолвный холм.
На холм поднимись,
Опустись на колени.
Склонив голову, послушай,
Что скажет холм.

У малых народов есть даже преимущество: они продолжают разум человеческого рода. Ледяной панцирь защитит северян от нашествия человеческого отребья, рожденного в тепле юга. Вьюга и мороз, сине-розовый Луч спасения, сохранив в северянах мыслеформу этики, дают возможность продолжения разумной жизни на земле.

Земля, гибнущая в миг овладения мощнейшими видами кристаллическую мыслеформу спасения... Мыслеформа, запечатленная в кристалльной сети Земли, забыта.

Видишь ли ты море? Слышишь ли плеск?
Плещется море великого народа,
Потерявшего мощь в штормовой погоде...
Плещутся слезы, оживают грезы...
Слезы и грезы, грезы и слезы...
Слышишь ли манси?

Патриархи Севера, пора нам выйти из времени забвения. Мыслители Арктики, пора нам войти во время творения.

Творцы-арктурианцы, пора нам собраться на медитацию, на священное священнодействие, чтобы разгадать мыслеформу, запечатленную в кристаллах, дабы создать лучезарную энергию спасения.

А помнишь ли ты, Ария,
Народа-брата?
С народом-братом
По земле вы шли, освобождая сирых,
Поднимая падших...
Вы построили Ки-чо-ж-град...
Ки-чо-ж-град смыт вражьими водами;
Гун, вен, егра-народы
В геле времени рассеялись,
Позабыв Мутру Торума...

Мы, люди магического кристалла, тайные создатели времени, должны стать самими собой. В кристалле льда и камня думы чистые, кристалльные. Кочевье – движение. Мечта – движение. Движение, энергия движения – спасение. Наше отчуждение от условностей рационального бытия – спасение гармонии Природы и Человека.

С арием друг против друга сядьте,
Сомкните глаза и ягоду разделите,
И на слиянии великих рек
Возведите новый город –
Восьмое чудо света!
Если это не сотворите,
Вновь в лакея превратитесь!

Голос Человека должен звучать и в морозной мгле, и в теплыни белой ночи. Наши знания и ощущения должны исходить из одного истока. Открываясь миру, мир должен воспринимать нас как единое существо в экстазе жизни, ледяные условия которой губительны для изнеженных горожан планеты. Любовь, чувственная и полнокровная – начало высшей формы жизни. Искусство – ритмичный узор, в котором жизнь черпает свою соразмерность.

Чем больше ты не похож на другой народ –
род твой продолжится в духе народа,
рожденный Духом душевной Природы.

Проникать во внутренние миры друг друга – бесконечная тайна бесконечного Света. На Севере – все телепаты, как городские телеманы. Для телепатов не существует пространства. Не мы в пространстве – в нас пространство. То, что в теплых краях гибнущей Земли называется пространством, – это всего лишь мера отчуждения от Целого. Не пространство объемлет нас со всех сторон, а Время. Время Севера, время Арктикуса наступило.

Торум, Тор, Тори...
Судьбу вновь повтори.

Югра – яркий луч кристалла Северного Сияния.

В мгновения потрясений, когда рушатся системы правления, жизнь ищет опору выживания... Философия выживания в экстремальных условиях... Тайная наука выживания. Она начинает работать незаметно, исподволь... Обычаи, ритуалы начинают воскресать. Из забытья выискиваются заповеди... Заповедное слово снова

становится действующим... Малочисленные народности Севера выживали этим способом тысячелетия. Просыпаются спасительные заповеди в заповедном слове. Слово начинает искриться, гореть, обретая утерянную святость... Священносказания оживают Священнописанием, Библией, эпосом, «собранием Вогульской народной поэзии»...

Некоторые мутры «вогульской народной поэзии» таят мудрость прошлых потерь и энергию возрождения гибнущих...

Женщина, будь Женщиной!
Не снимай бисер со лба
Задолго до сна!
От сна векового
Проснись, Мужчина!
Мужчина, мужчина, мужчины,
Мужество ваше где?

Мутра

Мутра. Человек, прикоснувшийся к мудрости, может прийти к откровению священного знания. Священное знание открывается познавшему горечь суетной жизни и миг мира, спокойствие, гармонии. Гармония – ключевое слово. Гармония требует подготовки души для очищения и бегства из бесконечного цикла перерождений, полных страдания. Поиски *священного знания могут продолжаться* так долго, что в течение одной человеческой жизни не возможно даже приготовиться к постижению *откровения*.

«Оставь надежду всяк сюда входящий», – воскликнешь словами Данте из дантевского «Ада». За одну жизнь трудно вырваться из мелкой суетной жизни. И все же, все же, возможно из невозможного свершить чудо прозрения. Чтобы вырваться из замкнутого круга и очистить душу, необходимо овладеть зашифрованными секретами предков, оставленными ими в письменах, орнаментах, в пирамидах. Озарившись искрой этой волшебной помощи, можно разжечь пламя в собственной душе, встать на тропу творения, а не потребления. Вместо того чтобы вниз, в темень ада, у человека есть возможность подняться вверх, к подступам космического сознания. Космическое сознание требует признания не только цельности мира, но и дает возможность брэнному телу

познать свет через Душу. Тело – куль, черт, дьявол; Душа – Свет, Бог, Творец. Тело тянется к похоти, Душа – к Любви. В теле зреют желания. Невыполненные соблазнительные желания приводят к отчаянию. Отчаяние поджигает гнев. Гнев разрушает не только других, но себя. Душа страдает от желаний тела. И в миг нового рождения (инкорнации) тело будет невероятно страдать от того, что испытала Душа. Такая Душа, не познавшая Бога, света, благородства, снова вынуждена спуститься на грешную землю для очищения и грядущего возрождения. Возлюби ближнего – не пустое восклицание. Об этом может поведать орнамент на одежде северных женщин. Орнамент – не просто красивый знак, а целая поэма в тысячи слов и неординарных мыслей. Возлюби ближнего! Любовь = энергия Творения на пути Нового Рождения.

Муза, муза, муза...

Почему в моих снах ты поешь?
Поешь, не поешь, а светишься,
Встретишься со мной на экране,
В стакане моем отразишься,
Кому-то опять приснишься
Женщиной, манящей тайной
Тайн очарования
Чарующего телеэкрана.
Раны наносишь ты, раны.
Раны твоей красоты
Высоты иной умоляют,
Гуляют, ликуют и плачут.
Плачу, не плачу, лечу.
Свечой и солнцем свечу,
Кричу и пою на рассвете.
Рассвета опять хочу!
Где же сейчас, моя Муза?
Союза какого она жаждет?
Дважды, трижды сраженный,
Сожженный в огне Любви,
В крови я опять, в крови...
В крови Любви сокровенной
Сакральный свет Судьбы.

Судьбу судом не исправишь,
Не ославишь, суди не суди.
Посиди со мной, не лети.
Свети, расцвети своим светом,
Секретом Любви озари.
До зари моей не сгоревшей
У постели Любви посиди.
Муза, Муза, Муза,
Доля твоя нелегка:
Легка и светла на экране,
В стакане моем – ты вино.
Вини, не вини, Моя Муза
Союза вдохновенья жаждет.
Дважды, трижды сраженный,
Сожженный в огне Любви,
Кровью стихий истекая,
Улетаю опять молодым
В молодой Космос Судьбы.
Судьбу судом не исправишь,
Не ославишь, вини не вини.
Вино не кровавей крови.

Жутко стало мне от сознания, что не увижу больше «Святого мыса» на слиянии Оби и Иртыша, не постою у шаман-дерева, не попью воды из шаман-речки. Как жаль, что не пришлось побродить по городищу Мирового Смотрителя. Полюбовался бы, как в былые времена, причудливыми башенками причудливой крепостной стены, с которой соскальзывают когтистые белки, зубастые белки. Со святых мысов слияния Оби и Иртыша начинается Арктика, магическая страна Золотой бабы, мистический Тот Свет.

У Говорящего Голоса особое мнение о Том Свете.

На Тот Свет можно войти через ось планеты, великую реку Обь, называемую остяками Ас. Ас – сакральный вход на Тот Свет. Тот Свет – это не темное царство Нижнего Мира и не Долина смерти, куда уходят души умерших, а Свет накопления Света, энергии просветления, возрождения. В Долину Ас, в Долину Того Света приходят «умирать» шаманы. Приедет шаман на Белогорье, разведет костер у сакрального кедра, принесет жертву, покается, одарит

Я ХОЧУ ДОМОЙ

молитвой Небо и Землю и приготовится умирать. Но смерть смерти рознь. «Умерший» на горе у священной впадины переходит на Тот Свет. Телом оставаясь на земле, своим духом шаман пребывает на Том Свете. Пообщавшись с духами Того Света с духами предыдущих эпох, с выдающимися деятелями земной истории, получив энергию, очищенным, просветленным, Шаман-Няйт возвращается снова к земной жизни. Он становится Лучом Творения, знахарем, знающим, как определить место человека в мире. Возвратившись на Землю, Няйт оживает, становится Великим шаманом, посланником самого Торума. А то Торум сам вселяется в него, и в виде проводца земного (Сампаль вопсын хотпа), одетого в лохмотья, открывает «откровения неизреченных истин» горькой правды, от которых людям становится жутко не на шутку.

Как хочется в «святилище омовения» снова принять очищение, а паром жаркой баньки и прохладной таежной речки смыть с себя все чуждое и наносное... А потом в «святилище покоя» обрести покой души, растерзанной дисгармонией мира хаоса. И, поднявшись на башню Мирового зрителя, окинуть взором родные просторы и даль невидимую невидимого мира взором мудрости вновь прозреть. А в «святилище озарения» озариться вдохновением Творца и сотворенное подарить миру, жаждущему спасения... А вечером, у очага Понимания, под треск огня смолистого, природного изливать душу стихом ли, песней ли, молитвой ли. Молитвы и покаяния жаждет Природа, растерзанная ржавчиной железа и жижей мазута. Природных слов и чувств лишились люди, превратившись в рабов. Роботы работают, поют и говорят на каждом углу, на каждом экране телевизора и радио. Радиация и прочие акции извели Землю до потрясения, до Нового потопа... Не потому ли я оказался в «Опа-Хапе»? И куда мы плывем-летим? И на какой планете приземлимся?

Приподняв спинку уютного сиденья космического лайнера, прильнул я к иллюминатору. Вижу – половодье. Неужели это река моего детства? Воде нет ни конца ни края. Лишь редкие островки зеленеют среди серебряного царства реки Ас., вобравшей в себя не только энергию вод, но и человеческих чувств: ненависти и великодушия, сострадания и Любви.

Внизу плыла река моей ЛЮБВИ.

Сегодня 7 июня 2025 года. Мы попали в аварию. Вероятно, произошел какой-то сбой в системе магнитного управления, и нашу машину выбросило, как мне показалось, на обочину дороги. Так мне показалось, ведь обочин вдоль трасс давным-давно уж нет, с той самой поры, как дороги стали с магнитным покрытием, с той поры, когда мы стали на машинах не ездить, а летать. И вот, совершенно неожиданно мы слетели с трассы. Наверное, такого случая еще не было в истории магнитомобилей!

Интересно, живы ли мы, здоровы? Наверное, да! Сознание ясное, боли нигде не ощущается, руки-ноги в норме, двигаются. За стеклами машины – песчаная буря, в салоне, вместо классики – громкое шипение из динамиков. Ты убрал звук, спросил: «Не поранилась?» «Нет», – сказала я.

– Тогда порядок! Пора осмотреться, что приключилось.

– Может, попробуем выйти из машины?

– Наверное, можно уже, это мы с тобой бурю устроили. Она уже стихает... Боже, что это?!

От твоего возгласа сердце мое содрогнулось. Сквозь стихающую бурю я сама уже видела: мы были в самой настоящей пустыне. Песок, настоящий желтый сухой песок, его много и он везде. Куда ни кинь взор, кругом дюны и барханы.

Не веря своим глазам, мы выходим из машины. За нами высятся холмы, на них виднеются какие-то одиночные искореженные строения, у основания холмов тоже строения, напоминающие коробки высотных домов.

– Куда же мы попали?

– Пока еще не знаю, – ответил ты. В твоём голосе звучала тревога. Она передалась мне. Я вцепилась в твой рукав, словно ты собирался от меня сбежать. Мной овладел страх. Мелькнула мысль: это же сон, это начало кошмарного тревожного сна. Нужно срочно просыпаться... Я стала кусать себе запястье, чувствовала боль, но пробуждения не было: все тот же вид, все те же звуки.

– Ты слышишь звуки? Откуда они?
– Какое-то шуршание, от песка может быть... Дак это же шелест пакетов. Смотри их сколько...

Пакеты, вблизи и вдали, повсюду виднелись лохмотья полиэтиленовых пакетов. Некоторые колыхались на ветру, зацепившись за железные пруты, торчащие из песка, некоторые, как перекаати-поле носились по песчаным просторам, а те, что полегче, словно птицы, парили в синем поднебесье.

– Нет, я в пустыне никогда не была. А как мы могли тут оказаться? Ты что-нибудь понимаешь?

– Во-первых, отпусти мою руку и успокойся. Во-вторых, сейчас мы сядем в машину и будем думать.

В машину, конечно же, в машину. Я быстро села на свое кресло, захлопнула дверцу. Сейчас ты щелкнешь тумблером, включится двигатель, и мы поедем домой. Домой, я так хочу домой... Я закрыла глаза...

Нет, ты пытался включить двигатель, слышала, как несколько раз ты загружал программу, но я знала, что наша машина не включится. Даже если она и включилась бы, мы не могли бы двигаться без магнитной полосы...

У меня дрожали колени, меня трясло. Мозг отказывался воспринимать действительность. Действительность ли это?

– Может, мы не живые? Может, мы на том свете?

– А ведь похоже на то. Если так, то пока еще и не очень плохо. Мы можем думать, говорить, ощущать друг друга. Ну-ка, ущипни меня... Тут что-то другое. Либо мы сбились с курса времени, либо с курса пространства. Третьего не дано. Но как это возможно? У нас ведь не машина времени, а самый простой мобиль. Значит, чудеса все-таки бывают. Надо как-то выбираться из этого чуда-юда, если такое возможно. Где твой телефон?

– В кармане.

– Ну-ка, попробуй, позвони мне, мой куда-то улетел при посадке.

Дрожащими руками я достала телефон, набрала тебя. Секунда, две, три, бесконечность... И тут мы оба вздрогнули: между нашими креслами тихонько завибрировал твой телефон. Теперь руки дрожали и у тебя.

– Привет!

– Привет!

– Ты где?

– А ты где?

И ты стал смеяться, громко и отчаянно. Тебе было не смешно, тебе было тревожно. Смех твой был таким же неестественным, как этот мир за окном. Я испугалась.

– Успокойся, прошу тебя, не пугай меня...

– Ты что, ты не понимаешь? Ведь если есть связь, значит, спутник воспринимает сигнал, а это значит, мы можем позвонить домой. Звони дочери, нет, я сам позвоню.

И снова секунды ожидания превратились в вечность: одна, две, три, четыре... И, наконец, ответ, но он не обрадовал нас: «Аппарат абонента недоступен», «The mobile telephone is not available»; «Аппарат абонента недоступен», «The mobile telephone is not available»... Ты выключил телефон, ты был бледен, растерян, подавлен...

– Знаешь, что я сделаю, – промолвил ты, – я отправлю сообщение. Вдруг она получит его, и сама позвонит.

– Отправь, – безучастно сказала я. – Может и получит...

И тут, осознав, что вот уже несколько минут я наблюдаю за рассеивающейся на небосклоне полоской дымчатого следа от реактивного самолета, заорала: «Смотри, смотри, самолет!». Мы выскочили из машины и побежали. Наши ноги вязли в песке, мы падали, поднимались, бежали, и снова падали... Не знаю, сколько мы еще бежали бы, но вдруг увидели другой самолет, он летел в другую сторону, мы слышали его гул. В наших сердцах затеплилась надежда. Торопливо мы стали карабкаться на очередной холм, но то, что мы потом увидели, повергло нас в шок!

Лучше бы этого не видеть! Мне кажется, ты тоже был в обмороке, потому что когда я стала приходить в чувства, увидела тебя, пытающимся подняться на ноги. Ноги твои подкашивались, и поэтому ты встал на колени. Я не могла подняться, тоже встала на колени. Наверное, со стороны мы были похожи на молящихся.

– За что нас с тобой покарал Всевышний?

Твои слова прозвучали как приговор.

Там, на той стороне, куда были устремлены наши взоры, уже начинало садиться солнце. Небо было окрашено в багрово-красный свет, предвещая на завтра штормовую погоду.

А перед нами, подсвеченный предзакатным солнцем, стоял, а может, лежал на песке мост, тот самый красный мост – дракон, который был построен в Нашем городе в начале двадцать первого века. Сейчас он тоже казался красным, может от ржавчины, может от заходящего солнца, а еще показался необычайно маленьким среди огромной желтой пустыни.

– Все, дорогая, приехали. Наше завтра закончилось... Мы находимся в своем городе, но мы приехали в будущее, и притом, не в очень далекое. Может, лет на десять вперед соскочили, а, может, пятнадцать? Значит, не зря так суетились власть имущие, когда закончились запасы нефти и газа. Стало быть, был запущен проект по переброске наших рек в бассейн Аральского моря. Вот мы первые и приехали в наше будущее, поздравляю! Только извини, цветочков нет, нет шампанского и музыки.

Ты пытался шутить, и мое отчаяние вдруг сменилось спокойствием. Музыка? Музыка есть! Я смотрела на мост, на его конструкцию. Это творение человеческих расчетов было похожем на музыкальный инструмент, может быть орган, который среди безжизненного пространства наперекор времени исполнял свою, пока еще незаконченную симфонию. Казалось, что у моста, некогда исполина, возвышавшегося над величавыми водами Иртыша, есть душа. Она еще жива, жива воспоминаниями. Я человек, и у меня есть душа, и есть воспоминания, и должна быть вера в завтрашний день. Но я сегодня хочу во вчера.

– Я хочу домой.

МЫ ЕСТЬ...

Люба сидела на лекции по родной литературе и смотрела в окно. Маленькая полоска светло-голубого неба среди сплошных белесых облаков направляла ее мысли на философские размышления о родине. Сейчас цепочку своих умозаключений она решила

раскладывать от общего к частному: моя родина среди безграничной вселенной – это скопление звезд, называемое млечным путем; моя родина на кромке млечного пути – это солнечная система; моя родина в солнечной системе – это голубая планета Земля; моя родина на земном шаре – это территория, расположенная в среднем течении реки Северная Сосьва...

Стоп! Теперь нужно осторожненько, шаг за шагом, найти тот уголок земли, который бы точно соответствовал понятию Родина.

Люба вспомнила свою летнюю поездку домой. На каникулы она ехала на теплоходе по реке своего детства – полноводной Сосьве. Ее сердце пело от счастья: ведь скоро родной дом! Мысленно она витала в облаках, сверху окидывала взором бескрайние просторы тайги, любовалась нескончаемой далью реки, многочисленными извилинами речушками, синью больших и малых озер. Сердце переполнялось радостью и гордостью за свой край, хотелось кричать во весь голос: «Это моя родина!» Но в какой-то момент она подумала, что родина не может и не должна быть такой необъятной. Ведь она даже не знает названия мест, мимо которых проезжает, не знает людей, населяющих деревни, поселки и одинокие стойбища. Тогда Люба поняла, что родина должна быть маленькой, уютной и привычной, и она решила, что это поселок Сосьва и дом, в котором прошло детство.

Сейчас, находясь вдали от дома, Люба думала иначе – ее родина значительно больше летних представлений: если смотреть с земли, то границы родного края невозможно окинуть взором, с высоты же птичьего полета – это охват горизонта, а если глядеть с заоблачных высот, то взгляд должна притягивать тайга, в эпицентре которой находится маленький бревенчатый домик. В этом доме когда-то жили родители Любы, растили детей, в доме всегда звучал детский смех и мамыны песни, прославляющие близкие сердцу места и родственников.

Люба трепетно относилась к воспоминаниям о своем детстве, той поре, когда мир казался совершенным – добрым и прекрасным. В мире детства солнце светило намного ярче, дни были длиннее, травы и деревья зеленее, вода в реках и озерах прозрачнее и чище, летние грозы мощнее и раскатистее... Все-все было особенным, основательным, значительным.

Мысленно сверху, сквозь полосочку чистого неба, Люба искала среди заснеженной тайги маленький одинокий домик. Она нашла излучину реки Сосьва и устье речушки Посал. Среди темных хвойных лесов, покрытых бесчисленными белоснежными шапками, отыскала тонкую белую нить – в прошлом санной, а теперь «Буранной» дороги, по ней определила нахождение дома... Вспомнилось лето – последнее лето, проведенное рядом с мамой. Жаркий летний день. У собачьих привязей, у стайки и в сенях разложены дымокуры. Голубая дымка мягко окутывает стойбище, навевает умиротворение и спокойствие. В доме прохладно. Из завешанного марлей окна дует свежий лесной ветерок. Мама на берестяном тукеске кончиком острого ножа рисует-скоблит орнамент. Люба по ее воспоминаниям составляет генеалогическое древо. Словно сегодня звучат мамины слова: «Доченька, пиши, жизнь людей на земле не вечная. Совсем недавно рядом со мной были мои родители – мой добрый, спокойный отец, моя милая, неугомонная мама. Мне казалось, что их жизнь будет долгой-долгой. Но судьбы людей не зависят от наших надежд и желаний. Они ушли, унесли с собой свои думы и знания. Сейчас жалею, что многое не успела у них расспросить, узнать. Мешало воспитание, не принято было задавать много вопросов, вести откровенные разговоры. Стеснялись смеяться и громко разговаривать, прямо смотреть взрослым в глаза. Вы, мои дети, растете в другое время, для вас оно кажется радостным, а я переживаю, жалею вас. Прошли те времена, когда манси жили хорошо: ловили рыбу, охотились, держали оленей, лошадей, коров. Не зря наши мудрецы в сказках говорили: «Пройдет сказочная эра, песенная эра, наступит эра слез и страданий». Вспоминаю прошлую жизнь, и слезы наворачиваются, как быстро все пролетело-промчалось.

За вас очень боюсь, тревожусь. Вы хотите жить в больших городах, придется работать среди незнакомых людей, выполнять обычную работу. Хватит ли у вас знаний, сил и терпения? Кто же вам будет помогать? Вот и хочу, чтобы знали всех своих дальних и близких родственников, так легче будет в жизни. Родные люди всегда помогут друг другу...» И Люба, удивляясь цепкой памяти матери и обширным родственным связям, писала древо жизни.

Пишет она и сегодня, спустя пять лет, как не стало мамы. Дополняет недостающие звенья. Составление родословной стало для нее частью жизни, высоким долгом перед светлой памятью матери и отца и всех родственников, кто жил на земле, трудился, мечтал, любил, растил детей, радовался, горевал. Свой труд Люба называет «именной энциклопедией». Если удастся ей что-либо услышать о каком-то человеке, то его имя тут же сопровождает небольшим комментарием. О своем прапрапрадедушке со слов мамы она записывала: «Иван Леонтьевич родился в 1860 году. В его семье было семь детей. Когда младшей Аксинье исполнилось четыре года, умерла жена Матрена. Через три года он женился на Феоклите Смиркиной. У нее было две дочери. Общих детей не было». А еще Люба знает, что Иван Леонтьевич вместе со своим отцом и братьями на летнюю рыбалку с реки Ляпин выезжали на Обскую губу, преодолевали тысячи и тысячи километров. И это в XIX веке! Воображение тут же рисует картины прошедших веков: в весеннее половодье по рекам, преодолевая обские волны, плывут семисаженные лодки под парусами. В одной из них – семья Кугиных. Мужчины управляют движением, женщины в каюте, сооруженной в середине лодки, занимаются рукоделием, тихонько играют с детьми. Такие поездки люди совершали и в двадцатом веке. В одной из таких поездок родилась Любина бабушка.

Мысли, мысли... Быстры, как весенние ручейки и полноводны, бесконечны и постоянны, как реки.

Лекция продолжалась. Люба, порой прислушиваясь к речи преподавателя, затем, делая вид, что внимательно слушает, продолжала свои думы. Она думала о многом: о девушке Вере из соседней комнаты по общежитию, с которой разговорились лишь вчера, и которая оказалась ее сестрой в пятом поколении; прадедушке Савелию, репрессированном в 1937 году вместе с сыновьями и внуком и расстрелянном где-то здесь, в этом городе; дедушке Силе, участнику Великой отечественной войны, призванным на фронт восемнадцатилетним. 8 мая 1945 года он, гвардии сержант, разведчик 45-й танковой бригады уже был в Берлине и до 1947 года служил в Германии начальником танкодрома; о подруге Надежде, с которой сегодня пойдет на дискотеку, и, вновь о Вере...

Вчера вечером в общежитии Люба забежала в соседнюю комнату одолжить растительное масло. В комнате находилась Вера – тихая скромница или скромная тихоня (так беззлобно за глаза называли ее однокурсницы и соседки по комнате). Вера жила в общежитии уже третий год, держалась обособленно: отвечала на вопросы, но сама никогда не задавала, не вступала в разговоры, а если обращались к ней, в основном, чтобы поделиться наболевшими проблемами, внимательно, кивая головой, слушала. Она была очень хорошим слушателем, за это была уважаема, и не только за это. Большую часть свободного времени Вера читала книги и писала рассказы, два из которых были уже опубликованы. Уважение вызывало и то обстоятельство, что при нынешних ценах, девушка умудрялась жить на скромную стипендию. И как девчонки по комнате ни уговаривали ее поужинать с ними, она со стеснительной улыбкой вежливо отказывалась.

Поздоровавшись, Люба хотела было уже продолжить поиски масла в других комнатах, но вдруг вспомнила, что Вера родом из поселка Патрасуй и поинтересовалась:

– А ты случайно не знаешь Сетову Марию Григорьевну? Она живет в вашем поселке.

– Как же, знаю. Это моя родная бабушка, мама моей мамы.

– Да ты что! Ты не могла бы рассказать о ней? Это моя теть – сестра моей бабушки в третьем поколении. Я составляю родословную, мне это очень надо...

– Расскажу...

И Люба, сбежав за ноутбуком, начала записывать новые сведения о родственниках. То, что Вера оказалась ее сестрой, стало приятной неожиданностью. Девушки долго беседовали. Люба, просматривая рассказы сестры, спросила:

– Вера, а ты действительно веришь в то, что общество будущего – это общество доброты? Это же сказка!

– Ну почему сказка? Ты ведь добрая и я добрая, и всех, кто живет рядом с нами, можно назвать добрыми. Если постоянно лелеять мысль: я живу среди доброты, – то твоя вера будет притягивать к тебе только добрых людей, и тогда рядом не будет места для зла. Примерно так и будет формироваться будущее общество доброты.

– Вера, но ведь ты живешь только на стипендию, во всем себя ограничиваешь и ты думаешь, жизнь к тебе добра?

– Да, добра. Человек ко всему привыкает. Раньше, когда мне было лет десять-двенадцать, мое самолюбие страдало от того, что родители не могли покупать нам сладости, хорошо нас одевать. Но я всегда верила, что это все временно, что когда-нибудь буду сама покупать все, что захочу. Сейчас я благодарна судьбе, именно таким и должно было быть мое детство и детство всех моих братишек и сестреночек. Мы привыкли надеяться только на свои силы, помогать друг другу. Мы научились по-настоящему ценить доброту людей, когда-то помогавшим нам, мы благодарны им на всю жизнь.

– Вера, ты не представляешь, как я рада, что у меня появилась еще одна сестра...

Вера предстала перед Любой совершенно в ином облике. Та, которая еще вчера казалась слабой, чересчур скромной, несмелой и нерешительной девушкой, оказалась интересным, уверенным и не по годам мудрым человеком.

...Прозвенел звонок. Закончились занятия. По пути на автобусную остановку подруга Надя, заливаясь смехом, делилась очередными шутками, которые, казалось, рождались у нее, обгоняя друг друга:

– Люба, я придумала, как мы в общежитие ночью придем! Подъедем на тачке, будем в дверь барабанить и орать: «А ну открывайте, свои пришли!» Нет, не так! Мы с вечера спустим из окна связанные простыни, а ночью перепутаем с другими, и заберемся к пацанам на пятый этаж. Вот умора! Нет! Не так...

Она привела бы еще десяток вариантов входа в общежитие, но Люба вдруг резко ее перебила: «Надь, я вспомнила! Сон! Как будто сегодня что-то должно произойти, какое-то событие. В доме стоит гроб, там лежит мой дед, умерший уже три года назад. Вокруг сидят родственники. Ночь. В какой-то момент дед начинает вставать и пытается покинуть домовину. Я в страхе выбегаю из дома и бегу в соседний дом к бабушке. Бегу, чтобы позвать ее. И вот мы с ней уже мчимся по улице, по пути хватаем продукты: сок, масло, конфеты. Бабушка кричит через плечо: «Бери, бери, сколько можешь взять, это необходимо сейчас». И вот мы с продуктами забегаем во

двор. Навстречу нам, пошатываясь, идет дед. Увидев продукты, он со слезами на глазах, начинает жадно есть и, наконец, успокаивается. А со стороны леса появляются темные силуэты людей: мужчин. Они как зомби идут и идут в нашу сторону, их очень много, все тянут руки к еде. Мы быстро раздаем продукты, они едят и тут же исчезают: тают в воздухе. От жалости к ним начинаю горько плакать, я понимаю, что эти силуэты – души тех людей, кто не вернулся с войны и кто воевал рядом с моим дедом. Я плакала навзрыд, мне хотелось, чтобы они подольше побыли на земле, но еда их губила, а они этого не понимали – все просили и просили есть. Получается, мы их как бы поминали, а это поминание возвращало их обратно в иной мир».

Подруга стояла молча и моргала глазами.

– Надя, ты знаешь, у меня такое ощущение, что нужно сегодня кого-то помянуть. У кого бы спросить? – сказала Люба.

И тут раздался телефонный звонок, номер был незнакомым. Звонил мужчина:

– Здравствуйте, меня зовут Андрей Петрович Русов! Я так понимаю, что говорю с Вогуловой Любовью Сергеевной?

– Да, я слушаю вас.

– Извините, мне нужно с вами встретиться по очень важному делу и обязательно сегодня, и обязательно в вечернее время.

– Но, кто вы? И кто дал номер моего телефона? Я вас не знаю...

– Любовь Сергеевна, я не могу сейчас долго говорить, это не телефонный разговор. Извините, не представился – майор милиции Русов. Вы меня не бойтесь. К сожалению, часов до девяти я буду на службе, скажите, куда потом подъехать?

– Я живу в студгородке, в четвертом общежитии. Вы мне позвоните, я выйду.

– Хорошо. В девять двадцать вечера я вам позвоню. Всего доброго.

Люба была в замешательстве. Она устала вставать на подругу и слово в слово передала ей телефонный разговор. Весь остаток дня девчонки, пребывая в неведении, ломали голову – что же услышат вечером? Может это чей-то розыгрыш? Дискотека была забыта...

II

Андрей сидел в своем кабинете за письменным столом и, глядя на часы, торопливо писал. Сегодня ему, офицеру органов безопасности, работающему по программе борьбы с коррупцией, удалось наконец-таки завершить еще одно уголовное дело.

Все утро он был не в духе, но настроение поднялось в полдень, когда его вызвали на начальственный ковер и сообщили, что дело, над которым он корпел уже второй год, можно смело закрывать. Подобных дел, конечно же, наберется еще с десятков, но завершение каждого – маленькая радость.

И вот теперь Андрей, спешно перечитывая, перепроверя, листая, сверяя, подписывая, завершал бумажную часть дела. Конечно же, подобная работа не терпит суеты, но подгоняло время. В 9-20 вечера у него встреча, которая должна пролить свет на ставшую вдруг главной проблему: что с ним происходит и почему с ним? Время бежало, вместе с ним в душе нарастала нервная дрожь.

В памяти уже в который раз всплыл тот день, когда его обычная и налаженная жизнь вдруг запнулась обо что-то непонятное и непостижимое для разума. Тогда, как обычно, рабочий день закончился поздно, почти за полночь. Проходя мимо дежурки, ему передали очередной запрос по очередному делу. На улице было холодно, давил морозец. Андрей сел в машину, завел двигатель и неспеша стал знакомиться с документом. В какой-то момент он почувствовал что-то неладное, оно исходило, как ему показалось, от зеркала заднего вида. Андрей не мог найти в себе сил, чтобы вновь взглянуть на зеркало. Его тело оцепенело, душа трепетала от необъяснимого страха. Что же зацепил его взгляд секунду назад? Подавив свои ощущения, собрав в кулак волю, он глянул в зеркало и встретил взгляд, полный отчаяния и робости. Андрей резко обернулся, еще надеясь, что в салоне машины находится все-таки один. От его движения сидящий на заднем сидении отпрянул, вжался в спинку кресла. Это был дед – щупленький и изможденный. Его волосы и жидкая бородка были белы, как снег. Дед был одет не по сезону, на нем была рубаха и штаны, серые задубевшие от грязи и пота и поэтому кажущиеся холщовыми. «Дед, ты откуда взялся?» – вырвалось у Андрея, ответа не последовало. Нет, дед что-то пытался сказать,

делал какие-то усилия, но никак не мог разжать губ. Он пробовал указать на что-то своей худощавой рукой, но она безвольно опускалась на колени. Из глаз, голубых в молодости, а теперь почти бесцветных, с маленькой точечкой – зрачком, покатались слезы. «Дед, ты кто?» – переспросил Андрей, пытаясь осознать происходящее. В голове пронеслось множество вопросов: кто, откуда, как попал в машину? Почему так странно одет? Не сон ли снится? Не сумасшествие ли это? Андрей стал озираться по сторонам, соизмеряя мир за окном машины с тем, что происходит внутри. За окном – зимний ночной город, справа – в голубом свечении здание Югра-Классик, впереди – УВД с улыбающимися счастливыми детьми на огромных баннерах, слева – военкомат. У светофора, несмотря на поздний час, десятки машин, ожидающих движения и движущихся. Как спасительную соломинку взгляд выхватил еще движение: клубящийся из трубы котельной дым и трепет разноцветных флагов близ автостоянки. За окном привычный реальный мир. А что же происходит в машине? «Да, дед, задал ты мне загадку...», – как можно спокойнее, оборачиваясь, попытался было сказать Андрей, но его слова как будто зависли в воздухе – в машине деда не было. Не поверив глазам, стал лихорадочно обшаривать руками заднее сидение. «Померещилось» – констатировал Андрей, но легче от этого не стало. С дрожью в коленях он вылез из машины, схватил пригоршню снега, принялся растирать виски.

С этой самой поры его жизнь резко изменилась. Он стал жить с таким ощущением, словно у него отняли часть физических сил, мыслей и времени. Он утратил душевное равновесие и спокойствие, в его душу вселилось необъяснимое чувство вины перед дедом. Он очень жалел его, хотел сделать для него что-то доброе и хорошее. Мысленно он вновь и вновь возвращался к тому ночному видению, и ему казалось, что он уже беседует с дедом, возит его по ночному городу, приглашает в свой дом. Мысли день ото дня становились неотступнее. Андрей стал жить ожиданием встречи с дедом. И она случилась и была похожа на первую: дед силился что-то сказать, плакал от бессилия и исчез. Месяц назад была третья встреча, дед сказал несколько слов не на русском языке, и, видя, что остался непонятым, закрыл глаза ладонями, несколько раз всхлипнул, и также исчез, словно растаял в воздухе.

Андрей мучился. Он чувствовал какую-то особенную сопричастность к происходящему, ведь неспроста дед «приходит» к нему и пытается что-то сказать. Беспокоило и свое психическое состояние. Он стал сторониться сослуживцев, старался мало бывать дома, боялся, что кто-то вдруг заподозрит его в болезни, и тогда его ждет лечение в психбольнице. Успокаивало только, что чудеса случаются на свете. Вон и по телевизору, как специально, показывают передачи о необъяснимом и таинственном. Эти передачи шли и раньше, просто на них не обращалось внимание.

И вот вчера случилась еще одна встреча. Андрей, проработав до позднего вечера, прогрел машину. Вдруг что-то, похожее на шелест листьев, прошуршало у уха, в сознании прозвучали слова: «Тебя ждет дед...». Машинально бросив взгляд в сторону звука, увидел за дверным окном маленький черный шарик. Он висел в воздухе, затем, отчетливо видимый в свете уличного освещения, медленно поплыл на противоположную сторону автостоянки. Шарик остановился и, как показалось, упал на землю. Андрей выскочил из машины, побежал к тому месту, но ничего не увидел.

Посмотрев в сторону своей машины, увидел улыбающихся с плаката детей – «новое поколение Югры». Стоп! Справа – театральный комплекс, слева – военкомат. Андрей понял, что именно на этом месте стояла его машина во время всех встреч с дедом. В радостной догадке он бросился к автомобилю и перегнал его на указанное место. Стал ждать. Наконец, оглянувшись в очередной раз, увидел деда. Чтоб не спугнуть таинственного гостя, Андрей решил молчать. И вот в тишине зазвучали слова: «Нучка, мой нучка учиться, Люпа Вокулова, мой нучка савтра ната тут». Андрей утвердительно кивнул головой, на всякий случай спросил: «Зачем?» Дед поднес руку к груди, сказал: «Тут поляна. Нучка мой Люпа Вокулова, ната савтра тут». «Не переживай дед, сделаю...», – но деда уже не было.

С утра Андрей обзвонил студенческие отделы кадров учебных заведений и нашел студентку третьего курса Югорского университета – Любовь Сергеевну Вогулову. Созвонился с ней, договорился о встрече, и скоро, очень скоро они увидятся. Поймет ли она его? Этот вопрос беспокоил его целый день.

В условленное время он был у студенческого общежития. На крыльце стояли две девчушки, увидев человека в милицмейской форме, сами подошли к нему. «Здравствуйте, Вы Андрей Петрович? Я – Люба», – сказала одна из них. «Здравствуйте, очень рад знакомству. Наш разговор будет на не совсем обычную тему. Он будет о Вашем дедушке. Вы должны меня выслушать. И я хотел бы рассказать только Вам одной...» – так, сбиваясь и волнуясь, Андрей начал свое объяснение. Надя, не заметив никакого подвоха и опасности для своей подруги, запомнив номер машины, ушла в общежитие.

...Люба внимательно слушала. Ей не нужно было долгих разъяснений и просьб поверить в то, что случилось. Выслушав сбивчивый рассказ Андрея, спросила:

- Мне сейчас нужно встретиться с дедушкой?
- Да, сейчас.
- Ну, тогда поехали.

Место на автостоянке, где проходили встречи Андрея с дедом, было свободным. Поблизости машин тоже не было. Андрей спросил у Любы, не передумала ли она, девушка твердо ответила: «Нет!», и он, оставив ее, ушел в здание милиции.

Люба стала ждать и в какой-то момент почувствовала Его присутствие. Боясь выдать свой страх, ниже опустила голову, напугалась, давая тем самым понять о том, что она чувствует присутствие своего прадедушки. И тут зазвучала родная мансийская речь: «Агикве, ам нангын ляххал тотнэ магыс вовыслум... Доченька, я тебя позвал, чтобы ты знала и рассказала родственникам, что мы есть...».

И Савелий, тот прадед, что был репрессирован в 1937 голу, поведал правнучке свою историю.

III

...Савелий со своей большой многочисленной семьей жил на Горностаевой реке. Его деревня в три дома называлась Нярпавыл. Отдельными домами жили сыновья Дмитрий и Алексей с семьями, хозяйство же было совместным. Зимой промышляли зверя, на лето выезжали на Обь. Там у них были свои плавные пески. В последние годы присматривать за домами оставался отец Савелия –

старый Никита с кем-нибудь из внуков, кто мог уже самостоятельно управляться с запорами на речках. На Обь выезжали до 1920 года, потом стало опасно. В лесу объявились незнакомые люди, манси их называли «оям рушит» – «беглые русские». Савелий не понимал, от кого они бегают и скрываются в тайге, для него все русские были равны. Он относился к ним с боязливым почтением, никогда не перечил. Обычно незнакомцы спрашивали еду и одежду, взамен обязательно что-нибудь давали: серебряное колечко, крестик или иконку. Но однажды по пути с Оби в верстах ста от дома русские грозя оружием забрали у него лодку-калданку. После этого случая семья перестала выезжать на Обь.

От двоюродного брата Савелий слышал, что зимой 1919 года в деревне Яныгпавыл стреляли. Сначала приехали на лошадях русские из Березова. Они сказали жителям теплее одеться и уйти подальше от деревни, сами же на оленной дороге, называемой еще «царской», устроили засаду. Вскоре показались другие русские, и началась стрельба. Сколько людей там было и сколько погубило, то неизвестно, но к вечеру жизнь в деревне шла уже своим чередом.

Деревню Савелия тоже посещали «беглые русские». Но чаще, пытаясь остаться незамеченными, они спускались вниз по реке в ночное время. Савелий, заслышав приглушенное рычание своих лаек, вскакивал с постели, подбегал к окну, выходящему к реке, и его взгляд сразу выхватывал из полусумрака белой ночи плывущий вдоль противоположного берега маленький плот. Обычно люди сплавлялись по двое-трое. Савелий терялся в догадках: от кого они прячутся и как попадают в верховья реки? С севера и востока непроходимые болота, а через Урал поблизости есть только один перевал, от него до Горностаевой реки две дороги: старая, труднопроходимая, находящаяся в верстах семидесяти отсюда и новая, которая выходит к реке недалеко от его деревни. Почему же люди пробираются только старой дорогой? У Савелия было двоякое чувство к ним: с одной стороны, он искренне жалел их – раз скрываются, значит, боятся, а страх плохой спутник в жизни; с другой стороны, проникался все большим уважением к ним, терпящим непомерные трудности таежных переходов. Ему всегда казалось, что в тайге способны ориентироваться только местные жители...

Впервые незнакомцы появились в деревне Савелия значительно позже, в июле 1933 года. Их было двое, они вышли из леса. Несмотря на июльский зной, были одеты в длинные шинели, старые и истрепанные. Лица и руки до крови изъедены комарами и мошками. Изнуренные жарой, голодом и усталостью, мужчины еле держались на ногах. Савелий, унимая собак, показал им на дверь своего дома. Мужчины вошли, а он метнулся к костру, подкинул дров, подвесил котел с водой. Сказав женщинам приготовить еду, пошел к гостям. Но незнакомцы, упав навзничь на застланные оленьими шкурами нары, уже спали беспробудным сном. Весь день хозяин, оберегая сон уставших людей, следил за тишиной. Внуки, обычно вечерами собирающиеся у центрального очага деревни – у костра дедушки Савелия, вынуждены были развести костер-дымокур под горой у речки. Оттуда их шум не доносился до дома Савелия.

Проспали незнакомцы без малого сутки. На следующий день, отведав свежей ухи, мужчины ушли к песчаной отмели, долго купались-отмывались в заводи, стирали и сушили одежду. Время от времени пристально вглядывались в речную даль, изредка поглядывали на деревенских, наблюдавших за ними. После купания, тот, что постарше, подошел к сыну Савелия – Дмитрию и сказал: «Нам здесь нужно пожить дней десять, затем мы уйдем. Понимаешь?» Дмитрий, виновато улыбаясь, пожимал плечами. Подошел Алексей, из всех родственников он один мог изъясняться на русском языке. Незнакомец объяснил, что в течение десяти дней к ним должны подойти еще два человека, затем все покинут деревню. Он попросил, чтобы об их присутствии не знали за пределами селения. Алексей, как мог, как умел, заверил его, а затем на семейном совете с отцом решили: если деревню кто-нибудь посетит, то пришлые на время будут уходить на озеро, там есть охотничья избушка. Их будет сопровождать средний сын Алексея – Яков, он тоже немного знает русский язык.

У Дмитрия уже второй месяц тяжело болел сын Иван. Он не поднимался с постели, его постоянно знобило, он мучительно и подолгу кашлял. Один из русских внимательно осмотрел ослабленного, почти умирающего ребенка, погладил его по светленьким волосенкам, ласково произнес: «Выкарабкаемся, сынок», и пошел в

верхний конец деревни, туда, где начинались покосы. Его долго не было, пришел с пучками разнотравья и начал готовить отвары. Днями и ночами он не отходил от больного, отпаивая его снадобьями...

Спустя неделю в деревне появились еще двое. Весь вечер все четверо просидели у костра, что-то рисовали на песке, обсуждали, иногда чуть громко, иногда переходя почти на шепот, порой доходило до споров. Когда с рыбалки приехал Алексей, русские позвали его в свой круг. Выслушав, он пошел к отцу: людям необходимы лодка и съестные припасы, уезжают они этой ночью, врач же остается в деревне до тех пор, пока не поправится сын Дмитрия.

Начались сборы. Жена Савелия с невестками сложили в берестяной короб свежее испеченные хлеба, вяленую и соленую рыбу, сушеное мясо, соль и спички. В полночь трое мужчин, оттолкнув от берега лодку, отправились в путь... Врач пробыл в деревне еще с месяц, а в конце августа Дмитрий, благодарный за спасение сына сам сопровождал его в местечко, называемое русскими «Кульбаза». Для манси оно звучало как Кульбаза, и они боялись нового поселка, построенного в местах, где им нельзя ступать. Они знали, что в далеком прошлом там, в реке жил Куль – властелин мира мертвых, он насылал болезни и смерть. Там где жил Куль, вода кружилась и пенилась, водовороты затягивали в себя даже лодки. Этот участок реки люди преодолевали со страхом и трепетом, подносили дань духу. Однажды, пожалев людей, с самого высокого неба спустилась птица Корса и схватила Куля. Она понесла его вдаль от реки, но он был тяжел и огромен, его хвост волочился по земле. Куль извивался, изворачивался, и вскоре упал на землю. Там, где он упал, появилось озеро – Куль тур, а где волочился хвост – речка, несущая свои воды из озера в реку. Много веков прошло, но вода в реке по-прежнему кружится и пенится...

Дмитрий знал протоку, по которой в половодье люди огибали запретный участок реки, по ней незаметно и миновал ставшее уже многолюдным село. Путь, который он преодолел туда и обратно, был в пятьсот верст.

В начале декабря 1937 года в деревне Савелия вновь появились русские. Они приехали на трех оленьих упряжках, каюрами у них были манси, один из них жене Савелия приходился двоюродным

братом. Прибывшие именовали себя «Красный чум». В большом доме Алексея они собрали всех жителей Няпавыл, рассказывали о событиях в стране, говорили о том, что дети должны обязательно учиться в школе и жить в интернате, привезли газеты и плакаты, затем поставили киноустановку и показали черно-белое кино. Взрослые и дети впервые видели, как на белом полотне беззвучно мелькали люди, улыбались, трудились, махали кому-то руками; впервые видели, что бывают дома, окна которых находятся друг над другом, и ломали голову: удобно ли это? Впервые видели транспорт, который может ездить без помощи оленей и лошадей. Много еще интересного и удивительного узнали жители деревни всего за один лишь день своей жизни...

Но наступило завтра – ясный, солнечный, морозный день. Утром по деревне разнеслась страшная весть: убили представителя «Красного чума». Савелий первым обнаружил убитого, вернее, висевшего на ветви расколотой молнией одиноко стоящей осины, человека. Выйдя на рассвете из дома, долго присматривался к нему подслеповатыми глазами, казалось, что человек стоит и справляет нужду. Прошло время, и забеспокоился Савелий. Не зная, что предпринять, покашливая и побряхтывая, давая тем самым знать о себе, он неуверенно засеменил в его сторону по его же следам – единственной тропке на снежном покрове. Подойдя ближе, узнал своего родственника. Несколько раз окликнул его, прежде чем осознал ужас случившегося. Не доходя метров пяти до висевшего, не зная, что предпринять, стал озираться по сторонам, затем, побежал в дом Алексея, туда, где разместились на ночлег представители Совета...

И мгновенно над семьей Савелия сгустились непомерно тяжелые свинцовые тучи, и словно не было вчерашнего дня, веселья, радости, удивлений. Словно не было мирной жизни, которой жили люди на этом месте уже не одно столетие. В один миг жизнь большого семейства рухнула, подобно дереву, в секунды сраженному молнией. Напрасно Савелий пытался доказать, что след, ведущий к осине, был единственным, значит, человек сам наложил на себя руки, но его слова никто не слышал. Напрасно пробовал рассказать о том, что с вечера родственник жаловался на мучительные и невыносимые головные боли, но эти слова не были услышаны.

Уже к полудню, обливаясь слезами, женщины прощались со своими мужьями, сыновьями, внуками, обвиненными в убийстве. К трем оленьим упряжкам, по велению советчиков, добавились еще четыре – упряжки Савелия, Дмитрия, Алексея и восемнадцатилетнего Якова.

Сначала арестованных доставили в Березовскую тюрьму, в начале января 1938 года они были уже в Остяко-Вогульске. Савелий от всего сердца надеялся, что здесь их оправдают и отпустят домой, он искренне верил, что в городе начальство намного грамотнее и справедливее. Несколько раз его вызывали на допрос, следовательно по фамилии Русов, стуча по столу кулаком, задавал один и тот же вопрос: «Кто первым сказал убить представителя Совета, кто организатор преступления?» Савелий, дрожа от волнения и страха, отвечал: «Нет-нет, сам, сам...»

С сыновьями и внуком их держали в разных камерах, виделись они всего несколько раз, мельком. Встречались взглядами, полными тоски и отчаяния, поддержки и любви. Много было разных людей в тюрьме: русские, ханты, коми, и, наверное, и другие. Савелий встречал земляков-манси, родственников, ему очень стыдно было представлять перед ними в образе врага народа, но лишь разговорившись, выяснялось, что совесть у всех была чиста.

Для Савелия и всех, кто делил с ним участь, все, что вчера казалось обычным и обыденным предстало вдруг сказочным, волшебным, чарующим. Сто раз он низко поклонился бы жене за ее каждодневные заботы о семье, целовал и баловал бы внучат, говорил бы хвалебные слова сыновьям. Много не успел сказать, сделать, показать. Смогут ли внуки найти мужские молельные места, совершат ли правильно обряды? Найдут ли в тайге многочисленные петли и капканы, сумеют ли прокормить родных? Вовремя ли установят на реке запоры, не выпустят ли рыбу? Сохранят ли свое небольшое поголовье оленей? Много было вопросов, воспоминаний и снов, но была и явь: допросы, пытки, голод и холод.

Самым страшным и тяжелым, а для многих отчаявшихся и долгожданым, стал день – 21 января 1938 года. Людей, выстроив в шеренгу, из тюрьмы повели к овощехранилищу. Все, более ста человек, знали, что это их последний путь по родимой земле. Савелий

шел в середине колонны-очереди, искал родных. Глаза отчего-то сильно слезились, руки и ноги дрожали. Идущий впереди мужчина, вдруг схватившись за сердце, упал на колени, затем завалился набок. Подбежавшие конвоиры, пытаясь поднять, сказали: «Готов», и оттащили его в сторону. Ошеломленный увиденным, Савелий оглянулся, словно ища объяснения увиденному. Шедший за ним худой высокий светловолосый человек с улыбкой произнес: «Ничего, дед! На том свете встретитесь». Улыбка русского человека вернула Савелию спокойствие, и он рассудительно стал готовить себя к входу на тот свет. Расправив плечи, приняв смиренное выражение лица, он мысленно стал прощаться со всеми родственниками, с охотничьими и рыбными угодьями, лесами, реками, озерами, благодарить за счастливую земную жизнь всех духов-покровителей. Он уже слышал одиночные выстрелы, крики, плач, рыдания; войдя в овощехранилище, уже видел, как к каждому обреченному подходили их палачи, приставляли к затылку наган, и люди, как подкошенные падали навзничь. Происходящее словно потеряло свою реальность. Савелий был уже в другом мире: видел мать, которая с радостью готовила удобное место на оленьей упряжи своему сыну. Рядом, на других оленьих упряжках, в добротных малицах, восседали, готовые тронуться в дальний путь и поджидающие отца, сыновья Дмитрий и Алексей, внук Яков...

Наступила тишина. Люба, наконец, оглянулась на заднее сиденье, но там уже никого не было. Ее охватило отчаяние: ведь она так и не успела увидеть прадеда, сказать что-то, спросить... Слова. Нужны ли они? Сердце разрывалось от жалости, сострадания, обиды за тех, кто погиб, казалось бы, в мирное для себя время. Все свои невысказанные слова, не свершившиеся надежды и чаяния, чувства и мысли люди унесли с собой.

Люба вышла из машины и пошла по улице Мира. Сквозь слезы она видела радужное свечение многочисленных огней ночного города. И это казалось ей салютом в честь безвинно убиенных. Салют был без залпов орудий, вместо этого откуда-то из-под земли доносились и доносились стоны.

IV

За годы репрессий на территории Остяко-Вогульска было безвинно убито 923 человека. Похоронены на старом заброшенном картофельном поле в треугольнике улиц Ленина, Мира и речки Вогулки.

Много лет прошло с тех пор. Люди покоятся в братской могиле, увенчанной огромным памятником – современным зданием из стекла и бетона, названным концертно-театральным комплексом.

СКАЗ О БОЛЬШОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Недавно от нас навсегда ушел Большой Человек. Он и вправду – очень большой. Его душа вмещала в себя весь мир от земли до запредельных небес, и нередко витала в таинственном и непостижимом космосе.

И вот он ушел, покинул нас. Нас – это тех, кто по-прежнему остался жить, дышать, говорить, волноваться, улыбаться...

Ушел Большой Человек, он не смог больше находиться среди нас. Он очень устал. Устал от шума, суеты, пустословия. И правда, мы очень много говорим и совершенно не умеем слушать. Мы не смотрим на Солнце и не видим дороги. Именно об этом говорил Большой человек, но так и не был услышан. Однажды он понял, что даже те, кто вроде бы и слушает его, на самом деле просто делают вид... Ему стало очень-очень тоскливо, он почувствовал большую усталость и одиночество.

Чувство одиночества ему известно давно. Это очень грустное, темное, едкое, сосущее чувство безысходной тревоги и отчаяния. Вроде бы оно свое – родное, льющееся из души, но оно терзает, мучает, изводит. У Большого Человека в детстве была мама, она любила его. Он любил ее как Солнце. Он говорил, что его мама – Солнце. Так он ее называл. Но она рано ушла за горизонт и оставила своего маленького сына. Она не хотела уходить, но устала от тяжелой, непосильной работы, и ушла... Без нее душа сына стала одинокой: он долго мучался и хотел уйти вслед за ней. Его остановили Люди, умеющие видеть Мир. Они поклонялись Солнцу – небесному

светилу, ведь оно самое главное и основное на белом свете. Эти люди научили мальчика видеть Солнце и слушать себя в этом видении. И он видел его и прислушивался к себе. Так он и стал Большим Человеком. Таким большим, что вблизи и не рассмотреть его всего, а уж понять его величие – и по давню.

И вот он ушел. Его усталость и одиночество вдруг стали невыносимыми. Он тосковал, а чтобы ему помочь, рядом не оказалось Людей, умеющих видеть весь Мир. Их уже нет среди нас. Они ушли все сразу. Почему? Может потому, что Верховные жрецы запрещали им поклоняться Солнцу, они внушали: «Солнце – это не Бог!», а тех, кто ослушивался – карали огненными стрелами. Поначалу Люди, умеющие видеть Мир, замолчали, но они все равно видели, знали будущее. Оно было сложным и запутанным. Может поэтому они и ушли? А может быть они тоже устали? Перед уходом они передали свои знания Большому Человеку. И вот ушел и он... И никому не передал знания... Почему он не захотел жить в будущем? Наверно, он просто устал от нас – маленьких и несовершенных, постоянно что-то просящих и при этом неслушающих. Устал от невнимания, невнимательности, равнодушия.

Когда Большой Человек жил среди нас, его многие даже боялись. Он умел видеть человека изнутри, а людям всегда страшно, когда их видят насквозь. Одни боялись по причине того, что незаслуженно считали себя большими и опасались разоблачения. Такие люди при нем предпочитали молчать и подобострастно улыбаться. Другие думали, что именно благодаря им, их власти, снисхождению и терпению, Большой Человек соответствует своему предназначению. Они иногда допускали его до своих каменных кабинетов, расположенных в Главной неприступной крепости. Они усаживали Большого Человека в дорогие кресла и даже предлагали испить чайного напитка. Они гордились тем, что умеют слушать. Однако, слушая Большого Человека, они думали: «Когда же он уйдет?» Страхи этих людей были связаны не тем, что они видимы душой (ну, подумаешь, душа темноватая), а тем, что могут сказать что-то невпопад. Тогда уж точно не избежать гнева Большого Человека: его Слово будет греметь громом, сверкать молнией, и даже может разрушить стены их кабинетов, которые с такими стараниями и

страданиями им доставались. Вот поэтому они и научились делать вид, что внимательно слушают.

И вот те люди, которые боялись Большого Человека, они его не любили. Они всячески старались избегать встреч с ним. И не только по причине нелюбви, но и потому, что по законам нашего Разобщенного Общества при встречах все должны были низко кланяться Большому Человеку как Избранному. А людям особенно с Главной неприступной крепости кланяться мешала гордыня. Она как заноза сидела в их сознании и руководила ими. Зато они умели скрываться: как только издали увидят Большого Человека, так сразу становились невидимыми. Как им это удавалось, то их тайна.

Однажды Большой Человек заметил, что в каменном городе стало меньше людей. Вокруг себя он видел только незнакомые лица. Он задал вопрос своему проводнику: «Куда делись люди?» Проводник был честным и совестливым, он покраснел и опустил голову. Большой Человек хотел было спросить: «Почему?», но ответ на этот вопрос уже знал. Он тяжело вздохнул и сказал: «Мне пора собираться за горизонт». Но прежде он решил попрощаться с несколькими людьми, которые (он втайне надеялся) остановят его. Тогда он останется и будет продолжать свое дело. Однако те, с кем он прощался, кому с тоской и надеждой смотрел в глаза, кому, сквозь ком в горле шептал добрые Слова, не почувствовали его тревоги, одиночества и отчаяния, и не остановили его. Совсем тосливо стало Большому Человеку и он пошел: шаркающей походкой, медленно, время от времени оглядываясь. Он уходил от нас все дальше и дальше. И вот он уже скрылся за горизонтом...

И тут случилось диво. На арену Главной площади города выскочили люди, те, кто его не слышал, и наперебой стали кричать: «Я буду Большим Человеком. Я самый умный и большой...», «Нет, я буду Большим Человеком. Я самый мудрый и больше всех...», «Нет, нет, я буду Большим Человеком. Я не дурак и больше того, кто больше всех...», «Нет, я!.. Нет, я!... Нет, я!... Нет, я!... Нет, я!...» Очень громко кричали и ругались на Главной площади люди. Они сначала не заметили, как на горизонте вдруг возник силуэт человека. Это был Большой человек. Он медленно приближался и вот он ступил на площадь. Люди его увидели, и наступила пугающая

тишина. Кажется, что люди перестали даже дышать, так было тихо. В какой-то момент, когда всех обуял страх, люди, толкая друг друга, стали торопливо спрыгивать с арены. Всем им стало очень стыдно. Они сбились в кучки поодаль и виновато, исподлобья, как нашкодившие дети, стали смотреть на Большого Человека. Они ждали его Гнева.

И дождались! Большой Человек разгневался. Его лицо стало пунцово-красным, из глаз полетели искры, его руки раскинулись в стороны, он топнул ногою и взревел: «Большими хотите стать? Большими? Так становитесь, кто вам мешает? Кто вам мешает? Но не орите, не шумите. А делайте большие дела и дайте, наконец, мне спокойно уйти. Мне тяжело в этом шуме! Вы, словно дети неразумные, не понимаете: чтобы быть Большим, надо им родиться. Надо много учиться. Надо много видеть и слышать. Будьте самими собой. Не пытайтесь играть чужую роль. Это же унижение самое себя. И, отпустите меня, я устал от вас!» Голос Большого Человека становился все тише и, смолк... Но все еще содрогались земля и небо. Слышался гул, непонятно откуда идущий. Люди, столпившись теснее, озирались по сторонам.

Постепенно гул стих, все успокоилось. Успокоился и Большой Человек. Он понял, что люди, наконец-то, его услышали. Он видел это. Большой человек улыбнулся, глубоко вздохнул и промолвил: «Спасибо вам. Теперь я спокоен. Пойду уже. Любите друг друга, любите жизнь. Живите свою жизнь, слушайте свое сердце, трудитесь как я и ждите. Ждите. Большие Люди появятся среди вас. Только для этого надо научиться видеть Солнце...».

ИСТОЧНИКИ

1. Авдеев И.И. Песни народа манси / под общ. ред. И.Н. Попова. – Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1936. – 127 с.
2. Динисламова С.С. Мы есть... : стихотворения, рассказы. – Ханты-Мансийск: ООО «Доминус», 2011. – 128 с.
3. Казанцев М. Рассказ о себе / М. Казанцев // Мы – люди Севера. Рассказы, повести, стихи и песни писателей Севера. – Л., 1949. – С. 224-243.
4. Плотников М.М. Божьи олени / М.М. Плотников // Сибирские записки. № 4, 1916 г. – Красноярск, типография Н.Г. Титовского и Ко. – С. 2-15.
5. Плотников М.М. Маньси; Шунгур / М.М. Плотников // Жертвам войны: первый омский литературный сборник, составленный исключительно из произведений писателей-сибиряков. – Омск, 1915. – С. 103-116, 117-123.
6. Плотников М.М. Янгал-маа: Вогульская поэма со статьёй автора о вогульском эпосе / М. М. Плотников. – М.-Л.: АCADEMIA, 1933. – С. 49–301.
7. Тарханов А.С. Исповедь язычника: Стихи и поэма / Предисл. К. Яковлева. – Екатеринбург: Сред.-Урал. Кн. изд-во, 2001. – 400 с.
8. Шесталов Юван Откровения крылатого Пастора // Избранное. – М.: Советский писатель, 2007. – С. 17-108.

Плотников Михаил Михайлович

Шунгур.....	3
Божьи олени.....	8
Янгал-Маа.....	24

Авдеев Иван Иванович

Медвежья песня о городском богатыре.....	213
Медвежья песня о младшей дочери кузнеца.....	217
Медвежья песня о храброй старухе.....	221
Медвежья песня о старухе Ропаске.....	225
Медвежья песня о гагаре.....	228
Медвежья песня о старике-филине.....	231

Казанцев Михаил Александрович

Рассказ о себе.....	239
---------------------	-----

Тарханов Андрей Семенович

Дума у спиленного дерева.....	263
«Мы все одиноки по-своему».....	264
Белая ночь.....	265
«Паруса снимает с лодок осень».....	265
Утро Вознесения.....	266
К тебе, столица.....	276
«Спешите говорить: – Люблю!».....	277
Утро Достоевского.....	277

Шесталов Иван Николаевич

Откровения крылатого Пастэра.....	279
-----------------------------------	-----

Динисламова Светлана Силиверстовна

Я хочу домой.....	353
Мы есть... ..	356
Сказ о Большом Человеке.....	373

Источники.....	377
-----------------------	------------

Учебное издание

Мансийская литература

Хрестоматия

для учащихся 11 класса
общеобразовательных учреждений

Подписано в печать 18.12.2017 г.
Формат А5. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman, Arial
Тираж 150 экз.

Изготовлено ООО «ФОРМАТ», г. Тюмень
Тел. 8-919-931-17-04. E-mail: format-72@yandex.ru

